

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8514 (print)

2017 / № 2

ISSN 2310-7235 (online)

серия

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по психологическим наукам (19.00.00)

The academic journal is established in 1998

«Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychology» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Psychological Sciences (19.00.00).

ISSN 2072-8514 (print)

2017 / № 2

ISSN 2310-7235 (online)

series

PSYCHOLOGY

BULLETIN OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета»:

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

Выходит 4 раза в год

**Редакционно-издательский совет
«Вестника Московского государственного
областного университета»**

Хроменков П.Н. – к. филол. н., проф., ректор МГОУ (председатель совета)

Ефремова Е.С. – к. филол. н., начальник Информационно-издательского управления МГОУ (зам. председателя)

Клычников В.М. – к. ю. н., к. и. н., проф., проректор по учебной работе и международному сотрудничеству МГОУ (зам. председателя)

Антонова Л.Н. – д. пед. н., академик РАО, Комитет Совета Федерации по науке, образованию и культуре

Асмолов А.Г. – д. псх. н., проф., академик РАО, директор Федерального института развития образования

Климов С.Н. – д. ф. н., проф., Московский государственный университет путей сообщения (МИИТ)

Клубуков Е.В. – д. филол. н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Манойло А.В. – д. полит. н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Новоселов А.Л. – д. э. н., проф., Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Пасечник В.В. – д. пед. н., проф., МГОУ

Поляков Ю.М. – к. филол. н., главный редактор «Литературной газеты»

Рюмцев Е.И. – д. ф-м. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Хухуни Г.Т. – д. филол. н., проф., МГОУ

Чистякова С.Н. – д. пед. н., проф., член-корр. РАО

ISSN 2072-8514 (print)

ISSN 2310-7235 (online)

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. – 2017. – № 2. – 110 с.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-26137.

Индекс серии «Психологические науки»

по Объединённому каталогу «Пресса России» 40717

© МГОУ, 2017.

© ИИУ МГОУ, 2017.

**Редакционная коллегия серии
«Психологические науки»**

Ответственный редактор серии:

Шульга Т.И. – д. псх. н., проф., МГОУ

Заместитель ответственного редактора серии:

Климова Е.М. – к. псх. н., МГОУ

Ответственный секретарь:

Филинкова Е.Б. – к. псх. н., доцент, МГОУ

Члены редакционной коллегии серии:

Забродин Ю.М. – д. псх. н., проф., Московский городской психолого-педагогический университет

Иванников В.А. – д. псх. н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Карри К. – д. псх. н., Православный институт святого Иоанна Богослова

Марцинковская Т.Д. – д. псх. н., проф., Психологический институт РАО (г. Москва)

Овсяник О.А. – д. псх. н., доц., МГОУ

Митина Л.М. – д. псх. н., проф., РАН

Резванцева М.О. – к. псх. н., проф., МГОУ

Утлик Э.П. – д. псх. н., проф., МГОУ

Фирсов М.В. – д. и. н., проф., МГОУ

Шнейдер Л.Б. – д. псх. н., проф., Московский психолого-социальный институт

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей несут авторы. Точка зрения автора может не совпадать с мнением редколлегии. Рукописи не возвращаются.

**Адрес Отдела по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного областного университета»**

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101); (495) 723-56-31;

e-mail: vest_mgou@mail.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

Founder of journal «Bulletin of the Moscow Region State University»:

Moscow State Regional University

————— Issued 4 times a year —————

Series editorial board «Psychology»

Editor-in-chief:

T.I. Shul'ga – Doctor of Psychology, Professor, MRSU

Deputy editor-in-chief:

Y.M. Klimova – PhD in Psychology, MRSU

Executive secretary:

Y.B. Filinkova – PhD in Psychology, Associate Professor, MRSU

Members of Editorial Board:

Zabrodin Yu.M. – Doctor in Psychological Sciences, Professor, Gorodsky Moscow Psychological-Pedagogical University;

V.A. Ivannikov – Doctor in Psychological Sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University

Ch. Currie – PhD in Psychology, Orthodox Institute of Saint John the Divine

T.D. Martsinkovskaya – Doctor of Psychology, Professor, Psychological Institute, RAE (Moscow)

O.A. Ovsyanik – Doctor of Psychology, Associate Professor, MRSU

L.M. Mitina – Doctor in Psychological Sciences, Professor, Russian Academy of Education (Moscow)

M.O. Rezvantseva – PhD in Psychology, Professor, MRSU

E.P. Utlik – Doctor of Psychology, Professor, MRSU

M.V. Firsov – Doctor of History, Professor, MRSU

L.B. Shneider – Doctor of Psychology, Professor, Moscow Psychology-Social Institute

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index (RSCI), has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of the Bulletin of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru).

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

The Editorial Board address: Moscow Region State University

10A, Radio st., office 98, Moscow, Russia
Phones: (495) 780-09-42 (add. 6101); (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

Publishing council of «Bulletin of the Moscow Region State University»

P.N. Khromenkov – PhD in Philological Sciences, Professor, Rector of MSRU (Chairman of the Council)

E.S. Yefremova – PhD in Philological Sciences, Head of Information and Publishing Department (Vice-Chairman of the Council)

V.M. Klychnikov – PhD in Juridical Sciences, PhD in Historical Sciences, Professor, Vice-Principal for academic work and international cooperation of MSRU (Vice-Chairman of the Council)

L.N. Antonova – Doctor in Pedagogic Sciences, Member of the Russian Academy of Education, the Council of the Federation Committee on Science, Education and Culture

A.G. Asmolov – Doctor in Psychological Sciences, Professor, Member of the Russian Academy of Education, Principal of the Federal Institute of Development of Education

S.N. Klimov – Doctor in Philosophical Sciences, Professor, Moscow State University of Railway Engineering

E.V. Klobukov – Doctor in Philological Sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.V. Manoylo – Doctor in Political Sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.L. Novosjolov – Doctor in Economic Sciences, Professor, Plekhanov Russian University of Economics

V.V. Pasechnik – Doctor in Pedagogic Sciences, Professor, MRSU
Yu.M. Polyakov – PhD in Philological Sciences, Editor-in-chief of "Literaturnaya Gazeta"

E.I. Rjuntsev – Doctor in Physical and Mathematical Sciences, Professor, Saint Petersburg State University

G.T. Khukhuni – Doctor of Philology, Professor, MRSU

S.N. Chistyakova – Doctor in Pedagogic Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education

ISSN 2072-8514 (print)

ISSN 2310-7235 (online)

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology. – 2017. – № 2. – 110 p.

The series «Psychology» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 0С77-26137.

Index of series «Psychology» according to the Union catalog «Press of Russia» 40717

© MRSU, 2017.

© Information & Publishing department of MRSU, 2017.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Корнилова Т.В., Зиренко М.С., Гусейнова Р.Д. ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКИХ И АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ СТУДЕНТОВ: КРОСС-КУЛЬТУРНАЯ ВАЛИДИЗАЦИЯ ОПРОСНИКА «ТЕМНАЯ ДЮЖИНА» (DIRTY DOZEN).....	6
--	---

РАЗДЕЛ II СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Безрукова А.Н., Тимофеева Т.С. ИССЛЕДОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ИНОСТРАНЦЕВ О РОССИИ ДО И ПОСЛЕ ПОСЕЩЕНИЯ НАШЕЙ СТРАНЫ.....	18
Богатырева М.Б., Бесподенов С.С. ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СМЕРТИ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ.....	27
Грудина О.А., Шульга Т.И. ВЗАИМОСВЯЗЬ СЕМЕЙНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ И УРОВНЯ ЖИЗНЕННОЙ УДОВЛЕТВОРЁННОСТИ МАТЕРЕЙ, ВОСПИТЫВАЮЩИХ ДЕТЕЙ С НАРУШЕНИЯМИ В РАЗВИТИИ.....	38
Емельяненко А.В., Александрова Е.В. ХАРАКТЕРИСТИКА МОТИВАЦИОННОЙ СФЕРЫ МЕНЕДЖЕРОВ ЧАСТНОГО БИЗНЕСА РАЗЛИЧНЫХ ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП.....	51
Ощепков А.А., Овсяник О.А., Салахова В.Б. ИССЛЕДОВАНИЕ ДИНАМИКИ СИСТЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ ПОДРОСТКА ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ТРЕНИНГА.....	61
Тимошина И.Н. ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТАРШЕКЛАСНИКОВ О ВЫСОКОМ СОЦИАЛЬНОМ СТАТУСЕ В ОБЩЕСТВЕ.....	72
Ясин М.И. УСТАНОВКИ В МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЯХ У ПРАВОСЛАВНЫХ ХРИСТИАН...80	

РАЗДЕЛ III ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Дерябина В.В. ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ.....	88
Зинина Ю.М. ВЗАИМОСВЯЗЬ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ МОТИВАЦИОННЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ И АКАДЕМИЧЕСКОЙ УСПЕШНОСТИ СТУДЕНТОВ ВУЗА.....	97

CONTENTS

SECTION I GENERAL PSYCHOLOGY

T. Kornilova, M. Zirenko, R. Guseynova. PERSONALITY CHARACTERISTICS OF RUSSIAN AND AZERBAIJANI STUDENTS: CROSS-CULTURAL VALIDATION OF DIRTY DOZEN QUESTIONNAIRE6

SECTION II SOCIAL PSYCHOLOGY

A. Bezrukova, T. Timofeeva. ANALYSIS OF FOREIGNERS' NOTIONS OF RUSSIA BEFORE AND AFTER VISITING THIS COUNTRY18

M. Bogatyreva, S. Bepoldenov. SPECIFICITY OF IDEAS ABOUT DEATH IN ADOLESCENCE.....27

O. Grudinina, T. Shulga. INTERDEPENDENCE OF FAMILY WELL-BEING AND THE LEVEL OF SATISFACTION WITH LIFE OF MOTHERS RAISING CHILDREN WITH DEVELOPMENTAL DISABILITIES38

A. Emelyanenkova, E. Alexandrova. CHARACTERISTICS OF MOTIVATION SPHERE OF MANAGERS OF PRIVATE BUSINESS IN VARIOUS AGE GROUPS.....51

A. Oschepkov, O. Ovsyanik, V. Salakhova. STUDY OF ADOLESCENT'S VALUES SYSTEM DYNAMICS UNDER INFLUENCE OF SOCIAL-PSYCHOLOGICAL TRAINING61

I. Timoshina. REPRESENTATIONS OF HIGH SCHOOL STUDENTS ABOUT HIGH SOCIAL STATUS IN SOCIETY72

M. Yasin. ATTITUDES IN INTERPERSONAL RELATIONS OF ORTHODOX CHRISTIANS.....80

SECTION III EDUCATIONAL PSYCHOLOGY

V. Deryabina. PSYCHOLOGICAL SECURITY OF EDUCATIONAL ENVIRONMENT.....88

Ju. Zinina. THE RELATIONSHIP BETWEEN SATISFACTION OF MOTIVATIONAL NEEDS AND ACADEMIC SUCCESS OF UNIVERSITY STUDENTS.....97

РАЗДЕЛ I. ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9.07

DOI: 10.18384/2310-7235-2017-2-6-17

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКИХ И АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ СТУДЕНТОВ: КРОСС-КУЛЬТУРНАЯ ВАЛИДИЗАЦИЯ ОПРОСНИКА «ТЕМНАЯ ДЮЖИНА» (DIRTY DOZEN)

Корнилова Т.В.¹, Зиренко М.С.¹, Гусейнова Р.Д.²

¹ *Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, Российская Федерация*

² *Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Бакинский филиал)
г. Баку, ул. Университетская, д. 1, пос. Ходжасан, Республика Азербайджан*

Аннотация. В статье представлены результаты апробации опросника «Тёмная дюжина» на двух выборках азербайджанских студентов, обучающихся и тестирующихся на русском и на азербайджанском языках. Как для конфигурационной, так и для метрической конгруэнтностей факторных структур были получены приемлемые индексы соответствия для трёх студенческих выборок – российской и двух азербайджанских. Выявленные различия по высоте измеренных макиавеллизма и психопатии позволили сделать вывод о личностной специфике студентов в зависимости от языка обучения, что отражает и культурные особенности азербайджанских выборок.

Ключевые слова: кросс-культурная инвариантность, опросник «Тёмная дюжина» (Dirty Dozen), Тёмная триада, макиавеллизм, психопатия, нарциссизм.

PERSONALITY CHARACTERISTICS OF RUSSIAN AND AZERBAIJANI STUDENTS: CROSS-CULTURAL VALIDATION OF DIRTY DOZEN QUESTIONNAIRE

T. Kornilova¹, M. Zirenko¹, R. Guseynova²

¹ *Moscow State University named after M.V. Lomonosov
11, building 9, Mokhovaya str., Moscow, 125009, Russian Federation*

² *Baku branch of the Moscow State University named after M.V. Lomonosov
1, Universitetskaya str., Hodzhasan vil., Baku, Azerbaijan*

Abstract. This article presents the results of the Dirty Dozen questionnaire approbation on two samples of Azerbaijani students: those studying and being tested in Russian language and those undergoing the same procedures but in Azerbaijani language. Acceptable compliance indices

© Корнилова Т.В., Зиренко М.С., Гусейнова Р.И., 2017.

were received for configuration and metric factorial structure congruencies in all three student samples – one Russian and two Azerbaijani. The samples differ in levels of measured Machiavellianism and psychopathy, suggesting personality specifics of students depending on the language they are studying in, which reflects the cultural characteristics of the Azerbaijani samples.

Key words: cross-cultural validation, Dirty Dozen questionnaire, Dark Triad, Machiavellianism, psychopathy, narcissism.

В психологии студенческого возраста достаточное внимание уделяется личностным особенностям студентов. Это важно как с точки зрения организации взаимодействия всех участников учебного процесса в вузе, так и с точки зрения выявления личностных предикторов академических достижений [10; 11; 26 и др.]. Особую роль мониторинг личностных свойств приобретает при работе преподавателей в разных культурных средах.

В ряде государств, бывших в рамках Советского Союза, а ныне самостоятельно развивающихся, реализуются образовательные системы, построенные в ориентировке на высшее образование в России. Так, филиалы Московского государственного университета работают в Азербайджане, Узбекистане и др. Это позволяет проводить кросс-культурные исследования, в которых более контролируемы, чем при обычном типе такого исследования, выступают те контекстные переменные, которые связаны с образовательной средой (студенты учатся по тем же программам, а часто и у тех же преподавателей, что и студенты в Москве). Вместе с тем при обучении студентов в этих филиалах МГУ представлены и те проводники культуры, которые отличаются страны и составляют особенности субъектов образовательной среды.

Мы поставили **целью** работы провести установление кросс-культурной инвариантности психодиагности-

ческого методического средства (опросника «Темная дюжина») для азербайджанских и российских студентов, что позволяет перейти к кросс-культурным исследованиям на основе диагностики свойств так называемой Тёмной триады – макиавеллизма, психопатии и нарциссизма.

Обычно к студенческим выборкам применяются опросники, направленные на выявление мотивации обучения и тех личностных свойств, которые связаны с академическими достижениями. Например, в этом контексте обсуждались черты, объединённые в Большую пятерку (БП), которые охватывают общие диспозиционные тенденции, проявляющиеся у всех людей в большом спектре ситуаций межличностного взаимодействия [19; 23 и др.]. В последние годы фокус внимания переместился на сравнение других свойств; в частности, для азербайджанских выборок это свойства эмоционального интеллекта, имплицитных теорий личности и интеллекта и др. [6; 8; 20]. Обращение к диагностике свойств Тёмной триады (ТТ) оправдано тем, что они оказываются связанными с регуляцией когнитивных стратегий [9], моральным развитием личности [17].

Существуют разные позиции в отношении совместного рассмотрения черт БП и ТТ. В частности, было показано, что согласие и эмоциональная нестабильность (нейротизм) объясня-

ют 47% дисперсии макиавеллизма [15], а показатели психопатии могут быть предсказаны на основании показателей четырёх черт, входящих в БП (исключая открытость опыту) [22]. Другая позиция заключается в том, что БП недостаточно для диагностики существенных черт личности, в особенности тех, которые связаны с совестью, моралью и саморегуляцией [14]. Так, свойства, отражающие отношение человека к неопределённости (толерантность – интолерантность к неопределённости), не охватываются чертами БП, но выступают в значимых связях с Тёмной триадой [3].

Тёмная триада

Включаемые в Тёмную триаду личностные свойства фокусируются на нежелательных, социально неодобряемых личностных свойствах людей. Три качества личности объединены под этим названием: *макиавеллизм*, *нарциссизм* и *психопатия* [24]. Их объединяет, во-первых, общность отрицательной оценки соответствующих поведенческих проявлений (в отличие, например, от нейтрально представляемых черт Большой пятерки). Во-вторых, они коррелируют между собой, хотя имеют разную этиологию и проявляют разные связи с другими свойствами. Так, макиавеллизм и психопатия отрицательно связаны с общей эмоциональной самоэффективностью, в то время как нарциссизм связан с этой чертой положительно [25]. На австралийских выборках устанавливались положительные связи всех трёх свойств Тёмной триады с негативным аффектом (по методике PANAS) и дисфункциональной импульсивностью [16].

Конструкт *макиавеллизма* кратко описывается как личность, склонная к манипулированию другими людьми в своих интересах. Соответствующая диагностическая шкала – Мак-шкала – сложилась из утверждений, взятых из книги Н. Макиавелли. Подобное поведение проявляется также в использовании лжи, обмана, запугивания или подкупа [2]. Т. Корниловой и И. Чигриновой было показано, что макиавеллизм входит в латентную переменную, отрицательно связанную с «Ценностным отношением к другому» [7]. М. Егорова подчеркивала, что высокий уровень макиавеллизма является показателем дисфункциональной личности и поведение этой личности является компенсаторным, направленным на сохранение целостности эго (status quo) [1].

Понятия *психопатия* и *нарциссизм* пришли в психологию из клинических исследований, но в рамках Тёмной триады эти свойства подразумеваются как неклинические проявления. *Психопатия* вошла в Тёмную триаду в качестве черты, характеризующейся импульсивностью, эгоцентричностью, стремлением к доминированию, манипулятивному поведению, низким уровнем эмпатии, эмоциональной холодностью. При разведении первичной и вторичной психопатии эти характеристики отнесены именно к первичной, в то время как со вторичной связывают общую личностную нестабильность и антиобщественное поведение [13].

Нарциссизм проявляется в совокупности личностных черт, таких как грандиозное чувство самозначимости, захваченность фантазиями неограниченного успеха, потребность в восхищении, отсутствие эмпатии, зависть к

достижениям других, заносчивое поведение [12]. Противоречивы данные о связях его на российских выборках с развитием эмоционального интеллекта, эмоциональной сферой [8].

В последние годы большое число обзорных и эмпирических статей посвящено свойствам Тёмной триады, а практическая значимость их измерения привела к разработке ряда кратких опросников, из которых нами был апробирован опросник Dirty Dozen – «Тёмная дюжина» (ТД) [5].

Метод

Участники исследования

По опроснику ТД тестировались три выборки, всего 580 чел.:

1) 145 российских студентов, обучающихся в МГУ в г. Москва (возраст $M=19,94$, $SD=1,57$), из них 50 юношей;

2) 222 студента, обучающихся в г. Баку в филиале МГУ на русском языке (возраст $M=19,2$, $SD=1,63$); из них 82 юноши;

3) 213 студентов Бакинского государственного и Азербайджанского технического университетов, обучающихся на азербайджанском языке ($M=19,9$, $SD=0,89$), из них 105 юношей.

Выборки не различались значимо по возрасту и полу.

Опросник “Dirty Dozen”, или «Тёмная дюжина» (ТД)

Краткий вариант опросника «Тёмная дюжина» в авторском англоязычном названии звучит как «Грязная дюжина» (Dirty Dozen) [18] – по числу вошедших в него пунктов. При его русскоязычной апробации в качестве более адекватного было взято название «Тёмная дюжина» [5].

Он включает в себя 12 самооценочных пунктов, по которым диагности-

руются три переменные: макиавелизм, психопатия (на субклиническом уровне) и нарциссизм. Валидность и надёжность этого опросника устанавливались для англоязычной версии [21] и русскоязычной – на российских выборках, где была подтверждена его трёхфакторная структура [5]. Первое кросс-культурное сравнение с азербайджанской выборкой было проведено на базе Бакинского филиала МГУ Г.А. Гаджиевой, рассмотревшей связь ТД с эмоциональным интеллектом и успеваемостью [4].

При первоначальном установлении факторной структуры опросника ТД для азербайджанских выборок учитывались данные не только студенческой популяции, но и взрослых; к тому же описывались результаты тестирования только на русском языке [8]. Теперь мы провели кросс-культурную апробацию методики именно для студенческих выборок, причём с привлечением и выборки студентов, обучающихся и тестировавшихся на азербайджанском языке. Перевод опросника ТД Р. Гусейновой уточнялся азербайджанскими преподавателями.

Результаты

Для проверки гипотезы о конгруэнтности факторных структур опросника проведён подтверждающий факторный анализ. При построении моделей для их идентификации дисперсия каждого фактора была приравнена к единице. Факторные нагрузки, коэффициенты ковариации между факторами и ошибки измерения вычислялись свободно. Анализ осуществлялся с введением поправки на отклоняющееся от нормального распределение данных.

1. Подтверждение факторной структуры опросника для каждой из трех выборок

На первом этапе обработки данных с помощью конфирматорного факторного анализа были построены модели для каждой студенческой выборки в

отдельности (табл. 1). Все группы продемонстрировали хорошие индексы соответствия модели опросника по ключу полученным данным. Во всех трёх выборках все 12 пунктов значимо связаны с нагружаемыми факторами в соответствии с ключом.

Таблица 1

Конфирматорный факторный анализ для каждой из групп российских и азербайджанских студентов

	Добавленная ковариация между остаточными членами	SB χ^2	df	CFI	RMSEA
Российские студенты	E7 и E4, E11 и E9, E11 и E10	76,630	48	0,943	0,065
Азербайджанские студенты, тестировавшиеся на русском языке	E3 и E2, E10 и E9	79,814	49	0,958	0,054
Азербайджанские студенты, тестировавшиеся на азербайджанском языке	E8 и E3, E8 и E4, E10 и E9	55,930	48	0,971	0,028

Примечание: SB χ^2 = хи-квадрат Саторра-Бентлера (Satorra-Bentler χ^2); CFI = сравнительный индекс соответствия (comparative fit index), RMSEA = корень из среднеквадратической ошибки аппроксимации (root mean-square error of approximation).

Для каждой из групп была подтверждена структура опросника «Тёмная дюжина», причём для азербайджанских выборок индексы соответствия моделей данным лучше, чем для российской. Таблицы факторных нагрузок пунктов на шкалы и интеркорреляций шкал по каждой из выборок приведены ниже (табл. 2).

2. Внутренняя согласованность и взаимосвязь шкал

Альфа Кронбаха для шкал Темной Дюжины по данным российских студентов: макиавеллизм $\alpha = 0,816$, психопатия $\alpha = 0,660$, нарциссизм $\alpha = 0,769$. Значимые различия по фактору пола (ранговый критерий Манна-Уит-

ни) установлены для макиавеллизма и психопатии – оба показателя значимо выше у мужчин ($p < 0,01$).

Для шкал опросника по данным азербайджанских студентов, обучающихся на русском языке, α составила: макиавеллизм $\alpha = 0,797$, психопатия $\alpha = 0,757$, нарциссизм $\alpha = 0,767$. Значимые различия по фактору пола (ранговый критерий Манна-Уитни) установлены для шкал макиавеллизма и психопатии – оба показателя значимо выше у мужчин ($p < 0,001$).

Для шкал по данным азербайджанских студентов, обучающихся на азербайджанском языке, α составила: макиавеллизм $\alpha = 0,675$, психопатия $\alpha = 0,571$,

Таблица 2

Факторные нагрузки пунктов на шкалы по всем выборкам

Пункт опросника	Макиавеллизм	Психопатия	Нарциссизм
1. Я склонен манипулировать другими для достижения своих целей.	0,62/0,75/0,50		
2. Я использовал обман или ложь для достижения своих целей.	0,77/0,57/0,59		
3. Я использовал лесть для достижения своих целей.	0,79/0,55/0,55		
4. Я склонен использовать других людей в своих целях.	0,58/0,85/0,75		
5. Я склонен не испытывать угрызений совести.		0,68/0,56/0,61	
6. Я склонен не беспокоиться о моральных качествах моих поступков.		0,92/0,65/0,78	
7. Я склонен к бессердечности и нечувствительности.		0,33/0,77/0,38	
8. Я склонен к цинизму.		0,33/0,69/0,24	
9. Я бы хотел, чтобы мной восхищались другие люди.			0,76/0,60/0,54
10. Я бы хотел, чтобы другие люди обращали на меня внимание.			0,81/0,65/0,45
11. Я склонен к поиску престижа и социального статуса.			0,56/0,78/0,63
12. Я бы хотел, чтобы другие люди делали мне особые одолжения.			0,58/0,52/0,54

Примечание: Все коэффициенты корреляции значимы на уровне $p < 0,05$.

нарциссизм $\alpha = 0,667$. Значимые различия по фактору пола установлены для психопатии – этот показатель значимо выше у

азербайджанских мужчин ($p < 0,001$).

В таблице 3 приведены корреляции шкал опросника между собой.

Таблица 3

Интеркорреляции шкал Тёмной дюжины по трем выборкам

Шкала	1	2	3
1. Макиавеллизм	1		
2. Психопатия	0,39*/0,56*/0,36*	1	
3. Нарциссизм	0,35*/0,42*/0,44*	-0,20*/0,13/0,08	1

Примечание: 1) В таблице приведены факторные нагрузки для российских студентов / азербайджанских студентов (на русском языке) / азербайджанских студентов (на азербайджанском языке); 2) * – уровень значимости $p < 0,05$.

Шкалы макиавеллизма и психопатии, а также макиавеллизма и нарциссизма показали схожие паттерны корреляций для всех трёх групп, в то время как отрицательная корреляция психопатии с нарциссизмом значима только в российской выборке.

3. Установление конгруэнтности факторных структур

На следующем этапе была проведена проверка конгруэнтности факторных структур. Как для конфигурационной, так и для метрической конгруэнтностей факторных структур были получены приемлемые индексы соответствия (табл. 4).

Таблица 4

Мультигрупповой анализ по всем трем выборкам

	SB χ^2	df	CFI	RMSEA
1. Конфигурационная конгруэнтность	264,546	145	0,918	0,066
2. Метрическая конгруэнтность	280,527	166	0,921	0,060

Примечание: CFI = сравнительный индекс соответствия (comparative fit index), RMSEA = корень из среднеквадратической ошибки аппроксимации (root mean-square error of approximation).

Отдельно также сопоставлялись модели по данным азербайджанских студентов, тестировавшихся на русском и азербайджанском языках. Проверка конфигурационной конгруэнтности моделей показала хорошие индексы соответствия: SB χ^2 (97) = 136,745, $p < 0,01$, CFI = 0,958, RMSEA = 0,044. Таким образом, конфигурация шкал опросников на азербайджанском и русском языках совпадает для всех азербайджанских студентов. Проверка метрической конгруэнтности показала хорошие индексы соответствия: SB χ^2 (107) = 146,436, $p < 0,01$, CFI = 0,959, RMSEA = 0,041 – однако пункты 2, 3, 4, 6, 7 и 8 работают не одинаково в двух выборках. В значениях шкал это отражается так, что показатели по шкалам макиавеллизма и психопатии значимо выше в группе азербайджанских студентов, тестировавшихся на русском языке, и это проявляется как в женской, так и в мужской выборке ($p < 0,01$ для всех сравнений, критерий Манна-Уитни). Следовательно, пункты шкал макиавеллизма и психопатии по-разному воспринимаются студентами двух азербайджанских выборок (обучающихся на русском и азербайджанском языках), в чём можно видеть и культурное различие выборок, а не только факт предъявления опросника на разных языках. В показателях по

шкале нарциссизма различий не обнаружено как среди мужчин, так и среди женщин.

Таким образом, для опросника ТД, заполненного азербайджанскими студентами на русском и на азербайджанском языках, установлена конфигурационная конгруэнтность структур (пункты нагружают одни и те же факторы в двух выборках), но метрическая конгруэнтность установлена не для всех пунктов. В частности, пункты 2, 3, 4 (нагружающие шкалу макиавеллизма) и пункты 6, 7, 8 (нагружающие шкалу психопатии) связаны со шкалами, к которым относятся по ключу, метрически неэквивалентно. Шкала нарциссизма продемонстрировала метрическую конгруэнтность по всем пунктам. Поэтому только по ней мы даём сравнение российской и азербайджанских выборок.

Обсуждение результатов

Выделенные факторные структуры и показатели внутренней согласованности шкал (по α -Кронбаха) схожи с исходным англоязычным вариантом как в российской, так и в обеих азербайджанских выборках. Получение данных в пользу как конфигурационной, так и метрической конгруэнтностей факторных структур для российской и двух азербайджанских

выборки позволяет говорить об общности свойств Тёмной триады для описания личностного профиля российских и азербайджанских студентов. Это означает также возможность включения методики «Тёмная дюжина» в дальнейшие кросс-культурные исследования и в личностную экспресс-диагностику в рамках азербайджанской культуры.

Шкалы макиавеллизма в нашем исследовании оказались положительно связанными со шкалами нарциссизма и психопатии во всех трех выборках; т. е. отличий в психологическом профиле между российскими и азербайджанскими студентами в этом аспекте не выявлено. Эти корреляции соответствуют установленным на больших и более взрослых выборках [8] данным о связях свойств Тёмной триады между собой.

Некоторые различия проявились в том, что связи между личностными шкалами для студенческого возраста не полностью соответствуют установленным для более взрослых российских выборок. Так, для студенческих азербайджанских выборок нами не выявлена связь психопатии с нарциссизмом, устанавливавшаяся на смешанной выборке студентов и взрослых бакинцев в исследовании Т.В. Корниловой и др. [8]. Учитывая продемонстрированные в том же исследовании факты: а) более высоких показателей макиавеллизма и психопатии в московской выборке при равенстве нарциссизма с бакинской, б) снижения всех свойств Темной триады с возрастом в бакинской выборке (и психопатии – в московской) – у российских студентов можно было ожидать установленную нами отрицательную корреляцию психопатии и нарциссизма.

То, что соответствующей связи не наблюдается для бакинских выборок, позволяет говорить о кросс-культурной специфике этого аспекта личностных профилей сравниваемых культурных выборок.

Как оказалось, связи в личностных профилях двух азербайджанских выборок, тестировавшихся на русском и азербайджанском языках, в общем схожи, но различия в метрических характеристиках шкал позволили нам провести кросс-культурное сравнение только по показателю нарциссизма. Различий в выраженности нарциссизма у тестировавшихся на азербайджанском и русском языках мужчин и женщин не обнаружено.

Все сказанное позволяет предлагать опросник ТД азербайджанским выборкам в зависимости от предпочитаемого языка, но учитывать метрическую неинвариантность шкал, чтобы не сделать артефактных выводов о высоте переменных.

Выводы

1. Для студенческих выборок России и Азербайджана установлена кросс-культурная конгруэнтность факторных структур опросника Темная дюжина.

2. В сравнении данных азербайджанских студентов, обучающихся и тестировавшихся на русском и азербайджанском языках, установлены как общность связей в свойствах «Тёмной триады» (положительные связи макиавеллизма с психопатией и нарциссизмом), так и метрическая неинвариантность шкал макиавеллизма и психопатии (при метрической инвариантности нарциссизма).

3. Выявлена специфическая для российской студенческой выборки от-

рицательная связь психопатии с нарциссизмом.

4. Опросник может предъявляться

для азербайджанских участников исследований с обработкой данных по

сходному ключу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Егорова М.С. Макиавеллизм в структуре личностных свойств // Вестник Пермского государственного педагогического университета. Серия 10: Дифференциальная психология. 2009. № 1–2. С. 65–80.
2. Знаков В.В. Макиавеллизм, манипулятивное поведение и взаимопонимание в межличностном общении // Вопросы психологии. 2002. № 6. С. 23–53.
3. Корнилова Т.В. Интеллектуально-личностный потенциал человека в условиях неопределенности и риска. СПб., 2016. 334 с.
4. Корнилова Т.В., Гаджиева Г.И. Кросс-культурное исследование связей Темной Триады с эмоциональным интеллектом (на российской и азербайджанской выборках) // Теоретические проблемы этнической и кросс-культурной психологии: материалы Пятой Международной научной конференции, Смоленск, 27–28 мая 2016 г.: в 2 т. / отв. ред. В.В. Гриценко. Т. 1. Смоленск, 2016. С. 238–241.
5. Корнилова Т.В. Корнилов С.А., Чумакова М.А., Талмач М.С. Методика диагностики личностных черт «Темной триады»: апробация опросника «Тёмная Дюжина» // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 2. С. 99–112.
6. Корнилова Т.В., Бахшалиева С.И. Кросс-культурное исследование индивидуальных особенностей принятия решений и толерантности к неопределенности у российских и азербайджанских студентов // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2016. Т. 9. № 47. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 25.04.2015).
7. Корнилова Т.В., Чигринова И.А. Стадии индивидуальной морали и принятие неопределенности в регуляции личностных выборов // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 2. С. 69–87.
8. Корнилова Т.В., Чумакова М.А., Гаджиева Г.И. Кросс-культурное исследование связей Темной Триады с Эмоциональным Интеллектом (на российской и азербайджанской выборках) // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2016. Т. 9. № 47. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 25.04.2015).
9. Красавцева Ю.В., Корнилова Т.В. Свойства Темной триады в регуляции стратегий принятия решений (на материале игровой задачи Айова – IGT) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2016. № 2. С. 22–33.
10. Мишкевич А.М. Черты личности как предиктор учебной успеваемости страшеклассников // Актуальные проблемы психологического знания. 2015. №3. С. 69–79.
11. Смирнов С.Д. Психология и педагогика для преподавателей высшей школы. М., 2014. 423 с.
12. Соколова Е.Т. Нарциссизм как клинический и социокультурный феномен // Вопросы психологии. 2009. № 1. С. 67–80.
13. Хаэр Р. Лишенные совести. Пугающий мир психопатов. М., 2007. 288 с.
14. Block J. The five-factor framing of personality and beyond: Some ruminations // Psychological Inquiry. 2010. V. 21(1). P. 2–25.
15. Douglas H., Bore M., Munro D. Construct validity of a two-factor model of psychopathy // Psychology. 2012. V. 3. P. 243–248.
16. Jonason, P.K., Jackson C.J. The Dark Triad traits through the lens of Reinforcement Sensitivity Theory // Personality and Individual Differences. 2016. V. 90. P. 273–277.

17. Jonason, P.K., Zeigler-Hill V., Okan C., Good V. Predicting sinning with dark personality traits and moral foundations // *Personality and Individual Differences*. 2017. V. 104. P. 180–185.
18. Jonason, P.K., Webster, G.D. The Dirty Dozen: A concise measure of the Dark Triad // *Psychological Assessment*. 2010. V. 22. P. 420–432.
19. Komarraju M., Karau S.J., Schmeck R.R. Role of the Big Five personality traits in predicting college students' academic motivation and achievement // *Learning and Individual Differences*. 2009. V. 19 (1). P. 47–52.
20. Kornilova T.V., Chumakova M.F., Izmailova A.M. Implicit Theories of Intelligence and Personality, Attitudes towards Uncertainty, and Academic Achievement in College Students: cross-cultural study // *The Proceedings 3-rd International Academic Conference on Social Sciences, Istanbul, April 24–25, 2015. Batumi, 2015*. P. 189–202.
21. Maples J.L., Lamkin J., Miller J.D. A test of two brief measures of the dark triad: the dirty dozen and short dark triad // *Psychological Assessment*. 2014. V. 26 (1). P. 326–331.
22. Miller J.D., Lynam D.R. Psychopathy and the Five-Factor Model of personality: A replication and extension // *Journal of Personality Assessment*. 2003. V. 81(2). P. 168–178.
23. Nofle E.E., Robins R.W. Personality predictors of academic outcomes: big five correlates of GPA and SAT scores // *Journal of personality and social psychology*. 2007. V. 93 (1). P. 116.
24. Paulhus D.L., Williams K.M. The Dark Triad of personality: Narcissism, Machiavellianism, and Psychopathy // *Journal of Research in Personality*. 2002. V. 36. P. 556–563.
25. Petrides K.V., Pérez-González J.C., Furnham A. On the criterion and incremental validity of trait emotional intelligence // *Cognition & Emotion*. 2007. V. 21. P. 26–55.
26. Poropat A.E. A meta-analysis of the five-factor model of personality and academic performance // *Psychological bulletin*. 2009. V. 135 (2). P. 322.

REFERENCES

1. Egorova M.S. [Machiavellianism in the structure of personal properties]. In: *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya 10: Differentsial'naya psikhologiya*, 2009, no. 1/2, pp. 65–80.
2. Znakov V.V. [Machiavellianism, manipulative behaviour and mutual understanding in interpersonal communication]. In: *Voprosy psikhologii*, 2002, no. 6, pp. 45–54.
3. Kornilova T.V. Intellekturno-lichnostnyi potentsial cheloveka v usloviyakh neopredelennosti i riska [Intellectual-personal potential of a person in conditions of uncertainty and risk]. St. Petersburg, 2016. 334 p.
4. Kornilova T.V., Gadzhieva G.I. [Cross-cultural study of the Dark Triad and emotional intelligence (for Russian and Azerbaijani samples)]. In: *Teoreticheskie problemy etnicheskoi i kross-kul'turnoi psikhologii: materialy Pyatoi Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Smolensk, 27–28 maya 2016 g. T. 1* [Theoretical problems of ethnic and cross-cultural psychology: proceedings of the Fifth International scientific conference, Smolensk, May 27–28, 2016, Vol. 1]. Smolensk, 2016, pp. 238–241.
5. Kornilova T.V., Kornilov S.A., Chumakova M.A., Talmach M.S. [The technique of diagnostics of personality traits of the "Dark triad": the approbation of a questionnaire of the Dark Dozen]. In: *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 2015, vol. 36, no. 2, pp. 99–112.
6. Kornilova T.V., Bakhshalieva S.I. [Cross-cultural study of individual characteristics of decision-making and tolerance to ambiguity the Russian and Azerbaijani students: elektronnyi nauchnyi zhurnal]. In: *Psikhologicheskie issledovaniya*, 2016, T. 9, № 47 [Psychological research: electronic scientific journal, 2016, T. 9, no. 47]. Available at: <http://psystudy.ru> (accessed: 25.04.2015).

7. Kornilova T.V., Chigrinova I.A. [The stage of individual morality and the acceptance of uncertainty in the regulation of personal election]. In: *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 2012, vol. 33, no. 2, pp. 69–87.
8. Kornilova T.V., Chumakova M.A., Gadzhieva G.I. [Cross-cultural study of the Dark Triad and Emotional Intelligence (for Russian and Azerbaijani samples) [Electronic source]. In: *Psikhologicheskie issledovaniya: elektronnyi nauchnyi zhurnal*, 2016, T. 9, no. 47 [Psychological research: electronic scientific journal, 2016, T. 9, no. 47]. Available at: <http://psystudy.ru> (accessed: 25.04.2015).
9. Krasavtseva Yu.V., Kornilova T.V. [The properties of the Dark triad in the regulation strategies of decision-making (based on the game problem Iowa IGT)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*, Seriya: Psikhologicheskie nauki, 2016, no. 2, pp. 22–33.
10. Mishkevich A.M. [Personality traits as predictor of academic achievement of senior school-children]. In: *Aktual'nye problemy psikhologicheskogo znaniya*, 2015, no. 3, pp. 69–79.
11. Smirnov S.D. *Psikhologiya i pedagogika dlya prepodavatelei vysshei shkoly* [Psychology and pedagogy for teachers in higher education]. Moscow, 2014. 423 p.
12. Sokolova E.T. [Narcissism as clinical and socio-cultural phenomenon]. In: *Voprosy psikhologii*, 2009, no. 1, pp. 67–80.
13. Hare R. *Lishennye sovesti. Pugayushchii mir psikhopatov* [Devoid of conscience. Frightening world of psychopaths]. Moscow, 2007. 288 p.
14. Block J. The five-factor framing of personality and beyond: Some ruminations. In: *Psychological Inquiry*, 2010, V. 21 (1), pp. 2–25.
15. Douglas H., Bore M., Munro D. Construct validity of a two-factor model of psychopathy. In: *Psychology*, 2012, V. 3, pp. 243–248.
16. Jonason P.K., Jackson C.J. The Dark Triad traits through the lens of Reinforcement Sensitivity Theory. In: *Personality and Individual Differences*, 2016, V. 90, pp. 273–277.
17. Jonason P.K., Zeigler-Hill V., Okan C., Good V. Predicting sinning with dark personality traits and moral foundations. In: *Personality and Individual Differences*, 2017, V. 104, pp. 180–185.
18. Jonason P.K., Webster, G.D. The Dirty Dozen: A concise measure of the Dark Triad. In: *Psychological Assessment*, 2010, V. 22, pp. 420–432.
19. Komaraju M., Karau S.J., Schmeck R.R. Role of the Big Five personality traits in predicting college students' academic motivation and achievement. In: *Learning and Individual Differences*, 2009, V. 19 (1), pp. 47–52.
20. Kornilova T.V., Chumakova M.F., Izmailova A.M. Implicit Theories of Intelligence and Personality, Attitudes towards Uncertainty, and Academic Achievement in College Students: cross-cultural study. In: *The Proceedings 3-rd International Academic Conference on Social Sciences*, Istanbul, April 24–25, 2015, Batumi, 2015, pp. 189–202.
21. Maples J.L., Lamkin J., Miller J.D. A test of two brief measures of the dark triad: the dirty dozen and short dark triad. In: *Psychological Assessment*, 2014, V. 26 (1), pp. 326–331.
22. Miller J.D., Lynam D.R. Psychopathy and the Five-Factor Model of personality: A replication and extension. In: *Journal of Personality Assessment*, 2003, V. 81(2), pp. 168–178.
23. Nofle E.E., Robins R.W. Personality predictors of academic outcomes: big five correlates of GPA and SAT scores. In: *Journal of personality and social psychology*, 2007, V. 93 (1), pp. 116.
24. Paulhus D.L., Williams K.M. The Dark Triad of personality: Narcissism, Machiavellianism, and Psychopathy. In: *Journal of Research in Personality*, 2002, V. 36, pp. 556–563.
25. Petrides K.V., Pérez-González J.C., Furnham A. On the criterion and incremental validity of trait emotional intelligence. In: *Cognition & Emotion*, 2007, V. 21, pp. 26–55.
26. Poropat A.E. A meta-analysis of the five-factor model of personality and academic performance. In: *Psychological bulletin*, 2009, V. 135 (2), pp. 322.

Приложение

Ключ к опроснику «Темная Дюжина»

Пункты опросника оцениваются по 5-балльной шкале Лайкерта от 1 – «Не согласен с утверждением» до 5 – «Согласен с утверждением»; даны в таблице 2.

Для получения балла по шкалам суммируются пункты:

1. Макиавеллизм: 1, 2, 3, 4;
2. Психопатия: 5, 6, 7, 8;
3. Нарциссизм: 9, 10, 11, 12.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Корнилова Татьяна Васильевна – доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;
e-mail: tvkornilova@mail.ru

Зиренко Мария Сергеевна – аспирант факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;
e-mail: mzirenko@inbox.ru

Гусейнова Рена Джавидан гызы – выпускница (бакалавр) бакинского филиала Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;
e-mail: rena.huseynova@hotmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tatiana V. Kornilova – doctor of psychology, professor of general psychology, department of Psychology, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: tvkornilova@mail.ru

Maria S. Zirenko – postgraduate student, department of Psychology, Lomonosov Moscow State University; e-mail: mzirenko@inbox.ru

Rena D. Guseynova – graduate from department of Psychology, Lomonosov Moscow State University (Baku branch);
e-mail: rena.huseynova@hotmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Корнилова Т.В., Зиренко М.С., Гусейнова Р.Д. Личностные особенности российских и азербайджанских студентов: кросс-культурная валидизация опросника Темная дюжина (Dirty Dozen) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2017. № 2. С. 6–17.
DOI: 10.18384/2310-7235-2017-2-6-17

THE CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

T. Kornilova, M. Zirenko, R. Guseynova. Personality characteristics of russian and azerbaijani students: cross-cultural validation of dirty dozen questionnaire. *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: Psychology, 2017, no 2, pp. 6–17.
DOI: 10.18384/2310-7235-2017-2-6-17

РАЗДЕЛ II. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.922.4

DOI: 10.18384/2310-7235-2017-2-18-26

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ИНОСТРАНЦЕВ О РОССИИ ДО И ПОСЛЕ ПОСЕЩЕНИЯ НАШЕЙ СТРАНЫ

Безрукова А.Н., Тимофеева Т.С.

Волгоградский государственный университет

400062, г. Волгоград, пр-т Университетский, д. 100, Российская Федерация

Аннотация. В статье авторами проанализировано изменение представлений иностранцев о современной России. Методом интервью выделены основные стереотипы, с которыми иностранцы прибывают в Россию. Кроме того, описаны психологические особенности «русских» людей, а также такие аспекты жизни в России, которые делают её привлекательной для проживания и туризма. В результате исследования выделены представления, которые негативно отражаются на привлекательности России в глазах иностранных инвесторов и туристов. Часть представлений носит объективный характер и требует вмешательства государства, другие же являются стереотипами, и их изменение возможно только на личностном уровне.

Ключевые слова: стереотипы, национальные особенности, образ русского, традиции, Россия, иностранцы, гетеростереотипы, культура.

ANALYSIS OF FOREIGNERS' NOTIONS OF RUSSIA BEFORE AND AFTER VISITING THIS COUNTRY

A. Bezrukova, T. Timofeeva

Volgograd State University

100, Universitetsky prosp., Volgograd, 400062, Russian Federation

Abstract. In the article the authors analyze the changes in foreigners' perception of Russia. Basic stereotypes which foreigners had before visiting Russia have been revealed by means of an interview. Besides, psychological peculiarities of 'Russian' people are revealed, as well as some aspects of life in Russia which make it more attractive for living and tourism. As a result of this study, the notions which affect the positive image of Russia and make it less appealing to foreign investors and tourists are pointed out. Some part of the notions is quite unbiased; the others are nothing but stereotypes and can be changed on a personal level.

Key words: stereotypes, national characteristics, the image of a Russian, traditions, Russia, foreigners, heterostereotypes, culture.

В современном мире мобильность людей возросла, многие путешествуют, совершают деловые поездки и поездки в целях обучения. Перед тем, как человек отправляется в незнакомое для него место, он представляет его себе в воображении. Попадая в совершенно другую реальность, отличную от его представлений, человек должен строить новую картину мира.

Наша страна всегда привлекала внимание людей со всего мира. Однако в период существования Советского Союза она была практически недоступна для посещения её иностранцами. В 90-е гг. XX в. в России произошла смена политической власти. С тех пор облик России изменился достаточно сильно. Однако за рубежом далеко не все изменили свои представления о нашей стране. Актуальной становится задача описания существующих стереотипов и их трансформации в процессе знакомства с современной страной.

Теоретический анализ проблемы показал, что в настоящее время существует большое количество исследований стереотипов разных этносов о самих себе (аутостереотипы) и о других этносах (гетеростереотипы). Каждая нация или народность имеет свои особенности, которые выражаются в стереотипах, предрассудках, установках.

Исследования показывают (В.В. Еремин, С.В. Мурашева, Е.А. Антохина, О.В. Голубь и др.), что несоответствие стереотипных представлений реальности может привести к конфликтам с местным населением, к невозможности адаптироваться к новым условиям и даже к нанесению вреда собственному

здоровью [5; 7]. Человеку необходимо чётко представлять себе то, куда он хочет отправиться, зачем туда едет, что хочет получить и с какими трудностями столкнётся. Ограниченность времени не позволяет выработать индивидуальные представления о культуре, традициях страны, в которую отправляется путешественник, и зачастую мы используем стереотипы, которые существуют в обществе.

Под стереотипом обычно понимают «упрощенный, схематизированный, эмоционально окрашенный и чрезвычайно устойчивый образ какой-либо социальной группы или общности, с легкостью распространяемый на всех ее представителей» [4, с. 281]. Это понятие широко используется в философии, этнографии, психологии, социологии и является междисциплинарным. В рамках этнопсихологии рассматривают такое понятие, как этнический стереотип. Принято считать, что это явление обладает как положительным свойством (упрощение сложной и объемной информации о человеке, группе), так и отрицательным, которое заключается именно в упрощении представлений.

Зарубежные исследователи Дж. Горер, М. Мид, Э. Эриксон, К. Клакхон указывают на наличие у русских людей таких характеристик, как сердечность, человечность, духовность, стремление к идеалу, но при этом недисциплинированность, эмоциональная нестабильность и зависимость от социальных контактов, иррациональность, сила, но при этом потребность подчиняться власти [5]. В.К. Трофи-

мов указывает на то, что многие черты личности русских связаны с климатическими, географическими условиями и историческим контекстом (войны, противостояния) [8]. К. Касьянова отмечает, что русский характер формируется в условиях жестких ограничений, которые закладываются культурой. По её мнению, отличительная особенность русских – это преодоление индивидуальных потребностей, желаний в пользу коллективных, национальных. В целом можно говорить о самопожертвовании, создании для себя ситуации фрустрации.

Большинство исследований стереотипов о России и русских людях имеют констатирующий характер, чаще всего сравниваются представления двух или нескольких наций друг о друге (Ю. Фэн, А.А. Оганнисян, М.Ю. Урнов, В.А. Касамара, В.В. Калита, Е.Б. Марин и др.). Изменения стереотипов рассматриваются скорее в историческом контексте (В.А. Ушаков, Л.А. Юшкова, А.Ю. Дроздов и др.), но не рассматриваются в динамике на личностном уровне, что определяет новизну настоящей работы [1; 2; 3; 6; 10].

Целью нашего исследования стало сравнение представлений о России у иностранцев до и после ее посещения. Для реализации цели был поставлен ряд задач: 1) описать существующие представления и этнические стереотипы относительно русских людей и жизни в России в целом; 2) рассмотреть динамику изменений представлений после посещения страны; 3) выявить представления, которые способствуют успешной адаптации иностранцев на территории нашей страны.

Помощь в сборе данных оказали А.А. Берстова и М.В. Безгинова. В на-

шем исследовании приняли участие 30 человек (12 мужчин и 18 женщин) от 16 до 63 лет из разных стран (Германии, Австралии, Голландии, Швейцарии, США), которые посетили Россию хотя бы 1 раз. Целями визита в Россию чаще всего являются образование и школьный обмен, работа, а также изучение языка и дружеские визиты. Четыре человека бывали в нашей стране уже более 6 раз.

Методом исследования стало полуструктурированное интервью. Полученные данные были обработаны методом сетевого тематического анализа, который позволяет компактно представить данные качественного анализа, выделив «темы разного уровня обобщения и на этой основе идентифицировать целостный смысл интерпретируемого текста» [9, с. 241].

Результаты исследования представляются следующими.

Представления об условиях жизни в России

Можно выделить 4 типа таких представлений до её посещения иностранцами: 1) негативные (тяжелое экономическое положение, социальное неблагополучие, низкий уровень здравоохранения), 2) удовлетворительные условия жизни (хотя ниже европейского уровня), 3) позитивные (экономическое благополучие) и 4) размытые представления, касающиеся в основном размера страны и её климатических условий. Как признают респонденты, представления и стереотипы сформировались из американских фильмов о шпионах (например, о Джеймсе Бонде) и из некоторых документальных фильмов о постсоветской России. Надо отметить, что большинство иностранцев представляли себе

условия жизни в России неблагоприятными. В частности, упоминается о бедности, плохом экономическом положении, социальном расслоении, низком уровне медицины и высокой преступности. Положительный образ включал мнения о низких ценах на товары, о красивой и современной архитектуре крупных городов.

Побывав в России, иностранцы частично изменили свои мнения – так, в ответах появились новые темы. Одной из новых категорий стал образ жилищ россиян: наличие металлических дверей и обилие замков на них, грязные и темные подъезды, маленький размер самих квартир. К социальному неблагополучию в виде социального неравенства, преступности добавились впечатления о большом количестве бездомных собак. В теме «Возможности отдыха и развлечений» были как негативные, так и позитивные представления, объективно это связано с разным уровнем жизни городов, в которых побывали иностранцы.

Если в описании климата и географического положения России до её посещения преобладали нейтральные оценки, то теперь эта тема приобрела отрицательный оттенок. Многие отмечают «сложные климатические условия»: наличие снега, грязи и гололеда, а также нехватку солнечного света. В целом иностранцы отметили улучшения в условиях жизни: хорошее образование, экономическое развитие городов. Положительные изменения больше замечали те, кто приезжал в Россию несколько раз.

Представления о населении России

Местных жителей до приезда в Россию иностранцы в основном пред-

ставляли себе очень гостеприимными, доброжелательными, открытыми и оптимистичными. Отрицательный образ русского включает алкоголизм, отсутствие патриотизма («больше интересуются западной культурой», «сходят с ума даже от пары джинсов или западной музыки»), открытую демонстрацию недружелюбия («у русских негативное отношение к другим людям, особенно к приезжим»). Последнее несколько противоречит существующим стереотипам о гостеприимстве. Упоминались и нейтральные характеристики: бедность, необычное пищевое поведение («много едят», «на столе всегда много разной еды»), а также особенности менталитета, которые формулируются в обобщенном виде («отличаются от населения западных стран»).

После знакомства с местным населением только часть представлений подтвердилась (дружелюбие, гостеприимство). Исчезли утверждения об алкоголизме и отсутствии гордости за свою страну и культуру. Добавились впечатления о внешней привлекательности русских людей, их стремлении хорошо одеваться, а также их гибкости, способности подстраиваться к новым условиям («В Швейцарии это было бы невозможно»). Тему «Отрицательный образ» заменила тема «Противоречивый образ». Отмечается наличие скрытых положительных качеств русских людей под маской грубости, жестокости («Даже грубые недружелюбные люди просто скрываются за стеной жестокости, но когда вы познакомитесь с ними поближе, вы узнаете, что на самом деле они милые люди»). Открытием для иностранцев стало разграничение людей на «своих» и «чужих», что

проявляется при личном общении («В компании люди милые, приятные. Людям в городе я не доверяю, они очень грубые», «Если вас познакомили, то тебе будут улыбаться»). Представления о национальных чертах характера в описании иностранцев более конкретизировались. Добавились как положительные характеристики, так и отрицательные, которые объясняются и оправдываются сложными условиями жизни в России.

Представления о национальных традициях

До посещения России представления о традициях, которые известны иностранным гражданам, достаточно стереотипны. Они перечисляли гостеприимство и обилие еды («с национальными блюдами и водкой», «постоянно пьют чай»), военные парады, спортивные достижения, а также один из народных промыслов – матрешки («у каждого есть бабушка, похожая на матрешку, с маленьким платком на голове, фартуком, а еще с золотыми зубами»). Имелись представления о том, что в России пытаются сохранять традиционный институт семьи.

После приезда иностранцы отмечают следующие традиции: пищевые (постоянно пить чай; кушать), военные и их взаимосвязь с семейными («странно, но молодожены возлагают венки к памятникам войны»). Отмечаются гендерные различия в ритуалах и праздниках («В России, в отличие от Америки, только мужчина должен разливать вино и говорить тост за столом»). Для иностранцев оказалось неожиданным, что военная тематика может быть включена в ритуалы бракосочетания, тем более у людей, кото-

рые не имеют отношения к службе в армии. Важно отметить, что после посещения России отсутствовало упоминание об алкоголизме как национальной черте или традиции. Отдельно можно выделить неорганизованность людей (опоздания, накладки со временем, невозможность строго следовать плану).

Представления об общественных нормах

Нормы до и после посещения России оценивались иностранцами как низкие: бедность, маленькие пенсии и уровень зарплаты. Такие представления сформировались из газетных статей и телевизионных репортажей, но мнение не изменилось и после посещения России («Люди используют друг друга. Много бедных. В Америке та же проблема, но у нас это не так широко распространено»). В ответах упоминается о коррумпированности полиции и халатном отношении русских к своему здоровью. Только мнения о низком качестве образования оказались скорее стереотипами, что признали сами иностранцы. В целом такая устойчивость представлений объясняется тем, что необходимы достаточно длительное пребывание в новой культуре и более близкое знакомство с людьми, чтобы понять и оценить принятые в ней нормы.

Желание побывать в России

В ходе исследования иностранцам был задан вопрос, хотели ли они посетить Россию (или это было связано с необходимостью, случайным стечением обстоятельств). Все опрошенные ответили, что это было их собственным желанием. Для некоторых иностранцев поездка в Россию была само-

стоятельной целью («хотели увидеть Россию своими глазами», «мне очень интересна Россия, хочу знать о ней больше»), другие просто любят путешествовать («Я посетил 35 различных стран и люблю путешествовать, смотреть и изучать различные культуры»). Причём Россия подходит не всем туристам, а тем, кто готов рискнуть, совершить авантюру («Мы с мужем – любители авантурных путешествий»).

Иностранные граждане, принявшие участие в исследовании, прибыли в Россию по разным причинам: школьный обмен и учеба в университетах, командировки по работе, бизнес, туризм. Многим из них пришлось находиться в нашей стране достаточно длительный период времени. Один из вопросов интервью касался желаний иностранцев остаться жить в России. Большинство иностранцев ответили на него отрицательно, объясняя это незнанием языка, неблагоприятным климатом, разлукой с семьёй и близкими, патриотизмом по отношению к собственной стране. Некоторые указали, что могли бы поселиться в Москве или Санкт-Петербурге (20%). Нашлись и такие (10%), кто хотел бы остаться в России («мне тут все нравится, похож образ жизни»). Такое распределение ответов закономерно связано с тем, что иностранцы видят больше минусов проживания в России, чем плюсов. Среди отрицательных сторон проживания назывались: старые дома и автомобили, разбитые дороги, очереди, плохая система работы аэропортов, преступность, тяжелая работа, низкий уровень здравоохранения, высокие цены на качественное жилье и одежду, а также обилие мусора («я была шокирована, увидев условия жизни и грязь

на улицах, когда мы приехали в дом наших друзей в Волгограде»). Среди положительных новых знаний о России были названы гостеприимство, русская литература и система образования, низкие цены, большое пространство, а также повод быть оптимистами.

В текстах ответов большинства опрошенных отмечались трудности адаптации. В первую очередь сильно затрудняют знакомство иностранцев с культурой нашей страны языковые барьеры («мало кто знает английский язык, а русский очень сложный»). Однако анализ текстов интервью показал, что, если у приезжих были сформированы положительные стереотипы, они способствовали более легкой и успешной адаптации к особенностям страны (например, если жителей считали дружелюбными и гостеприимными, то и процесс знакомства с Россией был более приятным). Негативные стереотипы о России хотя и не вызывали стресс от новой информации, наоборот, делали пребывание в нашей стране сложным и малоприятным.

В связи с тем, что большинство негативных стереотипов сформировались у иностранцев под влиянием СМИ и художественных фильмов, необходимо более активно позиционировать национальную культуру, традиции через кино (в том числе документальные фильмы), театры, живопись, музыку.

Выводы

У иностранцев существуют много негативных предрассудков о России: алкоголизм, отсутствие развитой сферы обслуживания и отдыха. Основными недостатками нашей страны иностранцы считают условия жизни (грязь, тяжелое экономическое положение, отсутствие качественного

медицинского обслуживания) и сложившиеся социальные нормы (преступность, коррупция, низкие заработные платы и пенсии).

Эти представления имеют различную степень устойчивости, а их трансформация имеет как положительную, так и отрицательную динамику. Значительные изменения в положительную сторону касаются стереотипов о людях, населяющих Россию, и о традициях, а представления о климатических и жилищных условиях приобретают больше негативной окраски. Наиболее устойчивыми оказались стереотипы о социальных нормах.

Недостаточные знания о национальных особенностях России приво-

дят к сложностям адаптации иностранцев после прибытия. Наибольшие трудности вызывают языковой барьер и сильное расхождение стереотипных представлений с реальностью. Положительные стереотипы способствуют более легкой адаптации иностранцев на территории новой страны.

Поскольку представления чаще всего формируются на основе информации из СМИ и художественных фильмов, необходимо проявлять национальные культуру, традиции и менталитет в искусстве. Некоторые иностранцы знакомы с советским кинематографом, но не имеют возможности формировать представления из современных фильмов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дроздов А.Ю. Психосемантические особенности и динамика образов России в массовом геополитическом сознании украинской молодежи // *Education Sciences and Psychology*. 2014. №4 (30). С. 3–11.
2. Иванова С.В., Салимова Р.М. Стереотипизация и демонизация образа России на страницах британских газет // *Вестник Башкирского университета*. 2015. Т. 20. № 3. С. 1032–1038.
3. Касамара В.А., Урнов М.Ю. Национальная идентичность студентов России и США (сравнительный анализ). Статья 1. Нормативные представления о своей стране // *Общественные науки и современность*. 2016. № 5. С. 75–103.
4. Платонов Ю.П. Народы мира в зеркале геополитики (структура, динамика, поведение): учеб. пособие. СПб., 2000. 432 с.
5. Мурашова С.В., Пупыкин Н.И., Баранова И.В., Антохина Е.А. Политические, этнические и межконфессиональные конфликты в современном мире: монография. Орёл, 2015. 212 с.
6. Разина Н.В. Культурные основы представлений о материнстве // *Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Психология. Педагогика. Образование*. 2012. № 15 (95). С. 192–199.
7. Голубь О.В., Безрукова А.Н., Тимофеева Т.С., Попова А.Р. Социально-психологическая ситуация беженцев из Украины: региональный аспект: монография. Волгоград, 2015. 131 с.
8. Трофимов В.К. Душа России: истоки, сущность и социокультурное значение русского менталитета: монография. Ижевск, 2010. 407 с.
9. Чернов А.Ю. Качественный подход в психологическом исследовании. Волгоград, 2008. 340 с.
10. Юшкова Л.А. Представления современной молодежи о России и Америке: сравнительная характеристика результатов исследований 1992, 1995, 1998 и 2015 гг. // *Сибирский педагогический журнал*. 2016. Т. 6. С. 73–78.

REFERENCES

1. Drozdov A.Yu. [Psychosemantic features and dynamics of images of Russia in the geopolitical mass consciousness of the Ukrainian youth]. In: *Education Sciences and Psychology*, 2014, no. 4 (30), pp. 3–11.
2. Ivanova S.V., Salimova R.M. [The stereotyping and demonization of the image of Russia on the pages of British Newspapers]. In: *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of Bashkir State University], 2015, vol. 20, no. 3, pp. 1032–1038.
3. Kasamara V.A., Urnov M.Yu. [National identity of students in Russia and the USA (comparative analysis). Article 1. Normative ideas about their own country]. In: *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2016, no. 5, pp. 75–103.
4. Platonov Yu.P. *Narody mira v zerkale geopolitiki (struktura, dinamika, povedenie)* [The peoples of the world in the mirror of geopolitics (structure, dynamics, behavior)]. St. Petersburg, 2000. 432 p.
5. Murasheva S.V., Pupykin N.I., Baranova I.V., Antokhina E.A. *Politicheskie, etnicheskie i mezhhkonfessional'nye konflikty v sovremennoy mire* [Political, ethnic and religious conflicts in the modern world]. Orjol, 2015. 212 p.
6. Razina N.V. [Cultural foundations of the ideas about motherhood]. In: *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya: Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie*, 2012, no. 15 (95), pp. 192–199.
7. *Sotsial'no-psikhologicheskaya situatsiya bezhentsev iz Ukrainy: regional'nyi aspekt: monografiya* / O.V. Golub', A.N. Bezrukova, T.S. Timofeeva, A.R. Popova [Socio-psychological situation of refugees from Ukraine: regional aspect: monograph / O.V. Golub, A.N. Bezrukova, T.S. Timofeeva, A. R. Popova]. Volgograd, 2015. 131 p.
8. Trofimov V.K. *Dusha Rossii: istoki, sushchnost' i sotsiokul'turnoe znachenie russkogo mentaliteta* [The soul of Russia: the origins, nature and socio-cultural importance of the Russian mentality]. Izhevsk, 2010. 407 p.
9. Chernov A.Yu. *Kachestvennyi podkhod v psikhologicheskom issledovanii* [The qualitative approach to psychological research]. Volgograd, 2008. 340 p.
10. Yushkova L.A. [Representations of modern youth about Russia and America: comparative characteristics of results of studies 1992, 1995, 1998 and 2015]. In *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal* [Siberian pedagogical journal], 2016, vol. 6, pp. 73–78.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Безрукова Анна Николаевна – старший преподаватель кафедры психологии Волгоградского государственного университета;
e-mail: bezrukova@volsu.ru

Тимофеева Татьяна Сергеевна – старший преподаватель кафедры психологии Волгоградского государственного университета;
e-mail: timofeeva@volsu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anna N. Bezrukova – senior teacher, psychology department of Volgograd State University;
e-mail: bezrukova@volsu.ru

Tatyana S. Timofeyeva – senior teacher, psychology department of Volgograd State University;
e-mail: timofeeva@volsu.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Безрукова А.Н., Тимофеева Т.С. Исследование представлений иностранцев о России до и после посещения нашей страны // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2017. № 2. С. 18–26.
DOI: 10.18384/2310-7235-2017-2-18-26

THE CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

A. Bezrukova, T. Timofeeva. Analysis of foreigners' notions of Russia before and after visiting this country. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2017, no 2, pp. 18–26.
DOI: 10.18384/2310-7235-2017-2-18-26

УДК 159.9.07

DOI: 10.18384/2310-7235-2017-2-27-37

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СМЕРТИ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

Богатырева М.Б.¹, Бесподенов С.С.²

¹ *Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, 10А, Российская Федерация*

² *Средняя общеобразовательная школа №14
с углубленным изучением отдельных предметов, г. Химки
141400, Московская область, г. Химки, ул. Дружбы, д. 3*

Аннотация. В статье представлен анализ психологических исследований представления о смерти в подростковом возрасте. Показано, что переживания страха смерти подростками мало изучены в психологической литературе. Данная сложность обусловлена как этическими проблемами, так и неустойчивостью в теме смерти специалистов разных профессий, работающих с подростками. В эмпирическом исследовании авторы описали феноменологический анализ представления о смерти у подростков. Были выявлены значимые различия в представлениях о смерти между младшими и старшими подростками, а также между девочками и мальчиками.

Ключевые слова: страх смерти, представления о смерти, когнитивный компонент, эмоциональный компонент, поведенческий компонент.

SPECIFICITY OF IDEAS ABOUT DEATH IN ADOLESCENCE

M. Bogatyreva¹, S. Bepoldenov²

¹ *Moscow Region State University
10A, Radio st., Moscow, 105005, Russian Federation*

² *Secondary School № 14, Khimki
3, Druzhby st., Khimki, Moscow reg., 141400, Russian Federation*

Abstract. This paper presents an analysis of the psychological study of the way the adolescents understand death. It is shown that such feelings experienced by teenagers as the fear of death are insufficiently explored in the psychological literature. This complexity is determined by ethical problems, and by the fact specialists of various professions, working with adolescents, are not resistant to the theme of death. In the empirical study, the authors described the phenomenological analysis of the representations of death by teenagers. Significant in the ideas about death between younger and older teenagers have been revealed. The differences between boys and girls have also been described.

Key words: fear of death, ideas about death, cognitive component, emotional component, behavioral component.

Подростковый возраст является периодом перестройки сознания, связанным с физическими и психологическими изменениями, которые способствуют развитию у подростков чувства взрослости, стремления к освобождению от опеки родителей, повышенной рефлексивности, интереса к противоположному полу, склонности к группированию и потребности в самоутверждении. Эти новообразования готовят подростков к взрослой жизни, с одной стороны. С другой, способствуют возникновению ситуаций, опасных для жизни – употребление наркотических средств, алкоголя и различных препаратов, гонки на скорости, стремление к риску и т. д., – которые могут не только разрушить жизнь подростка, но и привести к смертельному исходу [2; 11; 16].

Столкновение современных подростков со смертью в разных вариантах, с одной стороны, разогревает их интерес к этой теме, с другой – развивает переживание страха собственной смерти, искажает их представление о смерти. Анализ психологической литературы показал, что ещё совсем недавно, в середине XX в., считалось, что подростковый возраст не является чувствительным к страху смерти [11].

Анализируя страх смерти в подростковом возрасте, Т.А. Гаврилова приводит исследование Д. Эклинда, который полагал, что последствием детского эгоцентризма является образование «личного мифа» – веры в собственную бессмертность, уникальность и исключительность. Такая вера в большей степени характерна для периода раннего взросления (12–15 лет), поскольку придаёт сил формирующемуся «Я» подростка, что, в свою оче-

редь, способствует успешному переходу к взрослости [3].

А.М. Прихожан провела кросс-историческое исследование страха смерти у подростков в конце 70-х – начале 80-х гг., в конце 80-х – начала 90-х гг., а также в конце 90-х гг. XX в. – начале XXI вв. Ею были получены следующие результаты: в первом, сравнительно благополучном для страны периоде и младшие школьники, и подростки никак не вербализовали свой страх смерти. Спустя десять лет, в период социальной перестройки и реформ, страх смерти проявили девочки 13–14 лет. В конце 90-х гг. страх смерти стал свойственен и для мальчиков 11–12 лет. Своим исследованием А.М. Прихожан продемонстрировала конкретно историческую и социально-экономическую обусловленность выраженности страха смерти у подростков [10].

По мнению И. Ялома, страх смерти не проявляет себя до тех пор, пока человек не достигает пубертатного возраста. Достигая подросткового возраста, человек начинает беспокоиться, размышлять о смерти. И. Ялом считает, что с возрастом страх смерти вытесняется двумя жизненными задачами, которые становятся основными: построением карьеры и созданием собственной семьи [16].

Исследование Т.А. Гавриловой, направленное на изучение подростковых переживаний темы смерти, проводилось на большой выборке – 649 подростков возраста 13–16 лет (352 девочки и 297 мальчиков Приморского края и Самарской области). Полученные результаты демонстрируют наличие у девочек более высокого уровня страха смерти по сравнению с мальчиками. Были выявлены региональные раз-

личия уровня страха смерти внутри российской выборки: у приморских подростков страх смерти оказался значительно выше, чем у подростков Самарской области. Ещё одним интересным моментом в полученных результатах стало то, что младшие подростки продемонстрировали большую выраженность страха неожиданной смерти, тогда как старшие подростки больше озабочены страхом мучительной смерти [3].

В своём исследовании представлений подростков о смерти Т.О. Новикова и Д.Н. Исаев отмечают, что, по мнению взрослых, смерть воспринимается подростками только как трагическое явление. Тогда как большинство подростков считают, что если человеку надоела его жизнь или он испытывает мучения и страдания, то смерть в этом случае является для него спасением, избавляющим от этих страданий, другими словами, она является для него положительным явлением. В связи с этим авторы исследования полагают, что запрет, налагаемый на всё, что связано с темой смерти, скорее, является своеобразным отражением тревог и беспокойств взрослых и не свидетельствует о реальных представлениях подростков о смерти как явлении [6; 7; 8; 9].

Далее Т.О. Новикова и Д.И. Исаев отмечают, что подростки осознают собственную конечность, однако около трети из их числа заявляют о своем страхе смерти и объясняют свой страх неизвестностью, другая треть подростков сообщила, что боится потерять близких и остаться в одиночестве, а для остального количества подростков смерть страшна, потому что им хочется жить [6; 7; 8; 9].

А.Б. Холмогорова, изучая истоки страха смерти, выделяла среди них переработанный опыт столкновения со смертью. Особенно это проявляется в детском возрасте, когда ребёнок поглощает вопрос смерти, но, поскольку в современном обществе говорить о смерти с детьми не принято, переживания ребёнка остаются неразделёнными, что в дальнейшем может развивать страх смерти [13].

В своём диссертационном исследовании Е.В. Шварева показала, что на сегодняшний день активно обсуждается важность организации системы ознакомления подростков со всеми обстоятельствами, касающимися темы смерти и ухода из жизни. Она отмечает, что в нашей стране не только отсутствует подобная практика, но и в литературе практически ничего не сказано о таком понятии, как «обучение пониманию и принятию смерти». Следует отметить, что подготовка подростков к принятию смерти требует от взрослых личной готовности к осуществлению этого обучения. Однако не все родители считают необходимым говорить с детьми о смерти. По мнению некоторых родителей, такое обучение должно реализовываться в общеобразовательных учреждениях [15].

Таким образом, анализ литературы позволяет выделить следующие проблемы в исследовании представления о смерти в подростковом возрасте:

1. Переживание страха смерти актуально для подростков начала XXI в. и имеет региональный характер, поскольку были выявлены различия уровня страха смерти внутри российской выборки.

2. Представления подростков о смерти мало изучены в психологиче-

ской литературе. Сложность подобного исследования обусловлена как этическими проблемами, так и разногласиями по теме смерти среди специалистов разных профессий, работающих с подростками, а также среди их родителей. Взрослые из-за имеющегося у них представления, что подростки воспринимают смерть как трагическое явление, и из-за собственных тревоги и беспокойства о переживании смерти избегают этой темы в общении с подростками.

Целью нашего исследования являлось изучение особенностей представления о смерти у подростков. Задачами эмпирического исследования были: 1) выявление и описание структуры и содержания представления о смерти у подростков; 2) сравнительный анализ и основанное на нём изучение различий в содержании представления о смерти у подростков.

Методы исследования: теоретический анализ психологической литературы; психодиагностические методики: «Шкала тревоги по поводу смерти» Д. Темплера; «Отношение к смерти» С.В. Коваленко; контекстуальный анализ мини-сочинений на тему «Моё представление о смерти»; статистический анализ по U-критерию Манна-Уитни.

Наше исследование проводилось на базе МБОУ СОШ с углублённым изучением отдельных предметов № 14 г. Химки. В исследовании приняли участие 113 испытуемых. В группу младших подростков вошли 56 респондентов: 29 мальчиков и 27 девочек (11–14 лет). В группу старших подростков вошли 57 респондентов: 32 мальчика и 25 девочек (15–17 лет).

Такое деление обусловлено следующим различием: в младшем подростко-

вом возрасте происходит перестройка отношения к себе и к миру и возникает новый уровень самосознания, при этом ведущей деятельностью является интимно-личностное общение. В старшем – развивается самоопределение, приводящее к формированию собственной жизненной позиции, с которой старшие подростки вступают во взрослый мир, при этом ведущей деятельностью является учебно-профессиональная [2; 16].

Для выявления значимых различий в представлениях о смерти старших и младших подростков, а также у девочек и мальчиков эмпирические данные методик «Отношение к смерти» (С.В. Коваленко [5]) и «Шкалы тревоги по поводу смерти» (Д. Темплер) были подвергнуты статистическому анализу по U-критерию Манна-Уитни.

Статистически значимые различия (методика «Отношение к смерти» С.В. Коваленко) между младшими и старшими подростками были получены по показателю «жизнь после смерти» (табл. 1). Вера в бессмертие души и жизнь после смерти у младших подростков выражена в большей степени, чем у старших подростков [10].

По нашим предположениям, это связано с образованием у младших подростков «личного мифа», содержанием которого является вера в собственную бессмертность, уникальность и исключительность, при этом они опираются и на установки взрослых, верующих в жизнь после смерти. Это, в свою очередь, придаёт сил для формирования «Я» подростка, что способствует успешному решению задач младшего подросткового возраста. Старшие подростки ориентированы на развитие собственной жизненной позиции, с которой и

вступают во взрослый мир, им важно ставить под сомнение установки взрослых и в большей степени ориентироваться на установки собственные. В этой связи они склонны не принимать

на веру бессмертие души и жизнь после смерти, а, скорее, иметь свои, отличительные от взрослых представления о смерти, которые могут иметь атеистический характер.

Таблица 1

Результаты сравнительного анализа по U-критерию Манна-Уитни (между младшими и старшими подростками)

	ООСм	НСм	ЖПСм	ОЭв	ОССм	ОСУ	ССм
Статистика U Манна-Уитни	1404,00	1406,50	1168,50	1565,00	1490,00	1535,00	1520,50
Статистика W Уилкоксона	3057,00	3002,50	2821,50	3218,00	3086,00	3131,00	3173,50
Z	-1,103	-1,088	-2,455	-0,178	-0,609	-0,350	-0,434
Асимпт. знч. (двухсторонняя)	0,270	0,276	0,014	0,859	0,543	0,726	0,665

ООСм – общая оценка смерти;
НСм – неизбежность смерти;
ЖПСм – жизнь после смерти;
ОЭв – отношение к эвтаназии;
ОССм – отношение к собственной смерти;
ОСУ – отношение к самоубийству;
ССм – страх смерти.

По показателю «жизнь после смерти» выявлено статистически значимое различие между группами мальчиков и девочек (табл. 2). Девочки в

качестве защитной стратегии в большей мере склонны прибегать к вере в бессмертие души и вере в жизнь после смерти.

Таблица 2

Результаты сравнительного анализа по U-критерию Манна-Уитни (между девочками и мальчиками)

	ООСм	НСм	ЖПСм	ОЭв	ОССм	ОСУ	ССм
Статистика U Манна-Уитни	1543,50	1622,50	1053,00	1253,00	1505,00	1696,00	1570,50
Статистика W Уилкоксона	2921,50	3000,50	2883,00	2631,00	2883,00	3074,00	2948,50
Z	-0,96	0,365	-2,958	-1,791	-0,321	0,793	0,061
Асимпт. знч. (двухсторонняя)	0,923	1,285	0,003	0,073	0,748	1,572	1,049

ООСм – общая оценка смерти;
НСм – неизбежность смерти;
ЖПСм – жизнь после смерти;
ОЭв – отношение к эвтаназии;
ОССм – отношение к собственной смерти;
ОСУ – отношение к самоубийству;
ССм – страх смерти.

Значимые различия (методика Д. Темплер) между мальчиками и девочками были получены по показателям «озабоченность физическими изменениями» и «общая тревога смерти» (табл. 3). Девочки продемонстрировали более высокий уровень общей тревоги по поводу смерти и большую озабоченность физическими изменениями, связанными со смертью, чем мальчики.

По нашим предположениям, это может быть связано с большей ориентацией девочек на свою внешнюю привлекательность, которая с годами теряется. Осознание этих изменений может усиливать тревогу по поводу смерти. Следует отметить, что теоретический анализ исследований представлений о

смерти у девушек молодого возраста и женщин средних лет показал, что страх физических изменений с возрастом не проходит, а усиливается [1]. В исследованиях Ю.И. Фадеевой было выявлено проявление у девушек в переживании страха смерти большей озабоченности физическими изменениями, чем у юношей [12]. И.А. Горьковая и А.А. Баканова отмечают, что у женщин средних лет, по сравнению с мужчинами этого же возраста, усиливается страх старения и физических изменений [4]. Можно предположить, что у женщин, начиная с подросткового возраста, в представлениях о смерти преобладает страх физических изменений, что, конечно, требует дальнейших исследований.

Таблица 3

Результаты сравнительного анализа по U-критерию Манна-Уитни (между мальчиками и девочками)

	1. КАОСм	2. ОФИ	3. ОТВ	4. ОБС	5. ОШТСм	6. СНСм	7. СМСм
Статистика U Манна-Уитни	1693,00	1178,50	1240,00	1327,00	1155,50	1254,50	1506,50
Статистика W Уилкоксона	3071,00	3008,50	3070,00	3157,00	2985,50	3084,50	2884,50
Z	0,776	-2,226	-1,867	-1,359	-2,360	-1,782	-0,312
Асимпт. знч. (двухсторонняя)	1,562	0,026	0,062	0,174	0,018	0,075	0,755

1. Когнитивно-аффективная озабоченность смертью.
2. Озабоченность физическими изменениями.
3. Осознание течения времени.
4. Озабоченность болью и стрессом.
5. Общая шкала тревоги по поводу смерти.
6. Страх неожиданной смерти.
7. Страх мучительной смерти.

Анализ мини-сочинений «Моё представление о смерти» позволил выявить, что представление о смерти у подростков имеет 3-х компонентную структуру: *когнитивный компонент*

представлен теми знаниями о феномене смерти, которые есть у подростков; *эмоциональный компонент* представлен переживаниями этих знаний; *поведенческий компонент* заключается

в том, каким образом эти знания и переживания регулируют поведение подростков в целом. А.М. Улановский считает, что качественный анализ – это специальная форма анализа текста, при которой акцент делается не на подсчёте и статистическом обобщении тех или иных единиц текста, а на их содержательном подразделении, обобщении, сравнении и интерпретации [11]. Качественный анализ мини-сочинений позволил выявить содержание этих компонентов и провести сравнительный анализ для выявления различий в представлениях о смерти у подростков.

В содержании *когнитивного компонента* были обнаружены следующие аспекты:

1. *Религиозный* – смерть подростками воспринимается как «процесс отделения души от тела», «переход в рай или ад» либо «начало процесса перерождения души» и т. д.

2. *Атеистический* – представлен определением смерти как «завершения биологических процессов организма», а также «отсутствием жизни после смерти» и т. д.

3. *Осознание неизбежности смерти* – подчеркивание подростками неизбежности смерти: «смерть – это то, что случится с человеком рано или поздно» и т. д.

4. *Отрицание мыслей о смерти* – убеждение подростков о том, что «думать о смерти не нужно, потому что это бессмысленно» и т. д.

5. *Личностно-значимый* аспект представлен присвоением феномена смерти себе: «я считаю, что смерть...», «мне кажется, что смерть – это...» и т. д.

6. *Обезличивание*. Рассуждения подростков о смерти в обезличенной форме: «некоторые люди думают

о смерти», «когда человек умирает», «каждый человек рано или поздно умрет» и т. д.

7. *Метафорический* – для описания собственного представления о смерти подростки используют метафоры: «смерть – это как сон», «смерть – это словно опадание листьев с дерева» и т. д.

8. *Упоминание о самоубийстве*. В контексте представлений о смерти подростки сообщали о своём мнении касательно самоубийства. Взгляд на суицид носит как нейтральный характер: «понять можно каждого» – так и отрицательный: «самоубийство – это грех», «самоубийство – поступок слабого человека» и т. д.

Содержание *эмоционального компонента* представлено следующими аспектами:

1. *Переживание страха смерти*. Смерть в представлении подростков сопровождается причинением боли самому подростку и окружающим.

2. *Личностно-значимый аспект* представлен присвоением переживания страха смерти себе: «я очень боюсь смерти», «я не хочу умирать» и т. д.

3. *Обезличивание*. Этот аспект представлен обезличенной формой переживаний страха смерти: «как правило, люди боятся смерти», «каждый человек боится умереть» и т. д.

4. *Отрицание страха смерти*. Некоторые подростки сообщали об отсутствии страха смерти: «я не боюсь смерти», «человеку не следует бояться смерти» и т. д.

5. *Наличие желания жить*. Этот аспект представлен наличием у подростков желания жить: «я хочу жить и не хочу умирать», «мне бы хотелось жить вечно» и т. д.

Содержание *поведенческого компонента* было представлено такими аспектами, как:

1. *Гедонистический*. Этот аспект представлен желанием подростков наслаждаться своей жизнью: «нужно наслаждаться жизнью и не думать о смерти», «смерть заставляет нас наслаждаться жизнью» и т. д.

2. *Этический*. Он заключается в представлении подростков о необходимости совершения определённых поступков для улучшения качества жизни после смерти: «не должен совершать плохих поступков», «не должен грешить» и т. д.

Сравнительный анализ содержания мини-сочинений показал:

– для младших подростков характерны следующие особенности представления о смерти: в когнитивном компоненте в большей степени выражены религиозные знания. В эмоциональном компоненте преобладают переживание страха смерти и наличие желания жить. Поведенческий компонент в большей степени представлен этическим аспектом, который накладывает определённые рамки в поведении;

– у старших подростков в представлении о смерти были выявлены следующие особенности: в когнитивном компоненте преобладают атеистические знания о смерти. В эмоциональном компоненте преобладает страх смерти. Поведенческий компонент представлен гедонистическим аспектом, который, в свою очередь, ориентирует старших подростков на получение от жизни удовольствия и наслаждения.

Таким образом, сравнительный анализ позволил выявить различия в знаниях о смерти (когнитивный компонент) и в характере поведения (по-

веденческий компонент) у младших и старших подростков. У младших подростков преобладают религиозные знания о смерти, которые регулируют поведение этическими правилами, тогда как у старших – атеистические знания о смерти выражаются в гедонистических установках в поведении. Это подтверждает и выявленное различие по показателю «жизнь после смерти» (табл. 1).

У мальчиков в когнитивном компоненте преобладают атеистические знания о смерти, в эмоциональном – страх смерти и наличие желания жить, в поведенческом компоненте наиболее выражен гедонистический аспект. У девочек в когнитивном компоненте преобладают религиозные знания о смерти, в эмоциональном компоненте выражен страх смерти, поведенческий компонент проявляется этическим аспектом. Эти различия в содержании представления о смерти у девочек и мальчиков подтверждаются значимыми различиями, которые были обнаружены нами по показателям «жизнь после смерти» (табл. 2), «озабоченность физическими изменениями» и «общая тревога смерти» (табл. 3).

Таким образом, теоретическое и эмпирическое исследование показало, что как младшие, так и старшие подростки нашей выборки нуждаются в психологической поддержке при переживании представления о смерти.

Все выше сказанное актуализирует поиск адекватных способов психологической помощи подросткам при переживании страха смерти, а также поиск форм подготовки специалистов, психологов-консультантов к работе с подростками и их родителями по теме умирания и переживания страха смерти.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Белоусова Е.В., Богатырева М.Б. Особенности переживания страха смерти в молодом возрасте // XI Левитовские чтения: материалы Международной научно-практической конференции, г. Москва, 20–21 апреля 2016 г. М., 2016. С. 242–245.
2. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. СПб., 2008. 346 с.
3. Гаврилова Т.А. Страх смерти в подростковом и юношеском возрасте // Вопросы психологии. 2004. № 6. С. 63–72.
4. Горьковая И.А., Баканова А.А. Осознаваемые компоненты страха смерти в зрелом возрасте [Электронный ресурс] // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2014. № 3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/osoznavaemye-komponenty-straha-smerti-v-zrelom-vozraste> (дата обращения: 29.02.2016).
5. Коваленко С.В. Отношение к жизни и смерти подростков, совершивших гомоцидные действия: дис. ... канд. психол. наук. Ростов на Дону, 2007. 165 с.
6. Новикова Т.О. Запретная тема (представления детей о смерти) // Человек. 2002. № 5. С. 112–117.
7. Новикова Т.О., Исаев Д.Н. Воспитание сознательного отношения к смерти // Психолого-социальная работа в современном обществе: проблемы и решения: тезисы Ежегодной региональной научно-практической конференции. СПб., 2002. С. 91–95.
8. Новикова Т.О., Исаев Д.Н. Модель подготовки подрастающего поколения к принятию смерти // Конгресс по детской психиатрии: материалы конгресса / отв. ред. В.Н. Краснов. Москва, 25–28 сентября, 2001 г. М., 2001. С. 278–279.
9. Новикова Т.О., Исаев Д.Н. Нужна ли подросткам помощь в восприятии смерти? // Вопросы психологии. 2003. № 3. С. 110–117.
10. Прихожан А.М. Тревожность у детей и подростков: психологическая природа и возрастная динамика. М.; Воронеж, 2000. 304 с.
11. Улановский А.М. Феноменологическая психология: качественные исследования и работа с переживаниями. 2-изд., испр. М., 2016. 255 с.
12. Фадеева Ю.И. Особенности отношения к смерти в юношеском возрасте в зависимости от пола // Актуальные проблемы психологического знания. 2010. № 4. С. 136–142.
13. Холмогорова А.Б. Страх смерти: культуральные источники и способы психологической работы // Московский психотерапевтический журнал. 2003. № 2. С. 120–131.
14. Хрупова А.С., Шульга Т.И. Представления студентов о самоповреждающем поведении // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2016. № 4. С. 101–113.
15. Шварева Е.В. Особенности образа смерти у старших школьников с разным уровнем жизнестойкости: дис. ... канд. психол. наук. Екатеринбург, 2012. 183 с.
16. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия / пер. с англ. Т.С. Драбкиной. М., 2014. 576 с.

REFERENCES

1. Belousova E.V., Bogatyreva M.B. [Specificity of experiencing the fear of death at a young age]. In: *XI Levitovskie chteniya: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, g. Moskva, 20–21 aprelya 2016 g.* [XI Levitov's readings: proceedings of the International Scientific-Practical Conference, Moscow, April 20–21, 2016]. Moscow, 2016, pp. 242–245.
2. Bozhovich L.I. Lichnost' i ee formirovanie v detskom vozraste [Personality and its formation in childhood]. St. Petersburg, 2008. 346 p.
3. Gavrilova T.A. [Fear of death in adolescence and young adulthood]. In: *Voprosy psikhologii*, 2004, no. 6, pp. 63–72.

4. Gor'kovaya I.A., Bakanova A.A. [Perceived components of fear of death in adulthood]. In: *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina* [Vestnik of Leningrad State University named after A. S. Pushkin], 2014, no. 3. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/osoznavaemye-komponenty-straha-smerti-v-zrelom-vozraste> (accessed: 29.02.2016).
5. Kovalenko S.V. *Otnoshenie k zhizni i smerti podrostkov, sovershiv-shikh gomitsidnye deistviya: dis. ...kand. psikhol. nauk* [Attitude to life and death by adolescents who committed homicide acts: PhD thesis in Psychological sciences]. Rostov-on-Don, 2007. 165 p.
6. Novikova T.O. [The forbidden theme (children)]. In: *Chelovek*, 2002, no. 5, pp. 112–117.
7. Novikova T.O., Isaev D.N. [Education of conscious attitude toward death]. In: *Psikhologo-sotsial'naya rabota v sovremennom obshchestve: problemy i resheniya / Tezisy ezhegodnoi regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Psycho-social work in modern society: problems and solutions: abstracts of the annual regional scientific-practical conference]. St. Petersburg, 2002, pp. 91–95.
8. Novikova T.O., Isaev D.N. [The model of training the younger generation to acceptance of death]. In: *Kongress po detskoj psikhologii: materialy kongressa, Moskva, 25–28 sentyabrya 2001 g.* [Congress of child psychiatry: the proceedings of the Congress, Moscow, September 25–28, 2001]. Moscow, 2001, pp. 278–279.
9. Novikova T.O., Isaev D.N. [Do adolescents help in the perception of death?]. In: *Voprosy psikhologii*, 2003, no. 3, pp. 110–117.
10. Prikhozhan A.M. *Trevozhnost' u detei i podrostkov: psikhologicheskaya priroda i vozrastnaya dinamika* [Anxiety in children and adolescents: psychological nature and age dynamics]. Moscow; Voronezh, 2000. 304 p.
11. Ulanovskii A.M. *Fenomenologicheskaya psikhologiya: kachestvennye issledovaniya i rabota s perezhivaniyami* [Phenomenological psychology: qualitative research and work experiences]. Moscow, 2016. 255 p.
12. Fadeeva Yu.I. [Attitudes toward death in adolescence depending on gender]. In: *Aktual'nye problemy psikhologicheskogo znaniya*, 2010, no. 4, pp. 136–142.
13. Kholmogorova A.B. [Fear of death: culture sources and methods of psychological work]. In: *Moskovskii psikhoterapevticheskii zhurnal*, 2003, no. 2, pp. 120–131.
14. Khrupova A.S., Shul'ga T.I. [Students' representation about self-damaging behavior]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki*, 2016, no. 4, pp. 101–113.
15. Shvareva E.V. *Osobennosti obraza smerti u starshikh shkol'nikov s raznym urovnem zhiznesteiskosti: dis. ...kand. psikhol. nauk* [Features of the image of death in senior pupils with different levels of resilience: PhD thesis in Psychological sciences]. Ekaterinburg, 2012. 183 p.
16. Yalom I. *Ekzistentsial'naya psikhoterapiya* [Existential psychotherapy]. Moscow, 2014. 576 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бесполденев Сергей Сергеевич – социальный педагог, педагог-психолог СОШ с углублённым изучением отдельных предметов №14 г. Химки;
e-mail: bespoldenov92@mail.ru

Богатырева Марина Борисовна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологического консультирования Московского государственного областного университета;
e-mail: bogatmarina@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sergey S. Bepoldenov – social teacher, teacher-psychologist of secondary School №14 with advanced study of some subjects, Khimki;

e-mail: bsepoldenov92@mail.ru

Marina B. Bogatyreva – candidate of Psychological sciences, associate professor, associate professor of the department of psychological consulting, Moscow Region State University;

e-mail: bogatmarina@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Богатырева М.Б., Бесподенов С.С. Особенности представления о смерти в подростковом возрасте // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2017. № 2. С. 27–37.

DOI: 10.18384/2310-7235-2017-2-27-37

THE CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

M. Bogatyreva, S. Bepoldenov. Specificity of ideas about death in adolescence. *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: Psychology, 2017, no 2, pp. 27–37.

DOI: 10.18384/2310-7235-2017-2-27-37

УДК 37.018.11:376.02

DOI: 10.18384/2310-7235-2017-2-38-50

ВЗАИМОСВЯЗЬ СЕМЕЙНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ И УРОВНЯ ЖИЗНЕННОЙ УДОВЛЕТВОРЁННОСТИ МАТЕРЕЙ, ВОСПИТЫВАЮЩИХ ДЕТЕЙ С НАРУШЕНИЯМИ В РАЗВИТИИ*

Грудина О.А., Шульга Т.И.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматриваются результаты исследования семейного благополучия матерей, воспитывающих детей с нарушениями в развитии разной тяжести, а также уровень их жизненной удовлетворённости. Показано, что матери, воспитывающие детей с нарушениями в развитии, имеют более низкий уровень семейного благополучия и общей жизненной удовлетворённости. Выявлено, что матери, воспитывающие детей с нарушениями в развитии, более положительно оценивают правильность своих действий, поступков, отношения к другим по сравнению с матерями, воспитывающими детей без нарушений в развитии.

Ключевые слова: семьи с детьми с ОВЗ, матери детей с ОВЗ, жизненная удовлетворённость матерей, семейное благополучие.

INTERDEPENDENCE OF FAMILY WELL-BEING AND THE LEVEL OF SATISFACTION WITH LIFE OF MOTHERS RAISING CHILDREN WITH DEVELOPMENTAL DISABILITIES

O. Grudinina, T. Shulga

*Moscow Region State University
10A, Radio str, Moscow, 105005, the Russian Federation*

Abstract. The article scrutinizes the results of the research which covers the issues of family well-being of mothers whose children have developmental disabilities of various degrees. The level of their satisfaction with life is also studied. It is shown that mothers of children with developmental disabilities have lower index of family well-being and general satisfaction with life. It is found out that such mothers assess their own actions, behavior and attitude to the others more positively than the mothers of children without developmental disabilities.

Key words: families of children with limited health abilities, mothers of children with limited health abilities, mothers' satisfaction with life, family well-being.

Проблемы семей, воспитывающих детей с нарушениями в развитии, а также психологические особенности матерей, имеющих детей с ОВЗ, активно рассматриваются в психологии. Различные авторы обращают внимание на дефор-

© Грудина О.А., Шульга Т.И., 2017.

* Статья выполнена в рамках государственного задания ФГАУ «ФИРО», темы НИР 25.304.2016/НМ «Комплексное социально-психологическое сопровождение замещающих семей, принявших на воспитание детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в том числе детей с ОВЗ».

мацию внутрисемейных отношений после рождения ребёнка с нарушениями в развитии, а общую семейную ситуацию такой семьи характеризуют как неблагополучную [1; 5; 6; 9; 11].

Безусловно, появление в семье ребёнка с нарушениями в развитии сопровождается сильным стрессом, который испытывают родители. Момент рождения ребёнка, который должен был стать одним из самых счастливых в жизни семьи, превращается в трагедию. С появлением ребёнка с нарушениями развития семья невольно должна пройти испытание, которое может оказаться трудным, и не каждая семья его может вынести. При этом в исследованиях показано, что часть семей распадается, в некоторых случаях семья сохраняется, но формируются искаженные внутрисемейные взаимодействия [1; 6; 12; 13].

В психологических исследованиях показано, что факт рождения ребёнка с нарушениями в развитии оказывает, чаще всего, негативное воздействие на каждого члена семьи, но особенно сильно ему подвержены матери. Именно у матерей после рождения «ребёнка, не такого, как у всех» авторы отмечают возникновение выраженного чувства тревоги, тоски, подавленности, апатии и беспокойства [4]. Их постоянно мучат страхи по поводу будущего ребёнка [3; 8; 10], это сопровождается чувством потерянности и ощущением «конца жизни» [11].

Большое количество различных трудностей, возникающих в семье после рождения ребёнка с отклонениями в развитии, провоцирует частые ссоры членов семьи, что сопровождается охлаждением чувств и потерей их взаимопонимания. Между тем многие

авторы обращают внимание на то, что степень семейного благополучия, положительная эмоциональная среда необходимы для успешной социальной адаптации любого ребёнка [1; 7; 12; 13].

В нашем исследовании внимание обращено на то, что общее семейное благополучие оказывает положительное воздействие не только на ребёнка, но и на каждого члена семьи. Цель нашего исследования – изучить взаимосвязь семейного благополучия с уровнем жизненной удовлетворённости матерей, воспитывающих детей с нарушениями в развитии.

В исследовании решались следующие задачи:

1) изучение уровня семейного благополучия матерей, воспитывающих детей с нарушениями и без нарушения развития;

2) изучение уровня жизненной удовлетворённости матерей разных групп;

3) проведение сравнительного анализа различий между тремя группами матерей: I – воспитывающих детей с тяжёлыми нарушениями развития, II – воспитывающих детей с нарушениями средней тяжести, III – воспитывающих детей без нарушений в развитии;

4) изучение взаимосвязи семейного благополучия с уровнем жизненной удовлетворённости матерей, воспитывающих детей с нарушениями в развитии.

Гипотезой нашего исследования явилось предположение, что матери, воспитывающие детей с нарушениями разной тяжести и без нарушений, могут иметь разный уровень взаимосвязи семейного благополучия и уровня жизненной удовлетворённости, определяющих их самооценку, активность и отношение к семье.

Характеристика выборки исследования

В исследовании приняли участие 112 матерей в возрасте от 28 до 40 лет, которые были разделены на 3 группы:

I группа представлена 34 матерями, воспитывающими детей с тяжелыми нарушениями развития. В состав этой группы вошли матери, воспитывающие детей с тяжелыми формами ДЦП, аутизма, с микроцефалией, умственной отсталостью, синдромом Дауна. Все дети из этих семей имеют грубую, необратимую задержку умственного, психического и физического развития и демонстрируют недостаточно явную динамику развития.

II группа включила в себя 37 матерей, воспитывающих детей с нарушениями средней тяжести. В состав этой группы также вошли семьи, воспитывающие детей с ДЦП, но с легкой формой этого заболевания – у детей наблюдаются нарушения в физическом развитии при полной сохранности когнитивных функций. В состав этой группы также вошли семьи, воспитывающие детей с легкой формой аутизма, моторной и сенсорной алалией, селективным мутизмом и другими нарушениями речевого развития. Дети из семей данной группы имеют те или иные проблемы в развитии, однако демонстрируют явную динамику развития во время коррекционных занятий. Многие из них смогли успешно адаптироваться в общеобразовательной школе.

III группа численностью 41 человек, в состав которой вошли матери, воспитывающие детей без нарушений в развитии. Эта группа представлена матерями, которые воспитывают

детей, не имеющих нарушений в умственном, психическом и физическом развитии.

Исследование проводилось с помощью следующих методик: «Индекс жизненной удовлетворённости» (в адаптации Н.В. Паниной), «Шкала субъективного благополучия» (в адаптации М.В. Соколовой), «Семейная социограмма» (Э.Г. Эйдемиллер), рисунок семьи. Обработка результатов проводилась методом корреляции по Спирмену и сравнения групп по критерию Крускала-Уоллиса.

Основные результаты исследования

На основании приведённых методик изучен уровень жизненной удовлетворённости матерей по показателям: интерес к жизни, последовательность в достижении целей, согласованность между поставленными и достигнутыми целями, положительная оценка себя и собственных поступков, общий фон настроения.

Результаты изучения уровня жизненной удовлетворённости матерей разных групп показали, что высокий уровень интереса к жизни наблюдается у 46% матерей, воспитывающих детей без нарушений в развитии, у 43% матерей, воспитывающих детей с нарушениями средней тяжести, и лишь у 35% матерей, воспитывающих детей с тяжёлыми нарушениями развития. Различия статистически достоверны (табл. 1).

Результаты показывают, что матери, воспитывающие детей без нарушений в развитии, имеют самый высокий уровень интереса к жизни. Это говорит о том, что матери этой группы (III) обладают большим энтузиазмом, имеют вы-

сокую степень увлечённости жизнью в отличие от матерей из I и II групп. Матери, воспитывающие детей с тяжёлы-

ми нарушениями развития, склонны к апатии, а также не проявляют интереса к происходящему в их жизни.

Таблица 1

Сравнительный анализ уровня интереса к жизни матерей разных групп (по критерию Крускала-Уоллиса)

Параметр	№ группы	N	Средний ранг
Интерес к жизни	I группа	34	47,6
	II группа	37	57,23
	III группа	41	63,22

Анализ результатов уровня последовательности в достижении целей показал, что наибольшая нацеленность на результат выявлена у матерей, воспитывающих детей с нарушениями

средней тяжести (48%), а наименьшая – матерей, воспитывающих детей с тяжёлыми нарушениями развития. Статистически достоверные различия показаны в таблице 2.

Таблица 2

Сравнительный анализ последовательности в достижении цели матерей разных групп (по критерию Крускала-Уоллиса)

Параметр	№ группы	N	Средний ранг
Последовательность в достижении целей	I группа	34	51,54
	II группа	37	61,35
	III группа	41	56,23

Такие результаты могут быть связаны с тем, что дети с нарушениями средней тяжести практически всегда демонстрируют положительную динамику развития при правильном подходе к психокоррекции в развитии ребёнка. Матери, воспитывающие детей с нарушениями средней тяжести, тратят большое количество ресурсов (трудовых, временных, материальных и др.) на различные коррекционные занятия, новые технологии, получают положительное подкрепление в виде успехов ребёнка. Они могут видеть, что при должном внимании с их стороны ребёнок демонстрирует положительную

динамику развития, а без занятий и структурированного подхода к коррекции динамика не наблюдается, поэтому результаты психокоррекционной работы с детьми у матерей, воспитывающих детей с нарушениями средней тяжести, могут способствовать повышению их активности и уровня нацеленности на результат. Совершенно в иной ситуации находятся матери, воспитывающие детей с тяжёлыми нарушениями развития – вкладывая в своего ребёнка максимальное количество усилий, они с трудом замечают динамику в его развитии. По прошествии некоторого времени это приводит к потере веры

в успех. В итоге мать может «опустить руки», стать пассивной и примириться с жизненными неудачами.

Положительно оценивают себя и собственные поступки 38% матерей, воспитывающих детей с тяжелыми нарушениями развития, 38% матерей, воспитывающих детей с нарушениями средней тяжести, и 29% матерей, вос-

питывающих детей без нарушений в развитии. Большинство матерей изучаемой нами выборки обладают адекватной самооценкой среднего уровня. Однако сравнительный анализ показал, что более высокий уровень самооценки выявлен у матерей, воспитывающих детей с тяжелыми нарушениями развития (табл. 4).

Таблица 4

Сравнительный анализ положительной оценки себя и собственных поступков матерями (по критерию Крускала-Уоллиса)

Параметр	№ группы	N	Средний ранг
Положительная оценка себя и собственных поступков	I группа	34	59,79
	II группа	37	54,14
	III группа	41	55,9

Полученные данные противоречат результатам большинства исследований. Заниженная самооценка матерей, воспитывающих детей с нарушениями в развитии, отмечается различными исследователями [2; 5; 11].

Однако полученные результаты могут быть связаны с особенностью использования матерями этой группы разных методик, технологий, программ развития детей. В большинстве исследований изучается самооценка внешности и личных качеств матерей, имеющих детей с нарушениями в развитии. В нашем исследовании

изучалась самооценка собственных поступков, которые могли повлиять на сложившуюся жизненную ситуацию. Например, на утверждение «По сравнению с другими людьми моего возраста я сделала массу глупостей в своей жизни» большинство матерей, воспитывающих детей с тяжёлыми нарушениями в развитии, ответили отрицательно.

Общий фон настроения более положительен у матерей, воспитывающих детей без нарушений в развитии. Статистически значимые различия представлены в таблице 5.

Таблица 5

Сравнительный анализ общего фона настроения матерей (по критерию Крускала-Уоллиса)

Параметр	№ группы	N	Средний ранг
Общий фон настроения	I группа	34	48,37
	II группа	37	58,7
	III группа	41	61,26

Результаты, полученные нами, показывают, что группа матерей, воспитывающих детей с тяжёлыми нарушениями развития, резко отличается общим фоном сниженного настроения от групп матерей, воспитывающих детей с нарушениями средней тяжести и воспитывающих детей без нарушений в развитии.

Высокие показатели общего фона настроения у матерей II и III групп отражают более положительную степень оптимизма и удовольствия от жизни. Низкие показатели общего фона настроения у матерей, воспитывающих детей с тяжёлыми нарушениями развития, напротив, отражают преобладание пессимизма и неудовлетворенности жизнью. Это может быть связано с тем, что матери,

воспитывающие детей с тяжёлыми нарушениями развития, долгое время находятся в постоянной фрустрирующей ситуации и часто не видят из неё выхода.

Изучение уровня семейного благополучия с помощью методики «Семейная социограмма» (Э.Г. Эйдемиллер) позволило выявить следующие показатели: самооценку, конфликтность в семье, близость с ребёнком, близость с отцом ребёнка. Использование методики «Рисунок семьи» позволило выявить благоприятную семейную ситуацию, тревожность, конфликтность в семье, чувство неполноценности.

Сравнение данных, полученных в ходе изучения матерей по семейной социограмме, показало значимые различия между группами (табл. 6).

Таблица 6

Сравнительный анализ уровня семейного благополучия матерей 3 групп (по критерию Крускала-Уоллиса)

Параметр	№ группы	N	Средний ранг
Самооценка	I группа	34	55,62
	II группа	37	54,26
	III группа	41	59,26
Конфликтность в семье	I группа	34	60,18
	II группа	37	55,76
	III группа	41	54,12
Близость с ребёнком	I группа	34	58,18
	II группа	37	56,34
	III группа	41	55,26
Близость с отцом ребёнка	I группа	34	50,49
	II группа	37	61,95
	III группа	41	56,57

Результаты, представленные выше в таблице, показывают, что матери, воспитывающие детей без нарушений в развитии, имеют более высокую самооценку по сравнению с матерями, воспитывающими детей с тяжёлыми

нарушениями и нарушениями средней тяжести. Более высокий уровень внутрисемейной конфликтности демонстрирует группа матерей, воспитывающих детей с тяжёлыми нарушениями развития.

Высокая близость с детьми свойственна матерям всех групп. Однако у матерей, воспитывающих детей с тяжёлыми нарушениями развития, отмечена тенденция к слишком близким, практически симбиотическим связям с детьми. Наиболее близкие отношения с отцом ребенка отмечены в группе матерей, воспитывающих детей с нарушениями средней тяжести. Достаточно высокие показатели близости с отцом ребёнка наблюдаются также в группе матерей,

воспитывающих детей без нарушений в развитии. Группа матерей, воспитывающих детей с тяжёлыми нарушениями, демонстрирует отдаленные, конфликтные отношения с отцом ребёнка, зачастую отец совсем отсутствует на рисунках матерей этой группы.

Полученные результаты подтверждают данные, полученные при изучении уровня благополучия в семье. Статистически достоверные различия представлены в таблице 7.

Таблица 7

Сравнительный анализ уровня семейного благополучия матерей 3 групп (по критерию Крускала-Уоллиса)

Параметр	№ группы	N	Средний ранг
Благоприятная семейная ситуация	I группа	34	55,62
	II группа	37	54,26
	III группа	41	59,26
Тревожность	I группа	34	60,18
	II группа	37	55,76
	III группа	41	54,12
Конфликтность в семье	I группа	34	58,18
	II группа	37	56,34
	III группа	41	55,26
Чувство неполноценности в семейной ситуации	I группа	34	61,95
	II группа	37	50,49
	III группа	41	56,57

Представленные результаты показывают, что наиболее благоприятная семейная ситуация выявлена у матерей, воспитывающих детей без нарушений в развитии. Семейную ситуацию матерей, воспитывающих детей с тяжёлыми нарушениями развития и нарушениями средней тяжести, можно характеризовать как недостаточно благоприятную и неблагоприятную.

Наиболее высоким уровнем тревожности обладают матери, воспитывающие детей с тяжёлыми нарушения-

ми развития. У матерей из двух других групп отмечены отсутствие тревожности и более ровный эмоционально-волевой фон.

Наиболее высокий уровень внутрисемейной конфликтности наблюдается в группе матерей, воспитывающих детей с тяжёлыми нарушениями развития, а наиболее низкий – в группе матерей, воспитывающих детей без нарушений в развитии.

Выявлено, что матерям, воспитывающим детей с тяжёлыми нарушениями в

развитии, свойственно чувство неполноценности, неудовлетворённости собой. Важно отметить, что наиболее полное и сильное ощущение полноценности свойственно матерям, воспитывающим детей с нарушениями средней тяжести, в сравнении с матерями, воспитывающими де-

тей без нарушений в развитии.

Результаты корреляционных связей уровней жизненной удовлетворённости и семейного благополучия в группе матерей, воспитывающих детей с тяжёлыми нарушениями развития, представлены в таблице 8.

Таблица 8

Взаимосвязь уровней жизненной удовлетворенности и семейного благополучия матерей, воспитывающих детей с тяжёлыми нарушениями развития

	Самооценка	Близость с ребенком	Чувство неполноценности	Благоприятная семейная ситуация
Последовательность в достижении целей	,400	-,471		
Согласованность между поставленными и достигнутыми целями	-,370			
Положительная оценка себя и собственных поступков	,419		-,365	

Прежде всего обратим внимание на то, что в группе матерей, воспитывающих детей с тяжёлыми нарушениями развития, существует прямая связь между последовательностью в достижении целей и самооценкой ($r=0,400$; $p<0,05$). Это означает, что такие качества, как решительность, стойкость, направленность на результат и достижение целей, присущи матерям с высокой самооценкой. Результаты позволяют сделать вывод, что именно эти перечисленные качества матерей помогают справляться со всеми трудностями и повышают уровень собственной значимости и самооценку в семейной ситуации.

Обращает на себя внимание результат матерей, воспитывающих детей с тяжёлыми нарушениями развития. Выявлено, что существует отрицатель-

ная связь между последовательностью в достижении целей и близостью с ребенком ($r=0,471$; $p<0,01$). Это говорит о том, что слишком близкие, симбиотические взаимодействия с ребенком влекут за собой неспособность матерей решать поставленные перед собой задачи и пассивное примирение с существующей жизненной ситуацией. Отрицательная связь согласованности между поставленными и достигнутыми целями и самооценки матерей, воспитывающих детей с тяжёлыми нарушениями развития ($r=-0,370$; $p<0,05$), позволяет выдвинуть гипотезу, что неуспех в достижении цели влечет за собой понижение самооценки человека. Одной из главных целей любой матери, воспитывающей ребёнка с тяжёлыми нарушениями развития, является достижение динамики развития

ребёнка. Поскольку ярко выраженную динамику и улучшение уровня развития ребёнка редко можно видеть, это способствует понижению самооценки матери.

Прямая связь наблюдается между положительной оценкой своих качеств и собственного поведения матерями, воспитывающими детей с тяжелыми нарушениями развития, и самооценкой ($r=0,419$; $p<0,05$). Из этого можно сделать вывод, что, чем большую удовлетворённость от собственных действий ощущают матери I группы, тем более высокий уровень самооцен-

ки они имеют. В то же время наличие обратной связи между положительной оценкой собственного поведения и неполноценностью ($r=-0,365$; $p<0,05$) означает, что, чем негативнее матери оценивают собственные поступки, тем в большей степени возрастает чувство собственной неполноценности в семейной ситуации.

Анализ корреляционных связей между уровнем жизненной удовлетворённости и семейным благополучием в группе матерей, воспитывающих детей с нарушениями в развитии средней тяжести, представлен в таблице 9.

Таблица 9

Взаимосвязь уровня жизненной удовлетворенности и семейного благополучия матерей, воспитывающих детей с нарушениями средней тяжести

	Самооценка	Чувство неполноценности
Положительная оценка себя и собственных поступков	,891	-,676

Результаты показывают, что во II группе также существуют значимая прямая связь между уровнем удовлетворённости своими действиями и самооценкой в семейной ситуации ($r=0,891$; $p<0,01$), а также обратная связь удовлетворённости собственны-

ми поступками и чувством неполноценности ($r=-0,676$; $p<0,01$) матерей, воспитывающих детей с нарушениями средней тяжести.

Далее рассмотрим значимые корреляционные связи, которые представлены в таблице 10, в III группе матерей.

Таблица 10

Взаимосвязь уровня жизненной удовлетворенности и семейного благополучия матерей, воспитывающих детей без нарушений в развитии

	Самооценка	Близость с ребенком	Чувство неполноценности
Интерес к жизни	,352	-,361	
Положительная оценка себя и собственных поступков	,815		-,461

Результаты показывают, что выявлена прямая связь между уровнем интереса к жизни и самооценкой у матерей, воспитывающих детей без нарушений в развитии ($r=0,352$; $p<0,05$). Выявлено, что интерес к жизни выше у тех матерей, которые обладают высокой самооценкой. Вероятно, это связано с тем, что активная жизненная позиция, энтузиазм, высокая вовлечённость в повседневные события – это качества, которые присущи матерям с большим ощущением собственной значимости в семье. Такие матери чувствуют, что влияют на жизненную ситуацию, и отстаивают свою позицию в ней. Матери с низкой самооценкой не отличаются энтузиазмом, они не уверены в том, что влияют на ход событий, и «плывут по течению», не испытывая интереса к жизни.

Получена обратная связь матерей, воспитывающих детей без нарушений в развитии, между интересом к жизни и близостью с ребёнком ($r=-0,361$; $p<0,05$). Это может быть связано с тем, что матери, слишком увлечённые своим ребёнком, забывают о собственных интересах, перестают уделять время себе, тем самым сужая свой круг увлечений. Все это может сказываться на снижении интереса к жизни и к происходящим событиям.

Показано, что взаимосвязь удовлетворённости своим поведением с самооценкой, а также с чувством неполноценности прослеживается во всех трёх группах.

При этом взаимосвязи других показателей в каждой группе различны. Вероятно, это связано с тем, что неудовлетворённость своими действиями, желание исправить ошибки, постоянное сожаление о сделанном влекут

за собой снижение самооценки и, как следствие, способствуют развитию у матерей ощущения неполноценности и собственной незначимости в жизни семьи.

Проведённое исследование позволило сделать следующие выводы:

1. Изучение уровня семейного благополучия и уровня жизненной удовлетворённости матерей показало, что наиболее низкий уровень семейного благополучия наблюдается в группе матерей, воспитывающих детей с тяжёлыми нарушениями развития. Матери этой группы имеют низкую самооценку и ощущение собственной неполноценности и незначимости в семейной ситуации, ими отмечаются высокая внутрисемейная конфликтность, отдалённые отношения с отцом ребёнка, а также слишком близкие, симбиотические связи с ребёнком.

2. Выявлена взаимосвязь семейного благополучия и уровня жизненной удовлетворённости у матерей, воспитывающих детей с нарушениями в развитии разной тяжести, во всех трёх группах.

3. В группе матерей, воспитывающих детей с тяжёлыми нарушениями в развитии, выявлены следующие взаимосвязи: прямая связь между последовательностью в достижении целей и самооценкой ($r=0,400$; $p<0,05$), обратная связь между последовательностью в достижении целей и близостью с ребёнком ($r=0,471$; $p<0,01$), обратная связь согласованности между поставленными и достигнутыми целями и самооценкой ($r=-0,370$; $p<0,05$), прямая связь между положительными оценками себя и собственного поведения ($r=0,419$; $p<0,05$), обратная связь между положительной оценкой собствен-

ного поведения и неполноценностью ($r=-0,365$; $p<0,05$).

4. В группе матерей, воспитывающих детей с нарушениями средней тяжести, обнаружены прямая связь между уровнем удовлетворённости своими действиями и самооценкой в семейной ситуации ($r=0,891$; $p<0,01$), а также обратная связь удовлетворённости собственными поступками с чувством неполноценности ($r=-0,676$; $p<0,01$).

5. В группе матерей, воспитывающих

детей без нарушения в развитии, выявлены взаимосвязь между уровнем интереса к жизни и самооценкой ($r=0,352$; $p<0,05$), обратная связь между интересом к жизни и близостью с ребёнком ($r=-0,361$; $p<0,05$), прямая связь между уровнем удовлетворённости своими действиями и самооценкой в семейной ситуации ($r=0,815$; $p<0,01$), а также обратная связь удовлетворённости собственными поступками с чувством неполноценности ($r=-0,461$; $p<0,01$).

ЛИТЕРАТУРА

1. Галасюк И.Н. Теоретико-методологические основы комплексного сопровождения семьи ребёнка с интеллектуальными нарушениями. М., 2014. 212 с.
2. Карташова И.М. Характеристики Я-реального и я-идеального в структуре я-концепции матери как субъекта взаимодействия в диаде «мать-дитя» при ранних отклонениях в развитии ребенка // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2010. № 40 (216). С. 76–79.
3. Кудайбергенова С.К. Исследование родительских отношений к детям с ограниченными психическими возможностями: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Алма-ата, 2009. 24 с.
4. Куканов А.А., Фанталова Е.Б. Мотивационно-личностная сфера матерей, имеющих детей с аутизмом: Северная Америка и Западная Европа // Психологическая наука и образование. 2016. Т. 8. № 1. С. 128–136.
5. Левченко И.Ю., Ткачева В.В. Психологическая помощь семье, воспитывающей ребенка с отклонениями в развитии. М., 2008. 239 с.
6. Мамайчук И.И. Психологическое сопровождение родителей детей с нарушениями в психическом развитии в условиях образовательного учреждения // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2013. Т. 3. № 3. С. 37–47.
7. Мухамедрахимов Р.Ж. Мать и младенец: психологическое взаимодействие. СПб., 2001. 288 с.
8. Нестерова А.А., Ковалевская Н.А. Жизнеспособность и стратегии совладания матерей, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2015. № 3. С. 38–46.
9. Полоухина Е.А. Особенности семейного микроклимата в семьях с детьми-инвалидами // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12: Социология. 2008. № 3. С. 143–148.
10. Сабер Мухамед Убад Али. Особенности семейного воспитания детей с нарушениями психического развития (На материале изучения семей России и Йемена): автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2010. 22 с.
11. Ткачева В.В. Психологическое изучение семей, воспитывающих детей с отклонениями в развитии. М., 2004. 192 с.
12. Шац И.К., Коваленко В.В. Социально-психологические детерминанты негармоничного воспитания в семьях детей с ограниченными возможностями здоровья // Вест-

ник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. Т. 3. № 3. С. 93–101.

13. Шульга Т.И., Антипина М.А. Эмоциональная среда семьи как фактор развития личности ребенка в замещающей семье // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2012. № 3. С. 32–40.

REFERENCES

1. Galasyuk I.N. Teoretiko-metodologicheskie osnovy kompleksnogo soprovozhdeniya sem'i rebenka s intellektual'nymi narusheniyami [Theoretical and methodological framework for the integrated support of the family with a child with intellectual disabilities]. Moscow, 2014. 212 p.
2. Kartashova I.M. [Features I-real and the ideal in the structure of self-concept of a mother as a subject of interaction in the dyad "mother-child" at early developmental deviations of the child]. In: *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*, Seriya: Psikhologiya, 2010, no. 40 (216), pp. 76–79.
3. Kudaibergenova S.K. *Issledovanie roditel'skikh otnoshenii k detyam s ogranichennymi psikhicheskimi vozmozhnostyami: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk* [The study of parental relations to children with limited mental capabilities: abstract of PhD thesis in Psychological sciences]. Alma-ATA, 2009. 24 p.
4. Kukanov A.A., Fantalova E.B. [Motivational and personal sphere of mothers with children with autism in North America and Western Europe]. In: *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*, 2016, vol. 8, no. 1, pp. 128–136.
5. Levchenko I.Yu., Tkacheva V.V. *Psikhologicheskaya pomoshch' sem'e, vospityvayushchei rebenka s otkloneniyami v razvitii* [Psychological assistance to families raising children with developmental disabilities]. Moscow, 2008. 239 p.
6. Mamaichuk I.I. [Psychological support for parents of children with disorders in mental development in conditions of educational institution]. In: *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*, 2013, vol. 3, no. 3, pp. 37–47.
7. Mukhamedrakhimov R.Zh. *Mat' i mladenets: psikhologicheskoe vzaimodeistvie* [Mother and infant: psychological interaction]. St. Petersburg, 2001. 288 p.
8. Nesterova A.A., Kovalevskaya N.A. [Resilience and coping strategies of mothers raising children with autistic spectrum disorders]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvenno oblastnogo universiteta*. Seriya: Psikhologicheskie nauki, 2015, no. 3, pp. 38–46.
9. Poloukhina E.A. [Features of the family climate in families with children with disabilities]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Seriya 12: Sotsiologiya, 2008, no. 3, pp. 143–148.
10. Saber Mukhamed Ubad Ali. *Osobennosti semeinogo vospitaniya detei s narusheniyami psikhicheskogo razvitiya (Na materiale izucheniya semei Rossii i Iemena): avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk* [Saber Mohamed Ali Abad. The specifics of family upbringing children with impaired mental development (based on the study of families in Russia and Yemen): abstract of PhD thesis in psychological Sciences]. St. Petersburg, 2010. 22 p.
11. Tkacheva V.V. *Psikhologicheskoe izuchenie semei, vospityvayushchikh detei s otkloneniyami v razvitii* [The psychological study of families raising children with developmental disabilities]. Moscow, 2004. 192 p.
12. Shats I.K., Kovalenko V.V. [Socio-psychological determinants of discordant parenting in families of children with disabilities]. In: *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*, 2014, no. 3, vol. 3, pp. 93–101.
13. Shul'ga T.I., Antipina M.A. [Emotional environment of families as a factor in the development of a child in a foster family]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvenno oblastnogo universiteta*. Seriya: Psikhologicheskie nauki, 2012, no. 2, pp. 52–63.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Грудина Оксана Александровна – аспирант кафедры социальной психологии Московского государственного областного университета;

e-mail: shulgatiana@gmail.com

Шульга Татьяна Ивановна – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной психологии Московского государственного областного университета;

e-mail: shulgatiana@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Oksana A. Grudinina – post-graduate student of the Department of Social Psychology, Moscow Region State University;

e-mail: shulgatiana@gmail.com

Tatyana I. Shulga – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Social Psychology, Moscow Region State University;

e-mail: shulgatiana@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Грудина О.А., Шульга Т.И. Взаимосвязь семейного благополучия и уровня жизненной удовлетворённости матерей, воспитывающих детей с нарушениями в развитии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2017. № 2. С. 38–50.

DOI: 10.18384/2310-7235-2017-2-38-50

THE CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

O. Grudinina, T. Shulga. Interdependence of family well-being and the level of satisfaction with life of mothers raising children with developmental disabilities. *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: Psychology, 2017, no 2, pp. 38–50.

DOI: 10.18384/2310-7235-2017-2-38-50

УДК 159.99

DOI: 10.18384/2310-7235-2017-2-51-60

ХАРАКТЕРИСТИКА МОТИВАЦИОННОЙ СФЕРЫ МЕНЕДЖЕРОВ ЧАСТНОГО БИЗНЕСА РАЗЛИЧНЫХ ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП

Емельяненко А.В., Александрова Е.В.

Ульяновский государственный университет

432017, г. Ульяновск, ул. Льва Толстого, д. 42, Российская Федерация

Аннотация. В представленной статье рассматриваются результаты психосемантического исследования мотивации личности у менеджеров частного бизнеса, ведущих свою деятельность в сфере топливно-энергетического комплекса. Приведён анализ их базовых и актуальных потребностей, отношения к себе, к своей карьере и профессии, к различным видам деятельности и группам людей, к источникам стресса. Выделяются и описываются характерные особенности мотивации у менеджеров различного возраста, показана трансформация мотивации в период кризиса середины жизни.

Ключевые слова: мотивационная сфера личности, мотивация менеджера, кризис середины жизни.

CHARACTERISTICS OF MOTIVATION SPHERE OF MANAGERS OF PRIVATE BUSINESS IN VARIOUS AGE GROUPS

A. Emelyanenkova, E. Alexandrova

Ulyanovsk State University

42, Leo Tolstoy str., Ulyanovsk, 432017, Russian Federation

Abstract. In the article the results of psychosemantic study of individual motivation of managers in private business are presented. The managers from the sphere of fuel and energy complex are examined. The analysis of their basic and current requirements, attitude to themselves, to their career and profession, as well as to various activities and groups of people, sources of stress. The peculiarities of managers' motivation are described. The transformation of motivation in the midlife crisis period is also shown.

Key words: motivational sphere of a personality, manager's motivation, period of midlife crisis.

Научные исследования, связанные с решением задач личностно-профессионального развития, профессионального мастерства, поиска условий и факторов повышения эффективности деятельности персонала, приобретают в последние десятилетия всё большее значение. В работах, авторами которых являются А.А. Деркач, В.Г. Зазыкин, А.К. Маркова, профессионал рассматривается как субъект профессиональной деятельности, обладающий высоким уровнем профессионализма личности и деятельности, имеющий высокий профессиональный и социальный статус, постоянно нацеленный на развитие и самосовершен-

ствование [2]. И одно из центральных мест в этом контексте занимает проблема мотивации руководителей: с одной стороны, проведено множество исследований мотивации менеджеров различных сфер и секторов экономики, с другой – каждое исследование имеет, как правило, специфические данные, которые мало коррелируют с данными другой группы менеджеров.

Трудовая мотивация менеджеров определяется взаимодействием двух классов факторов: характеристиками человека и характеристиками среды. Все внешние по отношению к человеку факторы, определяющие уровень его мотивированности, можно разделить на факторы макросреды и микросреды [4, с. 70]. Отметим, что мотивация – это готовность индивида действовать в определённом направлении, прикладывая достаточные усилия в течение необходимого времени, под влиянием всей совокупности внутренних факторов, пробуждающих его активность [5, с. 264]. Основными компонентами мотивации в данном случае выступают потребности и желания, формирующие поведение человека, цели, и как итог, обратную связь. Как отечественные, так и зарубежные учёные выделяют в процессе профессионального развития личности определённые стадии, фазы и этапы. Как правило, критерием выделения этапа в развитии личности как профессионала являются возраст, а также проблема, которую индивид решает на этом этапе [1].

Сочетание проблем мотивации и профессионального развития определило актуальность настоящего исследования.

Целью нашего исследования стало выделение базовых характеристик мо-

тивационной сферы менеджеров частного бизнеса различных возрастных групп. Проведенное нами исследование, результаты которого анализируются в этой работе, осуществлялось на выборке 44 менеджеров частного бизнеса различного пола и возраста, а также уровня руководства, ведущих свою деятельность в сфере топливно-энергетического комплекса г. Ульяновска. Основной гипотезой выступило предположение, что менеджеры разного возраста обладают спецификой мотивационной сферы, что выражается как в базовых, так и в актуальных потребностях, в отношении к себе, к своей карьере и профессии, к различным видам деятельности и группам людей, к источникам стресса.

Для анализа мотивации руководителей была выбрана методика И.Л. Соломина «Психосемантическая диагностика скрытой мотивации» [9], которая позволяет дать развернутую характеристику мотивационной сферы путем выявления содержания и структуры потребностей человека, мотивов различных видов деятельности, осознанных или неосознаваемых отношений. При подробном анализе полученных данных представляется возможность провести анализ базовых и актуальных потребностей, удовлетворённости в них в настоящем, прошлом и будущем времени, отношение к себе, своей карьере и профессии, к различным видам деятельности и группам людей, к источникам стресса [8]. Участникам исследования было предложено 30 понятий, к которым они должны были выразить своё отношение, оценив их по шкалам семантического дифференциала. В дальнейшем данные были подвергнуты кластерному анализу как

в целом по выборке испытуемых, так и по трём возрастным группам – до 35 лет, от 35 до 45 лет и старше 45 лет. Анализ проводился по классическим факторам семантического дифференциала – ценности, силы и активности; дендрограмма понятий позволила выявить значимые смысловые взаимосвязи понятий внутри кластеров.

По общей выборке респондентов, которую составили менеджеры частного бизнеса, можно сказать, что они положительно относятся к основным человеческим ценностям, но при этом почти не делают акцента на конкретных из них. Так, наиболее эмоционально привлекательными для менеджеров являются понятия «моё будущее», «моя семья» и «моё свободное время»; активными и изменчивыми во времени – «личная независимость», «моя профессия» и «выполнение обязанностей»; обладающими наибольшей силой и влиянием на жизнь менеджеров – «моя профессия», «моё будущее», «моя работа» и «моя семья». Это осознаваемые потребности, которые вызывают размышление и рефлексию современных менеджеров частного бизнеса.

Рассмотрим скрытые потребности, которые позволяет выявить проведённый кластерный анализ.

Во-первых, базовые потребности как наиболее устойчивые и характеризующие личностные особенности. Их круг не особенно широк и в целом повторяет перечисленные нами выше: семья, будущее, свободное время, – вместе с тем в этот перечень включаются потребности познания собственного «Я» и своих друзей. В настоящем эти потребности не удовлетворены, но руководители предполагают, что они

будут удовлетворены в будущем.

В-вторых, актуальные потребности, обусловленные ситуацией – то, чем вынужден заниматься человек в настоящий момент, не имея возможности удовлетворить базовые потребности, компенсируя их отсутствие. В нашем случае речь идёт о достижении успеха, личной независимости, о выполнении обязательств и продолжении обучения. Таким образом, в настоящий момент достижение успеха и независимости они рассматривают возможным только посредством получения новых знаний по профессии и чёткого выполнения своих обязанностей на работе (табл. 2).

В-третьих, отношение к работе, карьере, профессии – свою фирму респонденты связывают с риском, а занятие бизнесом относят к выгодному и творческому делу, профессиональная деятельность тождественна выполняемой работе. Конкуренты и конкуренция для руководителей являются способом удовлетворения материальных потребностей. К работе в настоящее время осознаваемой лояльности руководители не испытывают, связывая фирму с риском, но, с другой стороны, предполагая, что этот риск может принести и весьма ощутимую выгоду. Карьера напрямую не связана ни с базовыми, ни с актуальными потребностями и рассматривается как следствие общения и признания со стороны людей, прежде всего, сотрудников фирмы. Таким образом, в восприятии карьеры присутствует только компонент внешней оценки, самооценка личных достижений как фактор карьеры не рассматривается, что является показателем неэффективности карьеры в целом.

Рассмотрим различия в структуре мотивации руководителей разных возрастных групп – до 35 лет, от 35 до 45 лет, старше 45 (табл. 1).

Таблица 1

Ведущие понятия по факторам ценности, активности и силы менеджеров различных возрастных групп

Факторы	До 35 лет	35-45 лет	Старше 45 лет
Ценность	Моё будущее Моя семья Я	Моя семья Моё будущее Мое свободное время	Моё будущее Моя семья Моё свободное время Мои друзья
Активность	Моя профессия Моя работа Достижение успеха	Моя работа Неприятности Моя профессия Выполнение обязанностей	Моя профессия
Сила	Моя работа Моё свободное время Моя профессия Выполнение обязанностей	Моя работа Моё будущее Выполнение обязанностей	Моя семья Моя профессия

При рассмотрении потребностей руководителей разного возраста прослеживаются линии, описываемые в профессиограммах. До 35 лет сотрудники задумываются о будущем, о создании и развитии семьи, а также занимаются поиском себя. В возрасте от 36 до 45 лет большее внимание уделяют семье, её потребностям и нуждам. Забота о будущем переходит на второй план, так как к этому времени карьера, как правило, состоялась или надежда на её создание пропадает. Появляется потребность в свободном времени. Менеджеры старше 45 лет наиболее явственно ощущают необходимость в поиске или занятии чем-то интересным, отличным от рабочих обязанностей. Другие осознаваемые потребности выражены слабо, хотя и прослеживаются планы на будущее, семью, необходимость свободного времени и наличие друзей.

Базовые потребности молодых руководителей – это обучение, поро-

ждающее желание карьеры и приобретение друзей. Так же, как упоминалось выше, к этому виду потребностей относятся поиск себя, создание семьи и свободное время. В настоящий момент эти потребности не удовлетворены, и актуальные потребности молодого поколения руководителей завязаны на необходимости расширения знакомств и количества контактов. Эта потребность, по их мнению, может оказать влияние на получение личной независимости, приобретение выгоды и признание окружающими. Понятие карьеры обладает для них наибольшей эмоциональной привлекательностью, динамичностью во времени, влиянием на их жизнь по сравнению с наиболее старшими группами менеджеров. На этой карьерной ступени они «завоёвывают» своё место в иерархии предприятия, для чего необходимо изучать новое, развивать своё профессиональное мастерство, зарабатывать авторитет среди опытных коллег и обзаводить-

ся связями. Более того, стремление к карьере, выраженность стремления к власти и избегания власти, точнее, их сочетание у руководителей и их подчинённых, могут влиять на эффективность совместной деятельности в целом [11]. Во-первых, команды становятся успешными, когда мотивация

власти преобладает либо у самого руководителя, либо у его подчинённых, подталкивая к более интенсивной работе; и во-вторых, в среднем мотивация власти выражена на уровне выше среднего, не закрывая борьбой за власть выполнение непосредственных задач команды.

Таблица 2

Базовые и актуальные потребности менеджеров различных возрастных групп

Потребности	До 35 лет	35–45 лет	Старше 45 лет
Базовые потребности	Я Моё будущее Моя семья Моё свободное время Моя учеба Моя карьера Мои друзья	Моё будущее Моя семья Моя профессия Выполнение обязанностей Моя учеба Личная независимость Я Признание окружающих Общение с людьми Достижение успеха Мои друзья	Моя семья Мои друзья
Степень удовлетворённости	Не удовлетворены	Удовлетворены	Частичная удовлетворённость в прошлом
Актуальные потребности	Моя фирма Материальное благополучие Конкуренция Общение с людьми Признание окружающих Личная независимость Выгода	Соответствует базовым	Моя работа Достижение успеха Личная независимость Признание окружающих Выполнение обязанностей

Руководители в возрасте от 36 до 45 лет нуждаются в достижении успеха, приобретении друзей и семейных отношениях. В отличие от руководителей младшего возраста их базовые потребности удовлетворены в настоящем. Понятие «карьера» наиболее насыщено смысловыми маркерами по

сравнению с двумя другими возрастными группами. Они связывают его с занятием бизнесом, выгодой и риском одновременно, сотрудники фирмы выступают и как конкуренты, и как дополнительные источники активности и творчества, но при этом карьера больше соотносится с прошлым, они

считают, что вложили уже много усилий в построение своей карьеры, поэтому логично, что круг их базовых потребностей наиболее широк и, кроме профессионального роста, признания и достижений, включает в себя ценности семьи, дружбы, независимости и самореализации. Во многом такое расширение круга потребностей мы можем соотнести с кризисом середины жизни, когда проводится переоценка ценностей и достижений, и в данном случае мы видим благоприятное в целом преодоление кризиса, так как свои базовые потребности они считают удовлетворёнными.

Руководители старшего поколения стремятся добиться признания окружающих, что даст им личную независимость и достижения. Возможно, термин «добиться» здесь необходимо преобразовать в «вернуть» признание окружающих, так как в силу сложившихся стереотипов и принципов работы рынка труда сотрудники старше 45 лет мало интересуют работодателя, коллегами воспринимаются как поколение, живущее по старым принципам, в связи с чем руководители старше 45 лет участвуют в более жёсткой конкуренции, чем родившиеся на десять лет позже. При анализе дендрограммы видно, что понятие карьеры для них тесно связано с той фирмой, в которой они работают в настоящее время, они не хотят изменений в профессиональной деятельности или месте работы, высоко оценивая значимость стабильности в своей жизни.

Ю.В. Сиягин [6] при рассмотрении ценностей руководителей отмечает относительно более высокое стремление молодых менеджеров (до 35 лет) к решению организационных задач. Руко-

водители в возрасте от 35 лет до 40 лет ориентированы на решение личных целей. В случае же, если руководящая ступень приходится на возраст от 40 лет, наиболее выраженной выступает ориентация на безопасность.

Для молодых руководителей и руководителей старшего возраста понятия угрозы, неудачи, неприятности не имеют четкого осознания, не оказывают влияния на другие, можно сказать, что они не придают им особого значения. Для руководителей средней возрастной группы неудачи связаны с материальными потерями, при глубоком стрессе они ассоциируются с конкурентами. Как рассматривалось выше, руководители от 35 до 45 лет большое внимание уделяют семье, финансовое обеспечение которой требует материальной стабильности.

При анализе профессиональных стратегий Ю.В. Сиягин [7] замечает, что у каждого человека в организации существуют мотивирующие стремления, различно выраженные в зависимости от фазы профессионального развития и окружения. Успешные руководители имеют равно выраженную ориентацию на реализацию собственных и организационных целей. Как отмечает автор, на начальном этапе профессионального развития сотрудник нацелен на решение организационных задач, а также на профессиональное становление.

Такой взгляд подтверждает полученные в исследовании данные по молодым руководителям, которые нацелены на образование, карьерное развитие и поиск полезных связей. Если рассматривать фазу адаптации «якорей карьеры» Э. Шейна, то проявляется профессиональное становление,

скорее, в стремлении найти нужные условия и людей, способных помочь в решении стоящих личных и организационных задач, либо соратников-коллег, имеющих схожие задачи. По результатам исследований А.Я. Шушириной и И.В. Михайловой [10], были выявлены аналогичные тенденции при сопоставлении восприятия руководителями своей личности и ценностей, с одной стороны, и оценки их личности и структуры ценностей подчиненными, с другой.

Свою личность молодые руководители рассматривают как некий инвестиционный проект, в который они могут вкладывать свои силы и средства. В этом они схожи с руководителями старшего поколения, которые видят себя в обучении. Для менеджеров среднего возраста «Я» ассоциируется с признанием окружающих через личную независимость и учебу. Таким образом, восприятие руководителями самих себя как личностей, которые необходимо развивать, в современном мире стало больше необходимостью, чем потребностью. Руководители старшего возраста надеются получить в будущем больше свободного времени, которое потратят на обучение и развитие себя, что мы можем соотнести с преодолением кризиса середины жизни, выбором для себя наиболее значимых ценностей.

Рассматривая значение других людей в своей жизни, молодые руководители ассоциируют коллег с заработной платой, семью со свободным временем, общение с людьми в целом связано с прошлым и настоящим. У руководителей старше 35 лет сотрудники фирмы связаны с выгодой, семья – с их будущим, общение с людьми в це-

лом является базовой потребностью, а друзья помогают достичь успеха. Можно отметить, что эти результаты более конкретно можно рассмотреть в ракурсе проблемы подбора руководителем «своей» команды, как это делает в своих работах И.В. Калинин [3], доказывая, что подбор субъектами управления своего ближайшего окружения в большей мере соотносим не с профессиональной, а с социальной компетентностью. Для руководителей старше 45 лет и более общение с людьми связано с творческим процессом, что, в свою очередь, менее осознанно ассоциируется с коллегами. У старшего поколения семья, наряду с друзьями, выступает базовой потребностью, которую не всегда удаётся полностью реализовать.

Таким образом, проведённое нами исследование подтвердило гипотезу, что менеджеры разного возраста обладают спецификой мотивационной сферы, что выражается как в базовых, так и в актуальных потребностях, в отношении к себе, к своей карьере и профессии, к различным видам деятельности и группам людей, к источникам стресса. Так как исследование проводилось исключительно на выборке менеджеров частного бизнеса, то обобщённые нами ниже выводы по характеристике мотивационной сферы менеджеров различных возрастных групп мы можем распространить только на них.

Так, руководители частного бизнеса, занявшие должность в молодом возрасте, находятся на стадии становления. Они набираются опыта, осваивают новые навыки, при этом строят семейные и дружеские отношения. В частности, отличительной чертой этого возраста являются умеренно сдер-

жанные амбиции в связи с осознанием молодости и меньшего опыта в сравнении со старшим поколением. Вместе с тем понятие карьеры обладает для них наибольшей эмоциональной привлекательностью, динамичностью во времени, влиянием на их жизнь по сравнению с более старшими руководителями.

Структура базовых потребностей руководителей частного бизнеса среднего возраста чрезвычайно широка и, кроме профессионального роста, признания и достижений, включает в себя ценности семьи, дружбы, независимости и самореализации. Опыт и знания к этому возрасту значительные, поэтому появляются уместные амбиции на

карьерное развитие, но при этом руководители не забывают учиться новому. Мы соотнесли полученные результаты с кризисом середины жизни, когда проводится переоценка ценностей и достижений, и в данном случае мы видим в целом благоприятное преодоление кризиса.

Руководители в сфере частного бизнеса старшего поколения отличаются тем, что многие потребности у них связаны с будущим, где они надеются получить больше свободного времени, которое потратят на обучение и развитие себя, что мы можем соотнести с преодолением кризиса середины жизни, выбором для себя наиболее значимых ценностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова Е.В., Емельяненко А.В. Особенности развития личности в профессиональной среде на разных этапах профессионализации // В мире научных открытий. 2014. № 3.3 (51). С. 1498–1507.
2. Деркач А.А., Зазыкин В.Г., Маркова А.К. Психология развития профессионала: учеб. пособие. М., 2000. 124 с.
3. Калинин И.В. Управленческая команда: подбор ближайшего окружения руководителем: монография. Ульяновск, 2012. 212 с.
4. Корниенко Е.В. Проблема социализации управления трудовой мотивацией менеджеров // Социальная сфера. 2010. № 33 (90). С. 70–76.
5. Павлова М.И., Щенникова О.Л. Факторы, определяющие мотивацию менеджеров // Вестник международного института менеджмента Линк. 2010. № 26. С. 263–274.
6. Синягин Ю.В. Ориентации в организационно-командном поведении и индивидуальные карьерные стратегии // Акмеология. 2011. № 1 (37). С. 16–25.
7. Синягин Ю.В. Психолого-акмеологические особенности формирования жизненных ценностей руководителя // Ценности в современном мире. Ополе, 2000. С. 279–289.
8. Соломин И.Л. Практикум по психодиагностике. Психосемантические методы: учебно-методич. пособие. СПб., 2013. 96 с.
9. Соломин И.Л. Психосемантическая диагностика скрытой мотивации: методич. руководство. СПб., 2001. 112 с.
10. Шушарина А.Я., Михайлова И.В. Ценностные ориентации руководителей // Инновационный потенциал молодежи – 2016: сборник работ студентов, аспирантов и молодых ученых по результатам Всероссийского фестиваля научного творчества. Ульяновск, 2016. С. 317–322.
11. Yemelyanenkova A.V., Gagarina M.A., Aygumova Z.I., Kerimova I.A., Deberdeeva N.A. Motivational Particularities among the Members of Successful and Unsuccessful Teams in Local Organizations [Электронный ресурс] // International Journal of Advanced Biotech-

nology and Research. 2017. Vol. 8. Iss. 2. P. 667–673. URL: <http://bipublication.com/ijabr82.html> (дата обращения: 28.04.2017).

REFERENCES

1. Aleksandrova E.V., Emel'yanenkova A.V. [Features of personal development in professional environment at different stages of professionalization]. In: *V mire nauchnykh otkrytii*, 2014, no. 3.3 (51), pp. 1498–1507.
2. Derkach A.A., Zazykin V.G., Markova A.K. *Psikhologiya razvitiya professionala* [Psychology developing a professional]. Moscow, 2000. 124 p.
3. Kalinin I.V. *Upravlencheskaya komanda: podbor blizhaishego okruzeniya rukovoditelem* [Management team: the selection of the nearest environment of the head]. Ulyanovsk, 2012. 212 p.
4. Kornienko E.V. [The problem of socialization of the management of labour motivation of managers]. In: *Sotsial'naya sfera*, 2010, no. 33 (90), pp. 70–76.
5. Pavlova M.I., Shchennikova O.L. [Factors determining the motivation of managers]. In: *Vestnik mezhdunarodnogo instituta menedzhmenta Link*, 2010, no. 26, pp. 263–274.
6. Sinyagin Yu.V. [Orientation in organizational team behavior and individual career strategy]. In: *Akmeologiya*, 2011, no. 1 (37), pp. 16–25.
7. Sinyagin Yu.V. [The system of values of the modern leader]. In: *Tsennosti v sovremenno mire* [Values in the modern world]. Opole, 2000.
8. Solomin I.L. *Praktikum po psikhodiagnostike. Psikhosemanticheskie metody* [Workshop on psychological diagnostics. Psychosemantic methods]. St. Petersburg, 2013. 96 p.
9. Solomin I.L. *Psikhosemanticheskaya diagnostika skrytoi motivatsii* [Psychosemantic diagnostics of latent motivation]. St. Petersburg, 2001. 112 p.
10. Shusharina A.Ya., Mikhailova I.V. [Value orientations of leaders]. In: *Innovatsionnyi potencial molodezhi – 2016: sbornik rabot studentov, aspirantov i molodykh uchenykh po rezul'tatam Vserossiiskogo festivalya nauchnogo tvorchestva* [Innovation potential of youth – 2016. The collection of works of students, postgraduates and young scientists by results of all-Russian festival of scientific creativity]. Ulyanovsk, 2016. pp. 317–322.
11. Yemelyanenkova A.V., Gagarina M.A., Aygumova Z.I., Kerimova I.A., Deberdeeva N.A. Motivational Particularities among the Members of Successful and Unsuccessful Teams in Local Organizations. *International Journal of Advanced Biotechnology and Research*, 2017, vol. 8, Iss. 2, pp. 667–673. Available at: <http://bipublication.com/ijabr82.html> (accessed: 28.04.2017).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Емельяненко Анна Валерьевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики факультета гуманитарных наук и социальных технологий Ульяновского государственного университета;
e-mail: annaemelyanenkova@gmail.com

Александрова Евгения Владимировна – соискатель кафедры психологии и педагогики факультета гуманитарных наук и социальных технологий Ульяновского государственного университета;
e-mail: evalekcandrova@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anna Emelyanenkova – PhD of psychology, associate professor of department of psychology and pedagogy, faculty of humanities of Ulyanovsk State University;
e-mail: annaemelyanenkova@gmail.com

Eugeniya Alexandrova – post-graduate student of department of psychology and pedagogy, faculty of humanities of Ulyanovsk State University;
e-mail: evalekcandrova@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Емельяненко А.В., Александрова Е.В. Характеристика мотивационной сферы менеджеров частного бизнеса различных возрастных групп // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2017. № 2. С. 51–60.
DOI: 10.18384/2310-7235-2017-2-51-60

THE CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

A. Emelyanenkova, E. Alexandrova. Characteristics of motivation sphere of managers of private business in various age groups. *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: Psychology, 2017, no 2, pp. 51–60.
DOI: 10.18384/2310-7235-2017-2-51-60

УДК: 159.9.072

DOI: 10.18384/2310-7235-2017-2-61-71

ИССЛЕДОВАНИЕ ДИНАМИКИ СИСТЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ ПОДРОСТКА ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ТРЕНИНГА*

Ощепков А.А.¹, Овсяник О.А.², Салахова В.Б.³

¹ *Дмитровградский инженерно-технологический институт – филиал Национального исследовательского ядерного университета «Московский инженерно-технологический институт» 433511, Ульяновская обл., г. Дмитровград, ул. Куйбышева, д. 294, Российская Федерация*

² *Московский государственный областной университет 105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

³ *Ульяновский государственный университет 432017, г. Ульяновск, ул. Льва Толстого, д. 42, Российская Федерация*

Аннотация. Актуальность рассматриваемой проблемы обусловлена динамичными трансформациями общественных ценностей, отражающихся в сознании подростков и проявляющихся в разнообразных формах девиантного поведения. Целью статьи является изучение воздействия системы ценностей на мотивацию подростков, выражающуюся в ориентации поведения на нормативную либо девиантную направленность. Для этого проведено экспериментальное исследование влияния социально-психологического тренинга, проводимого в виде программы ценностно-мотивационного развития, на систему ценностей подростков и на изменение поведения. В результате такого эксперимента было выявлено позитивное воздействие программы ценностно-мотивационного развития, позволяющей раскрыть истинные смыслы собственной деятельности, что, в свою очередь, положительно влияет на ориентацию поведения на нормативную направленность. Материалы статьи могут быть полезными в практической работе школьных психологов при решении проблем, связанных с девиантным поведением подростков.

Ключевые слова: личность, ценностные ориентации, социально-психологический тренинг, подростки, девиантное поведение.

STUDY OF ADOLESCENT'S VALUES SYSTEM DYNAMICS UNDER INFLUENCE OF SOCIAL-PSYCHOLOGICAL TRAINING

A.Oschepkov¹, O. Ovsyanik², V. Salakhova³

¹ *Dimitrovgrad Engineering-Technological Institute – branch of National Researching Nuclear University «Moscow Engineering-Physics Institute» 294, Kujbyshev str., Dimitrovgrad Ul'janovsk region, 433511, Russian Federation*

© Ощепков А.А., Овсяник О.А., Салахова В.Б., 2017.

* Работа поддержана грантом РГНФ «Исследование особенностей и динамики показателей ценностно-смысловой сферы осужденных, получающих высшее профессиональное образование», проект № 15-36-01329/16

² *Moscow Region State University*

10A, Radio str, Moscow, 105005, the Russian Federation

³ *Ulyanovsk State University*

42, Leo Tolstoy str., Ulyanovsk, 432017, Russian Federation

Abstract. The problem under study is acute due to the dynamic transformations of social values reflected in the minds of adolescents and shown by them in various forms of deviant behavior. The aim of the article is to study the impact of the value system on the teenagers' motivation which reveals itself in their orientation either on normative or deviant behavior. For this reason, the experimental research was performed which studied the way the social-psychological training performed in the form of value-motivational development program could influence the teenagers' value system and behavior. It was found out that the programs of value-motivational development have positive influence and stimulates revealing the true sense of their own activities. This, in its own turn, has a positive impact on orienting the behavior to the normative direction. The article could be useful for school psychologists' work with teenagers' deviant behavior.

Key words: personality, value orientations, social-psychological training, youth, deviant behavior.

В современном обществе с постоянно усложняющейся системой отношений, благодаря которой происходит трансформация структуры взаимодействий, всё более актуальным становится обретение системы координат, в которых человек мог бы осмыслить свою жизнедеятельность и перспективы своего будущего. В этом ракурсе, несомненно, повышается роль системы ценностей, которыми руководствуется человек и которые выступают осознанными ориентирами в формировании отношения к миру и к себе. Особенно важной такая постановка проблемы становится в отношении проявления различных форм девиантного поведения. Девиации в поведении человека проявляются во множестве форм, как традиционных – агрессия и аутоагрессия, алкоголизм и наркомания, правонарушения и преступления, – так и связанных с развитием общества новых форм, таких, например, как интернет-зависимость. В отношении девиантного поведения важность системы ценностей проявляется как проблема деформации нормативно-ценностной

системы личности, связанной с неблагоприятными воздействиями, происходящими в процессе социализации.

Проблема формирования системы ценностей затрагивается во множестве работ современных учёных. Т.В. Васильева считает, что в современных условиях переосмысления и пересмотра ценностей тема ценностных ориентаций личности приобретает особую значимость, так как именно они определяют функционирование и развитие человека [1]. По мнению К.М. Сабировой и Н.В. Тихтелевой, политические и социально-экономические изменения в нашей стране привели к разрушению привычной системы ценностей, таких как отечество, семья, дружба, общество [7]. Подобного мнения придерживается Ф.С. Кудзиева, считая, что современные коренные преобразования российского общества характеризуются переносом центра тяжести в системе взаимодействий «социум – семья – индивид» с общества на индивида [5]. В работе О.В. Закревской говорится о том, что в обществе стал ощущаться недостаток сознательно принимаемых

большинством граждан принципов и правил жизни, наблюдается отсутствие созидательных ориентиров, ценности формируются стихийно [3].

Особое влияние общественные трансформации оказывают в первую очередь на систему ценностных ориентаций молодого поколения. Так, в работе Е.П. Савруцкой проведённый мониторинг ценностных ориентаций молодёжи позволил выявить тенденции изменения ценностей и приоритетов современного молодёжного массового сознания, в ряду которых одной из негативных становится рост межнациональной напряженности [9]. О.В. Закревская также считает, что формирование ценностных ориентиров происходит на протяжении всей жизни человека, но наиболее системно, последовательно и глубоко проявляется в период взросления [3], поэтому период становления личности в молодом возрасте очень важен в плане его ценностно-нормативной ориентации в случае негативного развития, приводящего к направленности на девиантное поведение.

С этим созвучны положения концепции В.А. Ядова, в которых развивается идея, что ценностные ориентации, в основе которых лежит система ценностей, являясь одним из центральных личностных новообразований, выражают сознательное отношение человека к социальной действительности, в этом качестве определяют широкую мотивацию его поведения и оказывают существенное влияние на все стороны его деятельности. Система ценностей напрямую связана с направленностью личности, определяет её содержательную сторону и составляет основу мировоззрения человека, его взглядов на

окружающий мир, отношений к другим людям, к себе, ядро мотивации. Ценностные ориентации, сформированные в юношеском возрасте на основе сложившейся у молодых людей системы ценностей, определяют особенности и характер отношений личности с окружающей действительностью и тем самым в определённой мере детерминируют поведение [11].

Таким образом, проблема изучения ценностно-мотивационной сферы личности молодёжи в современных социально-экономических условиях России приобретает особую значимость ввиду её прямой связи с поведением молодого человека и его проявлением в деятельности. Очень важно, чтобы ценностно-мотивационная система личности современной молодёжи приобретала нормативный характер. В этом плане продуктивной видится разработка методов формирования системы ценностных ориентаций молодёжи, направленных не на девиантное, а на нормативное поведение, что согласуется с нашим предыдущим исследованием [6].

Одним из эффективных методов социально-психологического воздействия на направленность личности подростка общепризнан социально-психологический тренинг, направленный на личностный рост. Позитивное влияние социально-психологического тренинга рассматривается во множестве научных работ. Так, М.С. Яницкий считает, что «тренинговая группа, создавая условия интенсивного переживания тех или иных событий и производя в сжатые сроки опыт реальной жизни, представляет собой достаточно адекватную модель личностного развития» [12, с. 89]. Это положение

подтверждается и эмпирическими исследованиями. Так, в проведённом М.С. Яницким экспериментальном исследовании динамики ценностных ориентаций под воздействием социально-психологического тренинга были выявлены определённые изменения в ценностной иерархии испытуемых. Так, в результате проведённого тренинга в число значимых переместились ценности внутренней свободы, независимости и решительности в реализации собственных действий [12]. Положение об эффективности социально-психологического тренинга в формировании направленности личности подростка подтверждается и в современных исследованиях. Так, в работах Ю.В. Доноевой, Е.И. Пустобаевой, Т.В. Савиновой теоретически обосновывается и экспериментально доказывается, что социально-психологический тренинг является эффективным средством формирования у подростков позитивной направленности личности [2; 8].

Эта проблематика определила и направление нашего эмпирического исследования. С учётом вышесказанного нами была выдвинута следующая гипотеза – оказание социально-психологического воздействия на ценностно-мотивационную сферу личности подростка приводит к изменению системы ценностей и переориентации поведения с девиантной направленности на нормативную. Указанная проблематика и гипотеза, в свою очередь, определили поставленные перед нашим исследованием задачи:

1. Провести эмпирическое исследование динамики ценностных ориентаций личности и уровня склонности к девиантному поведению у подростков.

2. Провести сравнительный анализ у контрольной и экспериментальной выборок подростков структуры ценностных ориентаций и уровня склонности к девиантному поведению до и после проведения социально-психологического тренинга.

Выборка, методики

В качестве программы ценностно-мотивационного развития личности подростка в экспериментальном исследовании была использована авторская программа, составленная на основе разработок В.А. Климчука [4]. В эмпирическом исследовании были использованы ценностный опросник С. Шварца, ориентированный на измерение мотивационных доменов, определяющих наиболее значимые ценностные ориентиры жизнедеятельности человека [10], и методика диагностики склонности к отклоняющемуся поведению (СОП) (автор – А.Н. Орел), являющаяся стандартизированным тест-опросником, предназначенным для измерения склонности подростков к реализации различных форм девиантного поведения [10].

Экспериментальное исследование было проведено на базе Детской гуманитарной академии Педагогического лицей г. Димитровграда Ульяновской обл. В эксперименте приняли участие 20 подростков в возрасте 14–16 лет, среди них 10 юношей и 10 девушек. Основным критерием разделения испытуемых являлось принятие участия в программе ценностно-мотивационного развития. В сформированных таким образом выборках проводился сравнительный анализ систем ценностей и склонностей к различным формам девиантного поведения, определяемых

на основании ценностного опросника и методики определения склонности к отклоняющемуся поведению.

Результаты и их обсуждение

С целью проведения экспериментального исследования были образованы две группы подростков – контрольная (10 человек) и экспериментальная (10 человек). Группы имели одинаковый гендерный состав: контрольная – 5 юношей и 5 девушек, экспериментальная – 5 юношей и 5 девушек. В группах было проведено психологическое тестирование с использованием ценностного опросника С. Шварца и методики определения склонности к отклоняющемуся поведению А.Н. Орёл. Тестирование проводилось в кабинете школы, где члены группы были рассажены по одному человеку, использовался вводный инструктаж, что позитивно сказалось на валидности и надёжности исследования. Психологическое тестирование проводилось до и после прохождения программы ценностно-мотивационного развития личности подростка.

С целью анализа систем ценностей подростков, принимавших участие в программе ценностно-мотивационного развития, и подростков, не принимавших участия в этой программе, нами было осуществлено сравнение групповых значений ранговых сумм до и после проведения программы социально-психологического тренинга с использованием статистического U-критерия Манна-Уитни. При этом особое внимание уделялось значимым различиям ценностей в изучаемых группах подростков, что могло свидетельствовать о наличии влияния социально-психологического воздействия

на личность подростка. При этом, как видно из таблицы 1, статистически значимых различий систем ценностей в анализируемых выборках подростков до проведения экспериментального исследования обнаружено не было. С целью удобства изложения материала в дальнейшем будут использоваться следующие аббревиатуры: ПЦМР – подростки, принимавшие участие в программе ценностно-мотивационного развития, ПНЦР – подростки, не принимавшие участия в программе ценностно-мотивационного развития.

Представленные результаты показывают примерную однородность систем ценностей личности подростков, которые можно охарактеризовать как обычные. В обычной системе ценностей подростка наиболее значимы ценности наслаждения, самоопределения, социальности и безопасности, что характеризует особенности личностного развития в подростковом возрасте. Так, подростки находятся в поисках новых ощущений, новых впечатлений, наряду с ориентацией на социальные контакты. При этом подростки ещё не сформировались в самостоятельные, автономные личности, поэтому потребность в безопасности и самоопределении у них также высоко значима.

Дальнейший анализ был посвящён сравнению групповых значений ранговых сумм уровня склонности к девиантному поведению у подростков, принимавших и не принимавших участия в программе ценностно-мотивационного развития, до проведения экспериментального исследования. В результате были обнаружены статистически значимое различие по уровню склонности к саморазрушающему поведению ($U_{\text{эмп}} = 16$ при $p \leq 0,01$), зна-

чимость которого была выше в группе подростков, в дальнейшем принявших участие в программе ценностно-мотивационного развития (табл. 2).

Таблица 1

Сравнение групповых значений ценностей подростков, принимавших участие в программе ценностно-мотивационного развития, и подростков, не принимавших участия в этой программе, до проведения экспериментального исследования

№ п/п	Ценности	Групповые ранговые суммы		U _{эмп.}
		ПЦМР	ПНЦР	
1.	Наслаждение	115	95	40
2.	Достижения	96	114	41
3.	Социальная власть	120	90	35
4.	Самоопределение	100	110	45
5.	Стимуляция	95	115	40
6.	Конформизм	98	112	43
7.	Поддержка традиций	99	111	44
8.	Социальность	101	109	46
9.	Безопасность	100	110	45
10.	Зрелость	100	110	45
11.	Социальная культура	94	116	39
12.	Духовность	91	119	36

Таблица 2

Сравнение групповых значений уровня склонности к девиантному поведению у подростков, принимавших участие в программе ценностно-мотивационного развития, и подростков, не принимавших участия в этой программе, до проведения экспериментального исследования

№ п/п	Склонность	Групповые ранговые суммы		U _{эмп.}
		ПЦМР	ПНЦР	
1.	к преодолению норм и правил	121	89	34
2.	к аддиктивному поведению	119	91	36
3.	к саморазрушающему поведению	139	71	16**
4.	к агрессивному поведению	83	127	28
5.	к делинквентному поведению	94	116	39

** – значимые различия при $p \leq 0,01$

Такой результат, не совсем совпадающий с обыденным представлением, тем не менее может быть объяснён тем, что в группы подростки распределялись добровольно, и поэтому группа, которой было предназначено прохождение программы, была более привлекательна для подростков, имеющих какие-либо личностные проблемы – в нашем случае, склонность к саморазрушающему поведению.

После проведения экспериментального исследования был осуществлён повторный анализ систем ценностей и уровня склонности к девиантному поведению в выборках подростков, принявших участие в программе цен-

ностно-мотивационного развития, и подростков, не принявших участия в этой программе. В результате были обнаружены статистически значимые различия значений ценностей «наслаждение» ($U_{\text{эмп}}=15$ при $p \leq 0,01$), «достижения» ($U_{\text{эмп}}=16$ при $p \leq 0,01$) и «духовность» ($U_{\text{эмп}}=14$ при $p \leq 0,01$), значимость которых выше в группе подростков, принявших участие в программе ценностно-мотивационного развития, и ценности «социальность» ($U_{\text{эмп}}=16$ при $p \leq 0,01$), значимость которой выше в группе подростков, не принявших участия в программе ценностно-мотивационного развития (табл. 3).

Таблица 3

Сравнение групповых значений ценностей подростков, принимавших участие в программе ценностно-мотивационного развития, и подростков, не принимавших участия в этой программе, после проведения экспериментального исследования

№ п/п	Ценности	Групповые ранговые суммы		$U_{\text{эмп.}}$
		ПЦМР	ПНЦР	
1.	Наслаждение	140	70	15**
2.	Достижения	139	71	16**
3.	Социальная власть	121	89	34
4.	Самоопределение	106	104	49
5.	Стимуляция	98	112	43
6.	Конформизм	114	96	41
7.	Поддержка традиций	95	115	40
8.	Социальность	71	139	16**
9.	Безопасность	94	116	39
10.	Зрелость	124	86	31
11.	Социальная культура	123	87	32
12.	Духовность	141	69	14**

** – значимые различия при $p \leq 0,01$

Выявленные различия можно считать результатом социально-психологического воздействия, оказанного в течение проведения программы цен-

ностно-мотивационного развития. Таким образом, можно считать, что в личностях подростков, принявших участие в экспериментальной про-

грамме ценностно-мотивационного развития, произошли следующие изменения. У подростков повысилась значимость ценностей наслаждения, достижения и духовности и понизилась значимость ценности социальности. Это объясняется влиянием специфики программы, направленной на раскрытие внутренней мотивации, выражающейся в поиске таких мотивов деятельности, которые мотивировали бы человека сами по себе, по сравнению с внешней мотивацией, заключающейся в стремлении к внешним по отношению к личности стимулам.

Этим можно объяснить повышение значимости духовности и стремления к достижениям. Внутренняя мотивация позволяет человеку найти его подлинные смыслы и цели в жизни, что раскрывает огромный внутренний потенциал – деятельность человека становится как бы потоком, доставляющим удовольствие во внутреннем совершен-

ствовании. Это и объясняет повышение значимости ценности «наслаждения» и, в свою очередь, снижение значимости ценности «социальности», так как внешние социальные ориентиры сменяются внутренними, согласованными с собственной системой ценностей, что согласуется и с результатами, полученными М.С. Яницким [12].

При анализе уровня склонности к девиантному поведению в группах подростков, принявших участие в программе ценностно-мотивационного развития, и подростков, не принявших участия в этой программе, после проведения экспериментального исследования статистически значимых различий обнаружено не было. И, более того, различий в уровне склонности к саморазрушающему поведению в анализируемых группах подростков до проведения экспериментального исследования обнаружено также не было (табл. 4).

Таблица 4

Сравнение групповых значений уровня склонности к девиантному поведению у подростков, принимавших участие в программе ценностно-мотивационного развития, и подростков, не принимавших участия в этой программе, после проведения экспериментального исследования

№ п/п	Склонность	Групповые ранговые суммы		U _{эмп.}
		ПЦМР	ПНЦР	
1.	к преодолению норм и правил	120	90	35
2.	к аддиктивному поведению	127	83	28
3.	к саморазрушающему поведению	95	115	40
4.	к агрессивному поведению	100	110	45
5.	к делинквентному поведению	99	111	44

Эти результаты также свидетельствуют о позитивном влиянии программы ценностно-мотивационного развития на поведение подростка, результатом работы которой стало сни-

жение уровня склонности к саморазрушающему поведению. Это можно объяснить тем, что развитие внутренней мотивации позволило раскрыть потенциальные ресурсы личности

подростка, блокированные какими-либо личностными проблемами. Такое раскрытие позволяет снять напряжение, подпитывающее склонность к саморазрушающему поведению, что и проявляется в переориентации поведения на нормативное.

На основании вышесказанного можно сделать следующие выводы.

1. Динамичная трансформация современного общества проявляется в деформации системы ценностей – индивидуализм приходит на смену коллективизму, подвергаются изменению общечеловеческие универсальные ценности семьи, дружбы, честности. Происходящие изменения прежде всего отражаются в сознании молодого поколения, выражаясь в деформации систем ценностей личности и приводя к проявлению разнообразных форм девиаций в поведении.

2. Проведённое экспериментальное исследование позволило подтвердить тезис, что ценностные ориентации, в основе которых лежит система ценно-

стей, являясь одним из центральных личностных новообразований, выражают сознательное отношение подростка к социальной действительности, в этом качестве определяют широкую мотивацию его поведения и оказывают существенное влияние на все стороны его деятельности.

3. Проведённое исследование позволило проанализировать динамику значимости ценностей личности подростка в результате проведения программы ценностно-мотивационного развития. Этот эксперимент позволил продемонстрировать позитивное влияние развития внутренней мотивации, сказывающееся в раскрытии внутреннего потенциала личности в результате раскрытия истинного смысла собственной деятельности. Позитивные изменения в системе ценностей личности подростка оказывают положительное влияние на поведение через снятие внутриличностных барьеров, переориентируя его на нормативную деятельность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильева Т.В. Проблема формирования ценностных ориентаций студентов // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 2. С. 87–91.
2. Дюнова Ю.В. Формирование здоровьесориентированной направленности личности подростков // Сибирский психологический журнал. 2014. № 54. С. 72–79.
3. Закревская О.В. Особенности ценностных ориентаций старших подростков // Система ценностей современного общества. 2013. № 29. С. 97–103.
4. Климчук В.А. Тренинг внутренней мотивации. СПб., 2005. 76 с.
5. Кудзиева Ф.С. Механизмы становления ценностных ориентаций подрастающего поколения в условиях трансформации семьи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2014. № 2. С. 61–65.
6. Ощепков А.А. Особенности психосемантического пространства самосознания личности подростков, склонных к суицидальному поведению // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2013. № 4. С. 86–92.
7. Сабирова К.М., Техтелева Н.В. К проблеме формирования ценностных ориентаций детей-сирот в условиях детского дома // Вестник Самарского муниципального института управления. 2014. № 3. С. 169–175.

8. Савинова Т.В., Пустобаева Е.И. Развитие ценностных ориентаций подростков в процессе тренинга // Молодежный научный форум: Гуманитарные науки. 2015. № 4. С. 111–118.
9. Савруцкая Е.П., Устинкин С.В. Динамика ценностных ориентаций молодежи: межэтнический аспект // Власть. 2014. № 10. С. 123–128.
10. Шапарь В.Б. Практическая психология. Инструментарий. Ростов-на-Дону, 2005. 768 с.
11. Ядов В.А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. М., 2013. 376 с.
12. Яницкий М.С. Ценностные ориентации личности как динамическая система. Кемерово, 2000. 204 с.

REFERENCES

1. Vasil'eva T.V. [The problem of formation of value orientations of students]. In: *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, no. 2, pp. 87–91.
2. Donoeva Yu.V. [The formation health oriented direction of adolescents' personality]. In: *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal*, 2014, no. 54, pp. 72–79.
3. Zakrevskaya O.V. [Peculiarities of value orientations in older adolescents]. In: *Sistema tsennostei sovremennoy obshchestva*, 2013, no. 29, pp. 97–103.
4. Klimchuk V.A. Trening vnutrennei motivatsii [Training of internal motivation]. St. Petersburg, 2005. 76 p.
5. Kudzieva F.S. [Mechanisms of formation of value orientations of the younger generation in the conditions of family transformation]. In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta, Novaya seriya*. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya, 2014, no. 2, pp. 61–65.
6. Oshchepkov A.A. [Features of psychosemantic space of self-consciousness of adolescents prone to suicidal behavior]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*. Seriya: Psikhologicheskie nauki, 2013, no. 4, pp. 86–92.
7. Sabirova K.M., Tekhteleva N.V. [To the problem of formation of valuable orientations of children-orphanage in the orphanage]. In: *Vestnik Samarskogo munitsipal'nogo instituta upravleniya*, 2014, no. 3, pp. 169–175.
8. Savinova T.V., Pustobaeva E.I. [The development of value orientations of adolescents in the process of training]. In: *Molodezhnyi nauchnyi forum: Gumanitarnye nauki* [Youth science forum: Humanities]. Moscow, 2015, pp. 111–118.
9. Savrutsкая E.P., Ustinkin S.V. [Dynamics of value orientations of youth: inter-ethnic aspect]. In: *Vlast'*, 2014, no. 10, pp. 123–128.
10. Shapar' V.B. Prakticheskaya psikhologiya. Instrumentarii [Practical psychology. Tools]. Rostov-on-Don, 2005. 768 p.
11. Yadov V.A. [Self-regulation and forecasting of social behavior of personality: Dispositional concept]. Moscow, 2013. 376 p.
12. Yanitskii M.S. Tsennostnye orientatsii lichnosti kak dinamicheskaya sistema [Value orientations of personality as a dynamic system]. Kemerovo, 2000. 204 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ощепков Алексей Александрович – кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук Димитровградского инженерно-технологического института – филиала Национального исследовательского ядерного университета «Московский инженерно-технологический институт»;
e-mail: sladkod@yandex.ru

Овсяник Ольга Александровна – доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии Московского государственного областного университета;
e-mail: ovsianik@mail.ru

Салахова Валентина Борисовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики Ульяновского государственного университета;
e-mail: Valentina_nauka@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Oshchepkov Aleksey Aleksandrovich – PhD., senior lecturer, department of philosophy, law and social-humanitarian sciences, Dimitrovgrad Engineering-Technological Institute – branch of Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Professional Education "National Researching Nuclear University "Moscow Engineering-Physics Institute";
e-mail: sladkod@yandex.ru

O. Ovsyanik – doctor of Psychological sciences professor of the department of social psychology, Moscow Region State University;
e-mail: ovsianik@mail.ru

Valentina Salakhova – candidate of Psychological sciences, associate professor of the department of pedagogy and psychology, faculty of humanities of Ulyanovsk State University;
e-mail: Valentina_nauka@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ощепков А.А., Овсяник О.А., Салахова В.Б. Исследование динамики системы ценностей подростка под воздействием социально-психологического тренинга // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2017. № 2. С. 61–71.

DOI: 10.18384/2310-7235-2017-2-61-71

THE CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

A. Oshchepkov, O. Ovsyanik, V. Salakhova. Study of adolescent's values system dynamics under influence of social-psychological training. *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: Psychology, 2017, no 2, pp. 61–71.

DOI: 10.18384/2310-7235-2017-2-61-71

УДК 316.66

DOI: 10.18384/2310-7235-2017-2-72-79

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТАРШЕКЛАССНИКОВ О ВЫСОКОМ СОЦИАЛЬНОМ СТАТУСЕ В ОБЩЕСТВЕ

Тимошина И.Н.

*Московский государственный психолого-педагогический университет
127051, г. Москва, ул. Сретенка, д. 29, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о структуре социальных представлений учеников 9–10 классов о высоком статусе в обществе. Ядро социального представления старшеклассников о человеке, занимающем высокое положение в обществе, включает в себя характеристики высоких интеллектуальных способностей, влияния и богатства. Установлено, что структура представлений различается у школьников, имеющих разный неформальный статус в классе. При исследовании также обнаружено включение стереотипных маскулинных характеристик в структуру представления учащихся о высоком статусе.

Ключевые слова: социальные представления, социальный статус, старшеклассники, гендерные стереотипы.

REPRESENTATIONS OF HIGH SCHOOL STUDENTS ABOUT HIGH SOCIAL STATUS IN SOCIETY

I. Timoshina

*Moscow State University of Psychology and Education.
127051, Moscow, Sretenka street, 29, Russian Federation*

Abstract. The article deals with the problem of the structure of social representations of 9-10 grades students about high status in society. The core of the social representation of high school students about a person with high position in society includes the characteristics of high intellectual abilities, influence and wealth. It is established that the structure of ideas varies from students with different intragroup status. The research also show that there is an inclusion of stereotypically masculine characteristics into the structure of student's representations about high status.

Key words: social representations, social status, high school students, gender stereotypes.

Современный мегаполис предлагает молодому поколению множество ориентиров для дальнейшего выбора жизненного пути. Факторами, влияющими на развитие как социальной, так и личностной идентичности, при этом выступают школа и семья, группы сверстников, СМИ, а также другие культурные агенты. Однако ученическая группа, как особый тип контактного социального сообщества, оказывает несравнимое влияние на формирование личности ребёнка

и подростка [5; 7]. Изучение вопроса, каким образом развиваются отношения внутри ученической группы, а также вопроса соотнесённости фактора принадлежности к определённой статусной категории в школьном классе с формированием глубоких личностных убеждений является, несомненно, важным, так как эта взаимосвязь может выступать значимым регулятором просоциального поведения и служить предиктором различного рода девиаций среди учащихся.

На наш взгляд, исследование такого рода вопросов может быть осуществлено путём анализа социальных представлений подрастающего поколения о значимых категориях современной жизни. Представления являются специфической формой знания о мире, преломленного сквозь призму психологической и социальной реальности [2]. Структура представлений как реакция на изменения в обществе и социокультурном контексте является достаточно динамичным явлением. Представления имеют двойственную направленность в своей трансформации: с одной стороны, они находят свою основу в культуре, языке, религии, но, с другой, связаны с политическими, экономическими, социальными изменениями, свойственными конкретным группам. Анализ структуры социальных представлений (согласно подходу Ж.-К. Абрика) даёт возможность исследователю сравнить видение определённых социальных объектов различными группами респондентов и сделать вывод о влиянии того или иного контекста на социальные представления.

Целью нашего исследования стало изучение структуры и содержания

социальных представлений старшеклассников о высоком статусе в обществе. На наш взгляд, эта проблематика является значимой, прежде всего потому, что школьники по определению не могут отнести себя к группе «высоко-статусных в обществе» людей, так как данный статус является достигаемым. Соответственно, они не могут ориентироваться на свой собственный опыт, а в личностном и профессиональном самоопределении опираются на сложившиеся в значимой группе социальные представления. В качестве одной из переменных нашего исследования выступили также гендерные роли. Гендерное неравенство, являясь одной из наиболее архаичных форм неравенства в обществе, отражается и в восприятии общественного статуса. Отражение этого мы находим в понятии «гендерных представлений», являющихся видом социальных представлений. Гендерные представления – это «осмысленные знания о том, какие роли должны выполнять мужчины и женщины в обществе в конкретных социальных условиях» [1, с. 317], предназначение и модели поведения, свойственные мужчинам и женщинам. Следует отметить, что исследования гендерных представлений в России обычно проводятся на выборке студентов [3; 6; 8; 11] и не охватывают подростковый период.

В нашем исследовании, проведённом в общеобразовательных школах г. Москвы, участвовали 135 школьников, учащихся 9–10 классов: 85 юношей, 50 девушек.

В качестве научных предположений были выдвинуты следующие гипотезы:

1. Категории, ассоциирующиеся с человеком, занимающим высокий

статус в обществе, имеют различное положение в структуре социальных представлений у высокостатусных, среднестатусных и низкостатусных старшеклассников.

2. Человеку с высоким социальным статусом старшеклассники приписывают стереотипные маскулинные гендерные черты.

Для проверки гипотез в исследовании был применён комплекс следующих методик:

1) Методика П. Вержеса для изучения структуры социальных представлений. В ходе исследования школьникам предлагалась инструкция: «Подумайте, пожалуйста, о человеке, занимающем высокое положение в обществе. Какие слова или словосочетания приходят Вам в голову? Укажите, пожалуйста, не менее пяти таких слов или словосочетаний». Полученные ассоциации подвергались категориальному анализу, учитывающему два критерия: частоту использования того или иного понятия в ответах, а также ранг этого понятия, являющийся критерием его важности для респондента. При пересечении двух этих параметров образуются четыре области представлений: ядро (важные и часто встречаемые категории), зона периферии, которая подразделяется на первую – часто встречаемые, но не в первую очередь значимые категории, а также мнение меньшинства (значимые, но редко встречаемые), и вторую – наименее важные и редко встречаемые понятия. Кроме того, ассоциации, полученные с помощью этой методики, оценивались респондентами с точки зрения их субъективной значимости по шкале от 0 (минимальной) до 10 (максимальной степени значимости), а также респон-

денты давали её эмоциональную оценку, где 0 – очень негативная, а 7 – крайне положительная характеристика.

2) Блок социально-психологических методик, направленных на изучение интегрального статуса индивида в ученической группе, включающий социометрию, референтометрию и методический приём определения неформальной интрагрупповой структуры власти [4].

3) Метод личностного семантического дифференциала О.Л. Кустовой [1], включающий шкалы «феминность» и «маскулинность». Респондентов просили оценить степень выраженности ряда гендерно-стереотипных ролей у человека, занимающего высокое положение в обществе, по 7-балльной шкале.

Результаты исследования

В результате исследования социальных представлений старшеклассников о человеке, занимающем высокий статус, было получено 552 ассоциации. Ядро этого социального представления составили такие характеристики, как «высокие интеллектуальные показатели», «авторитет и влияние», «деньги, богатство». При этом категория интеллектуальных качеств имеет наиболее высокую значимость из всех групп ассоциаций (8,76) и высокую эмоциональную оценку (6,46). В группе «высокие интеллектуальные показатели» были обобщены ассоциации «умный», «образованный», «эрудированный» и другие подобные. Следующая по значимости категория ядра представления – «авторитет, влияние» (значимость 7,98, эмоциональная окраска 5,75). В этой категории образ высокостатусного человека проявляется

в высокой значимости мнений и действий субъекта в различных условиях. Понятие авторитета, в отличие от власти, носит характер внутреннего признания за индивидом права принятия ответственного решения. Третья группа характеристик «деньги, богатство» также имеет высокую субъективную значимость (7,68), однако сниженный по сравнению с другими характеристиками ядра показатель эмоциональной привлекательности (4,7). Исследуя отношение старшеклассников к деньгам, Е.Б. Филинкова установила, что последние выступают символом достижения жизненного успеха у 39,5% учащихся. При этом деньги и материальная обеспеченность зачастую находятся рядом с такими показателями жизненной удовлетворённости, как семейное благополучие, любимая работа, что отражает высокую устойчивость фактора богатства в цепочке ценностных ориентаций личности старшеклассников [10]. Таким образом, ядро социального представления о статусе включает в себя три основополагающие группы качеств, затрагивающих различные области жизни.

Периферическую часть представления о высоком статусе в обществе условно можно разделить на несколько блоков, способствующих достижению характеристик, включённых в ядро. Первый блок можно описать как иерархичную по значимости структуру личностных качеств, где на её вершине – «волевая личность», куда включены такие ассоциации, как «целеустремлённость», «трудолюбие», «сила воли». Далее идут частные характеристики: «коммуникативные навыки», «эмпатийные черты» («доброта», «отзывчивость», «дружелюбность» и др.), а

также «честность» и «серьёзность» («сдержанность», «выдержка», «спокойствие» и др.). Однако в периферию входит и группа негативных личностных характеристик, описывающих высокостатусного человека. К ним относятся «ложь», «жадность», «лицемерие». Эта категория описывает другой, отрицательно окрашенный (2,61), однако значимый и вполне возможный (7,47) способ достижения высокого социального статуса. Второй блок категорий уточняет причину высокой степени референтности и богатства. Сюда относятся «власть, доминирование» и «руководящие должности». Отдельно выделим блок «внешних атрибутов», который является скорее не определяющим, а производным от достижения высокого статуса: «машина», «модная одежда», «мигалки», «охрана» и пр. Интересным является и тот факт, что мы смогли выделить группу «стереотипно маскулинные черты», куда относятся прямые указания на гендерную принадлежность («сила», «мужественность», «мужчина»). При этом данная категория имеет один из самых высоких рангов (2,56), т. е. в ассоциативном поле она выходит на лидирующее место.

На втором этапе исследования нами были проанализированы ассоциации, полученные от учащихся с разным социально-психологическим статусом в ученических группах – высоким (лидеры), средним и низким (аутсайдеры). В итоге было установлено, что в представлениях старшеклассников-лидеров о высокостатусном человеке была включена 91 ассоциация. В ядро представления высокостатусных старших подростков попали категории «высокие интеллектуальные

показатели», «честность», «стереотипно маскулинные черты». Отметим, что эти группы качеств, скорее, указывают на внутреннюю составляющую, дополненную интеллектуальными показателями. Этот факт подтверждает и то, что в периферической зоне представления появляются категории «харизма», «ответственность», «самоуверенность». Наиболее низкие значения при оценке эмоционального отношения (менее 4 из 7 баллов) получили категории «негативные характеристики», «деньги, богатство», «внешние атрибуты», «власть, доминирование». Важное отличие от других статусных категорий мы находим в наличии в зоне ядра группы маскулинных качеств, которые могут быть подкреплены другими гендерными ролями, традиционно относящимися к мужским и проявляющимися в периферии представления: «сильная личность», «авторитет», «ответственность», «деньги», «власть», «харизма», «серьёзность», «самоуверенность», «успех». Все перечисленные категории составляют 69% периферической части.

От среднестатусных были получены 362 ассоциации. Зона ядра представления оказалась наиболее расширенной. В неё вошли «высокие интеллектуальные показатели», «авторитет и влияние», «деньги, богатство», «негативные личностные характеристики», «внешняя атрибутика». Концентрация высокоранговых ассоциаций в зоне ядра (66% от общего числа) свидетельствует об устойчивости образа высокостатусного человека в групповом сознании среднестатусных старшеклассников. Сюда относятся категории, описывающие различные аспекты высокого статуса в обществе, как внутренние, так и

внешние. Тот факт, что среднестатусные старшеклассники лучше других видят дихотомию отношений лидера – аутсайдера внутри группы [9], возможно, помогает им в формировании устойчивого ядра социального представления о высоком статусе в обществе. Периферическая область представления дополняет характеристики ядра и не отличается от представлений других статусных категорий.

От низкостатусных школьников получено 104 ассоциации. Ядро социального представления о высоком статусе у них наименее сформировано. В него вошли лишь две категории: «высокие интеллектуальные показатели» и «авторитет и влияние». При этом в периферической области появляется категория «конкретные известные личности», к примеру, В.В. Путин, Э. Че Гевара. Исчезает из структуры категория «руководство», однако вновь, как и у высокостатусных школьников, появляется «работа в офисе» («клерки», «менеджеры»). Этот факт демонстрирует тенденцию к снижению требований аутсайдеров к достижению высокого статуса в обществе. Группа негативных черт уходит в последнюю по значению и частоте встречаемости периферическую область.

Таким образом, первая гипотеза исследования, что категории, ассоциирующиеся с высоким статусом в обществе, будут иметь различное положение в структуре социальных представлений у высокостатусных, среднестатусных и низкостатусных старшеклассников, нашла своё подтверждение: зона ядра представления и периферические области представления у разностатусных учащихся наполнены разными смысловыми категориями.

Вторая гипотеза исследования связана с тем, что человеку с высоким социальным статусом старшеклассники приписывают стереотипные маскулинные гендерные черты. Частично она нашла своё подтверждение при анализе ассоциаций и проявилась в категории «стереотипно маскулинные гендерные черты». Для более детального изучения этого феномена мы предложили участникам исследования ответить на вопросы методики семантического дифференциала О.Л. Кустовой. Проверка с помощью критерия Манна-Уитни различий в оценке старшеклассниками проявления маскулинных и феминных черт в образе высокостатусного человека подтвердила проявление гендерного стереотипа ($U=2851$ при $p \leq 0.01$). Представления о человеке, занимающем высокое положение в обществе, содержат более выраженные маскулинные качества ($\bar{x}=5,32$) и менее выраженные, скорее являющиеся нейтральными для высокостатусного человека, феминные ($\bar{x}=4,00$). Так, шкала «сильная личность» является наиболее значимой ($\bar{x}=6,10$), следом за ней идет шкала «образованный» ($\bar{x}=5,70$), «хорошо зарабатывает» ($\bar{x}=5,39$). Поддерживают маскулинный образ высокостатусного человека аналитическое мышление в противовес образному ($\bar{x}=5,09$), а также рационализм ($\bar{x}=5,01$). Подобная тенденция статистически значима по всем статусным категориям школьников. Таким образом, вторая гипотеза исследования подтвердилась. Наши данные соотносятся с гипотезой «интенсификации гендера», предложенной Дж. Хилл и М. Линч, которые выяснили, что подростки используют более ожидаемые и при-

нятые в обществе гендерные роли в связи с усилением давления на них окружающих [12]. Анализ развития гендерной дискриминации Т. Лобел показал, что мальчики как в младшем, так и в старшем подростковом возрасте демонстрируют большую гендерную дискриминацию, выбирая себе в друзья высокомаскулинного кандидата [13]. Связано это также с социальной средой, а именно с влиянием группы сверстников, которые наиболее строги к выбору лидера группы.

Выводы

1. Ядро социального представления старшеклассников о человеке, занимающем высокое положение в обществе, включает в себя характеристики высоких интеллектуальных показателей, влияния, а также богатства.

2. Структура социального представления различается у представителей разных статусных категорий школьного класса. Так, среднестатусные учащиеся имеют наиболее устойчивое социальное представление о высокостатусном человеке и включают в ядро представления высокие интеллектуальные показатели, влияние, богатство, дополняя образ негативными личностными характеристиками, а также внешней атрибутикой статуса. Лидеры класса отмечают в высокостатусном человеке личностные черты, делая упор на высокий интеллект, честность и маскулинные характеристики. Ядро социального представления низкостатусных школьников менее сформировано и включает высокие интеллектуальные показатели и авторитет.

3. В социальные представления старшеклассников о высокостатусном

человеке включён гендерный стереотип: маскулинные гендерные характеристики проявляют себя намного ярче, нежели феминные. Так проявляется феномен «гендерной интенсификации», т. е. усиление влияния стереотипных гендерных ролей в период старшего подросткового возраста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гендерная психология / под ред. И.С. Клецкиной. 2-е изд. СПб., 2009. 496 с.
2. Жодле Л. Социальное представление: феномены, концепт и теория // Социальная психология; отв. ред. С. Московичи. СПб., 2007. С. 372–394.
3. Ильиных С.А. «Мозаичность» сознания и гендерные аспекты в представлениях о семье: анализ данных // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 35 (289). С. 40–47.
4. Кондратьев М.Ю. Методический алгоритм определения интегрального внутригруппового статуса члена контактного сообщества // Социальная психология и общество. 2014. Т. 5. № 3. С. 125–142.
5. Крушельницкая О.Б., Орлов В.А. Взаимодействие учащихся с референтным окружением как фактор их личностного развития // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки: 2013. № 1. С. 5–12.
6. Лопухова О.Г. Общие и культурно-специфические особенности содержания гендерных представлений в современном сознании // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2010. № 19. С. 153–158.
7. Невеев А.В. Изучение личности в реально функционирующих контактных группах на основе концепции персонализации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2009. № 1. С. 45–51.
8. Осипова Д.В. Особенности гендерных представлений современной молодежи // Управленческое консультирование. 2009. № 4. С. 200–209.
9. Сачкова М.Е. Среднестатусный учащийся: онтогенетический аспект анализа. М., 2011. 160 с.
10. Филинкова Е.Б. Отношение старшеклассников к деньгам и способам их зарабатывания // Социальная психология и общество. 2010. № 1. С. 152–173.
11. Яковлева И.В., Лосев В.С. Психологическое изучение гендерных представлений студентов // Учёные записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. 2014. № 2. С. 15–23.
12. Clemans K.H., DeRose L. Gender in adolescence: applying a person-in-context. Approach to gender identity and roles // Handbook of Gender Research in Psychology. Vol. 1: Gender Research in General and Experimental Psychology. New York, London, 2010. P. 527–557.
13. Lobel T., Nov-Krispin N. Gender discriminatory behavior during adolescence and young adulthood: A developmental analysis // Journal of Youth and Adolescence. 2004. Vol. 33. № 6. P. 535–546.

REFERENCES

1. Gendernaya psikhologiya [Gender psychology]. St. Petersburg, 2009. 496 p.
2. Zodelet L. [Social representation: phenomena, concepts and theory]. In: Sotsial'naya psikhologiya [Social psychology]. St. Petersburg, 2007, pp. 372–394.
3. Il'inykh S.A. ["Mosaic" consciousness and gender aspects in understanding the family: analysis of data]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, no. 35 (289), pp. 40–47.

4. Kondrat'ev M.Yu. [Methodical algorithm of definition of the integral intragroup status of a member of the contact community]. In: *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social psychology and society], 2014, vol. 5, no. 3, pp. 125–142.
5. Krushel'nitskaya O.B., Orlov V.A. [The interaction of students with reference environment as a factor of their personal development]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*. Seriya: Psikhologicheskie nauki, 2013, no. 1, pp. 5–12.
6. Lopukhova O.G. [General and culture-specific features of the content of gender roles in modern consciousness]. In: *Vestnik Tatarskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta*, 2010, no. 19, pp. 153–158.
7. Neveev A.V. [The study of personality in really functioning contact groups based on the concept of personalization]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*. Seriya: Psikhologicheskie nauki, 2009, no. 1, pp. 45–51.
8. Osipova D.V. [Features of modern youth's gender representations]. In: *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, 2009, no. 4, pp. 200–209.
9. Sachkova M.E. Srednestatusnyi uchashchiysya: ontogeneticheskii aspekt analiza [Middle Asian student: ontogenetic aspect of the analysis]. Moscow, 2011. 160 p.
10. Filinkova E.B. [Senior pupils' attitude to money and to the methods of earning it]. In: *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo*, 2010, no. 1, pp. 152–173.
11. Yakovleva I.V., Losev V.S. [Psychological study of students' gender perceptions]. In: *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta psikhologii i sotsial'noi raboty*, 2014, no. 2, pp. 15–23.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тимошина Ирина Николаевна – аспирант кафедры теоретических основ социальной психологии факультета социальной психологии Московского государственного психолого-педагогического университета;
e-mail: timoshina.psy@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina N. Timoshina – postgraduate student, the department of theoretical foundations of social psychology of Moscow State University of Psychology and Education;
e-mail: timoshina.psy@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Тимошина И.Н. Представления старшеклассников о высоком социальном статусе в обществе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2017. № 2. С. 72–79.
DOI: 10.18384/2310-7235-2017-2-72-79

THE CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

I. Timoshina. Representations of high school students about high social status in society. *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: Psychology, 2017, no 2, pp. 72–79.
DOI: 10.18384/2310-7235-2017-2-72-79

УДК 159.9

DOI: 10.18384/2310-7235-2017-2-80-87

УСТАНОВКИ В МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЯХ У ПРАВОСЛАВНЫХ ХРИСТИАН

Ясин М.И.*Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова**117997, г. Москва, Стремянный пер., д. 36, Российская Федерация*

Аннотация. Работа освещает результаты сравнительного исследования установок в межличностных отношениях у православных христиан. Основную выборку составили православные (70 человек) с высокой степенью религиозной вовлечённости, контрольную группу – люди, не относящие себя к какой-либо конфессии (70 человек). Измерения показали, что у православных выше степень деструктивных коммуникативных установок, включая склонность к резкой полярной категоризации и склонность долго хранить в себе отрицательные эмоции. Полученные данные мы трактуем с точки зрения концепции полной и частичной интернализации религии.

Ключевые слова: психология религии, православие, установки в общении, фундаментализм, внутренний конфликт.

ATTITUDES IN INTERPERSONAL RELATIONS OF ORTHODOX CHRISTIANS

M. Yasin*Plekhanov Russian University of Economy**36, Stremyanniy per., Moscow, 11797, Russian Federation*

Abstract. The work covers the results of the comparative study of attitudes in interpersonal relations of orthodox Christians. The main sample group (70 people) is represented by orthodox Christians with highest religious involvement; the control group (70 people) is represented by people who do not belong to a certain confession. Measurement showed that the orthodox Christians have a higher degree of destructive communicative attitudes, including the inclination to sharp polar categorization and the intention to accumulate negative emotions inside. The results are interpreted through the concept of full or partial internalization of religion.

Key words: psychology of religion, Orthodoxy, attitudes in communication, fundamentalism, internal conflict.

Практические исследования в области психологии религии являются традиционными для зарубежной психологии, в рамках которой разрабатываются с десяток приоритетных тематик [9], но наряду с этим существуют исследования, находящиеся за пределами научного мейн-стрима. Современная отечественная психология ещё не успела наработать широкий материал в этой отрасли. Отечественные исследования православной психологии ведутся, как правило, в

философском ключе, в них часто тесно переплетены психология и религиозная философия, однако немногие работы подкреплены получением эмпирических данных, но именно российская выборка респондентов может оказаться особенно интересной, так как большинство наших верующих в силу исторических обстоятельств являются новообращенными в относительно позднем возрасте. Сейчас только подрастает первое поколение молодёжи, которое могло вырасти в религиозной семье и унаследовать её установки и ценности.

Интерес к теме психологии религии подогревается её относительной новизной и растущей актуальностью. Актуальность обусловлена ростом религиозности на территории России. Так, в 2003 г. 71% россиян самоидентифицировали себя как православных [5], а в 2012 г., по данным Левада-центра, православными себя назвали уже 74% [3]. При том что в 1990-х гг. эти цифры были на порядок ниже, а ранее, в эпоху социалистического строя, религиозность была частью тайной жизни явного меньшинства россиян. Религиозная жизнь оказывается привлекательной, следовательно, в определённых условиях она может отвечать некоторым базовым потребностям личности.

По мнению Л.А. Киркпатрика, роль религии в жизни человека сводится к трём основным функциям: 1) обеспечить смысл жизни; 2) помогать справляться с различными жизненными ситуациями; 3) создать чувство доверия к людям [15]. Второй пункт включает ситуации коммуникации, а последний напрямую касается сферы отношений человека и окружающих. Мы рассма-

триваем религию как упорядоченную мировоззренческую систему, предлагающую своим последователям определённый взгляд на мир, желательные модели поведения и образ мысли, что подразумевает целенаправленное формирование определённых установок. Религии пытаются формировать ряд установок касательно взаимоотношений с людьми. Православные тексты содержат рекомендации, в прямой или метафорической форме определяющие должное отношение к другому. Это заповеди, притчи, а также комментарии священнослужителей, проповеди.

Под установкой мы понимаем, согласно концепции Д.Н. Узнадзе, психологический механизм, определяющий направленность и избирательную активность поведения человека [8]. Установка необязательно предполагает реализацию в поведении, это утверждение хорошо иллюстрирует так называемый «Парадокс Ла Пьера». Однако психологи сходятся в том, что установка задаёт наиболее вероятный вектор поведения. Психологические исследования религиозных установок чаще касаются следующих вопросов: отношения к другим конфессиям [16; 20], так называемым нетрадиционным ценностям: сексуальности, гомосексуальным семьям [12; 13], – суррогатному материнству, использованию стволовых клеток [17].

Нам не удалось обнаружить работ, касающихся коммуникативных установок православных христиан. Православие в психологических исследованиях описывается как конфессия, тяготеющая к фундаментализму и догматизму [19], и эта тенденция, в свою очередь, должна приводить к относительно жёсткому разделению сужде-

ний на полярные категории, такие как «свои – чужие», «добро и зло», «правда – ложь». В.Л. Вентис и Д. Бэтсон экспериментально показали, что такие качества, как догматизм, религиозная ортодоксия и фундаментализм, связаны обратной зависимостью с открытым и дискурсивным восприятием религиозных утверждений [11]. В. Сароглоу в ряде работ развивает мысль, что только традиционная, конвенциональная религиозность связана со стремлением к когнитивной закрытости, под которой понимают полярность суждений и отрицание информации, противоречащей собственному мнению человека [18; 19].

Мы полагаем, что вышеназванные тенденции должны отразиться на установках относительно актов коммуникации и восприятия оппонентов, т. е. православные респонденты будут сильнее категоризовать людей и в случаях несогласия пытаться «исправить» оппонента, при этом будут менее склонны менять свою точку зрения и будут менее лояльны к мнениям, отличным от своих точек зрения.

Для проверки нашей гипотезы мы выбрали сравнительный метод исследования, в котором сопоставили результаты тестирования двух групп респондентов: православной и нерелигиозной.

Тестовый метод в исследовании установок целесообразно использовать благодаря работе феномена агрегации: установку проще выявить в ряде действий человека, но невозможно точно зафиксировать по одному поступку. В последнем случае слишком высока роль ситуативных и случайных факторов. Согласно формулировке А.А. Реана, принцип агре-

гации заключается в том, что действие установки «становится более четким и очевидным, когда мы рассматриваем личность и поведение в целом, а не какой-либо отдельный поступок» [6, с. 44]. Тестовый метод предполагает саморефлексию человека относительно своего наиболее типичного или частого поведения в названной ситуации.

Для исследования коммуникативных установок мы использовали тест «Определение деструктивных установок в общении» В.В. Бойко [2]. Методика позволяет выявить общий позитивный или негативный тон установок относительно коммуникации, а также оценить пять различных параметров установок в общении: а) завуалированную агрессию в общении – ожидание отрицательных результатов общения, восприятие людей как потенциальной угрозы; б) жёсткость к людям – негативные оценки и переживания по поводу оппонента не скрываются и не смягчаются, человек склонен делать резкие и однозначные выводы о людях; в) обоснованную (ассертивную) агрессию – умение дать отпор, ответить на внешнюю агрессию; г) общее недовольство («брюзжание») – необоснованное недовольство людьми и жизнью в целом; д) негативный опыт в общении – остаточные воспоминания о негативном общении, склонность его помнить.

Учитывая известный феномен «формальной», или «номинальной», религиозности, согласно которому из всех респондентов, идентифицировавших себя как принадлежавших к конфессии, истинно верующими оказываются лишь 25% и менее [5], мы спланировали выборку таким образом, чтобы по возможности включить именно глубоко религиозных людей.

Мы отбирали респондентов, регулярно молящихся, посещающих богослужения не реже раза в месяц и участвующих в других православных мероприятиях – посещающих воскресную школу, церковные просветительские кружки, встречи с настоятелем храма. Для измерения степени религиозного погружения была использована авторская анкета и тест Дж. Касса «Инспирит» [14]. Тест позволяет измерить, насколько живы духовные переживания, непосредственный духовный опыт, и включает такие вопросы, как: «Было ли у Вас когда-нибудь переживание, которое убедило Вас в существовании Бога?», «Насколько часто Вы ощущали присутствие мощной духовной силы?».

Основную выборку составили 70 православных христиан со средней и высокой степенью религиозного погружения в возрасте от 18 до 40 лет, 25 мужчин и 45 женщин. Контрольную группу составили 70 человек, не относящих себя к какой-либо религии или духовно-философской системе, они были подобраны в той же возрастной и половой пропорции.

В тесте Дж. Касса испытуемые основной группы продемонстрировали высокие результаты. Средний балл составил 3,1 (при максимально возможных 4-ёх), медиана равна 3, дисперсия оказалась низкой (0,15), что говорит о достаточной гомогенности группы.

Сравнение по методике «Определение деструктивных установок в общении» производилось методом двухвыборочного t-критерия Стьюдента для выборок с различными дисперсиями.

Не было выявлено статистически значимых различий по шкалам: «обоснованная агрессия» (t-статистика =

– 0,663, при $P \leq 0,508$), «общее недовольство» (t-статистика = 0,928, при $P \leq 0,354$).

По шкале «завуалированная агрессия в общении» было отмечено статистически значимое, но слабое превышение результатов (t-статистика = 2,512, при $P \leq 0,013$). Учитывая сравнительно небольшой массив данных и вероятность вмешательства неких неучтённых факторов (например, волнение при тестировании), мы отметим это как лишь возможную тенденцию. Более высокая «завуалированная агрессия» может быть объяснена угрызениями совести человека по поводу его отрицательного отношения к другому и попыткой скрыть свои чувства под социально-приемлемой моделью поведения. Этот механизм был эмпирически исследован и описан в работах [4; 7]. Ожидание отрицательных результатов общения хорошо подтверждают данные И.Э. Соколовской о более высокой «робости» православных и её предполагаемых источниках [7, с. 150, 151].

Статистически значимые различия были получены по шкале «жесткость к людям» (t-статистика = 3,673, при $P \leq 0,0004$). Согласно интерпретации теста, высокий балл по шкале говорит о склонности испытуемых не смягчать своих негативных оценок и переживаний по поводу оппонента, делать о них резкие и однозначные выводы. Люди с высокими баллами по этой шкале, как правило, прямо высказывают свою критику. К подобной категоричности, на наш взгляд, приводит склонность православных судить о происходящем в категориях полярных оценок. Полученные данные можно связать с представлениями о праведном гневе,

принятыми в православии, согласно которым гнев допустим, если он переживается по отношению к греху [1]. Категоричные суждения и прямое высказывание негативных оценок отвечают представлениям о христианской практике «обличения греха». Полученный результат также можно соотнести с описаниями фундаментализма В. Сарглоу [18; 19], согласно которому фундаментализму свойственна резкая поляризация оценок.

По шкале «негативный опыт в общении» также были получены статистически значимые различия (t -статистика = 3,234, $P \leq 0,002$). Согласно интерпретации теста, высокий балл по шкале свойственен для людей, которые склонны долго хранить в себе отрицательные эмоции. Это свойственно людям, которые более категоричны в оценках и менее толерантны в общении, используют себя в качестве эталона при оценке других людей, стремятся переделать или перевоспитать партнера по общению, по В.В. Бойко [2]. В работах А. Ассора и коллег отмечается, что при неполной интернализации религии люди склонны к радикальным суждениям и поведению, они могут вступать в споры и конфликты. Осуждение оппонента необходимо для защиты своей точки зрения и подтверждения своих не слишком крепких убеждений [10]. Мы полагаем, что завышение по этой шкале является следствием именно описанного А. Ассором феномена, так как нашу выборку составляли люди, активно стремящиеся к религиозной жизни, однако о полной интеграции религии мы говорить не можем, так как большинство наших респондентов – новообращённые в относительно

позднем возрасте. В силу этого обстоятельства религиозной социализации, а также современной относительно высокой секулярности общества, в которой им приходится жить, полная интеграция невозможна и некоторая степень внутреннего конфликта попросту неизбежна. Это также находит отражение в явлении «волны» религиозного обращения, суть которого в том, что наиболее радикальные суждения и оценки свойственны людям, которые находятся в середине пути принятия религиозных ценностей, но по мере привыкания к новой системе ценностей радикализм утихает [10].

Наши измерения показали, что у православных более высокий балл по совокупному результату теста по сравнению с контрольной группой (t -статистика = 3,749, при $P \leq 0,0003$). Мы можем констатировать факт, что у нашей выборки православных больше деструктивных установок в общении. Однако стоит отметить и специфику выборки: это новообращённые в относительно позднем возрасте с высокой степенью стремления к религии, но еще без полной интеграции религии в структуру личности. Тем не менее выборка хорошо отражает усреднённый портрет современного российского православного (исключая номинально православных), ибо такая ситуация религиозной социализации типична в силу исторического процесса. Наши данные не противоречат результатам других исследований.

Наше исследование позволило расширить спектр эмпирических исследований психологии религии, добавить некоторые черты к портрету современного российского православного и описать психологические механизмы,

участвующие в его формировании. Однако работа оставляет и ряд вопросов для дальнейших изысканий: так, остается неизвестным, каков будет уровень отрицательных установок в общении у людей, глубоко интегрировавших православную веру. Исследования в

области психологии религии актуальны по причине роста религиозности в современном российском обществе, растущей миграции и, как следствие, столкновения культур, продолжающегося поиска российской модели идентичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева И.Н. Представления о «единстве аффекта и интеллекта» в православии и буддизме // *Личность в пространстве и времени*. 2015. № 5. С. 11–15.
2. Бойко В.В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других. М., 1996. 472 с.
3. В России 74% православных и 7% мусульман [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/old/17-12-2012/v-rossii-74-pravoslavnykh-i-7-musulman> (дата обращения: 31.01.2017).
4. Жог В.И., Соколовская И.Э. Личностные особенности верующей молодежи // *Преподаватель XXI век*. 2014. Т. 2. № 2. С. 348–360.
5. Казьмина О.Е. Православная религиозность в современной России: историческая проблема соотношения религиозной идентичности и религиозной практики // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2007. № 1 (7). С. 129–135.
6. Реан А.А. Социальные установки как фактор делинквентного поведения несовершеннолетних // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология*. 2015. № 11. С. 44–54.
7. Соколовская И.Э. Религиозная идентичность личности (социально-психологическая концепция). М., 2014. 3004 с. (Библиотека духовной культуры).
8. Узнадзе Д.Н. Психология установки. СПб., 2001. 416 с.
9. Ясин М.И. Современные направления исследований в психологии религии // *Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика*. 2016. № 2 (22). С. 76–79.
10. Assor A., Cohen-Malayev M., Kaplan A., Friedman D. Choosing to Stay Religious in a Modern World: Socialization and Exploration Processes Leading to an Integrated Internalization of Religion among Israeli Jewish Youth // *Advances in Motivation and Achievement*. 2005. Vol. 14. P. 105–150.
11. Batson C. D., Ventis W. L., *The Religious Experience: A Social-psychological Perspective*. New York: Oxford University Press, 1982. 356 p.
12. Bernard E., Whitley J., *Religiosity and Attitudes Toward Lesbians and Gay Men: A Meta-Analysis* // *International Journal for the Psychology of Religion*. 2009. Vol. 19 (1). P. 21–38.
13. Brelsford G.M., Luquis R., Murray-Swank N.A., *College Students' Permissive Sexual Attitudes: Links to Religiousness and Spirituality* // *International Journal for the Psychology of Religion*. 2011. Vol. 21 (2). P. 127–136.
14. Kass J.D., Friedman R., Leserman J., Zuttermeister P., Benson H. Health Outcomes and a New Measure of Spiritual Experience // *Journal of Scientific Study of Religion*. 1991. Vol. 30. P. 203–211.
15. Kirkpatrick L.A. Toward an Evolutionary Psychology of Religion and Personality // *Journal of Personality*. 1999. № 67. P. 921–952.

16. LaBouff J.P., Rowatt W.C., Johnson M.K., Finkle C. Differences in Attitudes Toward Outgroups in Religious and Nonreligious Contexts in a Multinational Sample: A Situational Context Priming Study // *International Journal for the Psychology of Religion*. 2012. Vol. 22 (1). P. 1–9.
17. Nielsen M.E., Williams J., Randolph-Seng B. Religious Orientation, Personality, and Attitudes About Human Stem Cell Research // *International Journal for the Psychology of Religion*. 2009. Vol. 19 (2). P. 81–91.
18. Saroglou V. Beyond Dogmatism: the Need for Closure as Related to Religion // *Mental Health, Religion & Culture*. 2002. Vol. 5 (2). P. 183–193.
19. Saroglou V., Kempeneers A., Seynhaeve I. Need for Closure and Adult Attachment Dimensions as Predictors of Religion and Reading Interests // In P. Roelofsma, J. Corveleyn, J. van Saane (Eds.), *One hundred years of psychology and religion*. Amsterdam, 2003. P. 139–154.
20. Toward an Understanding of Religious Tolerance: Quest Religiousness and Positive Attitudes Toward Religiously Dissimilar Others / D. R. Van Tongeren et al. // *International Journal for the Psychology of Religion*. 2015. Vol. 25 (4). P. 1–13.

REFERENCES

1. Andreeva I.N. [The concepts of "unity of affect and intellect" in Christianity and Buddhism]. In: *Lichnost' v prostranstve i vremeni*, 2015, no. 5, pp. 11–15.
2. Boiko V.V. *Energiya emotsii v obshchenii: vzglyad na sebya i na drugikh* [Energy of an emotion in communication: a look at oneself and the others]. Moscow, 1996. 472 p.
3. *V Rossii 74% pravoslavnykh i 7% musul'man* [There are 74% Orthodox and 7% of Muslims in Russia]. Available at: <http://www.levada.ru/old/17-12-2012/v-rossii-74-pravoslavnykh-i-7-musulman> (accessed: 31.01.2017).
4. Zhog V.I., Sokolovskaya I.E. [Personal characteristics of the young believers]. In: *Prepodavatel' XXI vek* [The teacher of the XXI century], 2014, vol. 2, no. 2, pp. 348–360.
5. Kaz'mina O.E. [Orthodox religion in modern Russia: historical problem of correlation between religious identity and religious practice]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov*. Seriya: Istoriya Rossii, 2007, no. 1 (7), pp. 129–135.
6. Rean A.A. [Social attitudes as a factor of juniors' delinquent behaviour]. In: *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta*. Seriya: Filologiya, pedagogika, psikhologiya, 2015, no. 11, pp. 44–54.
7. Sokolovskaya I.E. *Religioznaya identichnost' lichnosti (sotsial'no-psikhologicheskaya kontseptsiya)* [Religious identity of an individual (socio-psychological concept)]. Moscow, 2014. 3004 p.
8. Uznadze D.N. *Psikhologiya ustanovki* [Psychology of attitudes]. St. Petersburg, 2001. 416 p.
9. Yasin M.I. [Modern directions of research in psychology of religion]. In: *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova*. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsial'naya rabota. Yuvenologiya. Sotsiokinetika, 2016, no. 2 (22), pp. 76–79.
10. Assor A., Cohen-Malayev M., Kaplan A., Friedman D. Choosing to Stay Religious in a Modern World: Socialization and Exploration Processes Leading to an Integrated Internalization of Religion among Israeli Jewish Youth. *Advances in Motivation and Achievement*, 2005, vol. 14, pp. 105–150.
11. Batson C. D., Ventis W. L., *The Religious Experience: A Social-psychological Perspective*. New York: Oxford University Press, 1982. 356 p.
12. Bernard E., Whitley J., *Religiosity and Attitudes Toward Lesbians and Gay Men: A Meta-Analysis*. In: *International Journal for the Psychology of Religion*, 2009, vol. 19 (1), pp. 21–38.
13. Brelsford G.M., Luquis R., Murray-Swank N.A., *College Students' Permissive Sexual Atti-*

- tudes: Links to Religiousness and Spirituality. In: *International Journal for the Psychology of Religion*, 2011, vol. 21 (2), pp. 127–136.
14. Kass J.D., Friedman R., Leserman J., Zuttermeister P., Benson H. Health Outcomes and a New Measure of Spiritual Experience. In: *Journal of Scientific Study of Religion*, 1991, vol. 30, pp. 203–211.
 15. Kirkpatrick L.A. Toward an Evolutionary Psychology of Religion and Personality. In: *Journal of Personality*, 1999, no. 67, pp. 921–952.
 16. LaBouff J.P., Rowatt W.C., Johnson M.K., Finkle C. Differences in Attitudes Toward Outgroups in Religious and Nonreligious Contexts in a Multinational Sample: A Situational Context Priming Study. In: *International Journal for the Psychology of Religion*, 2012, vol. 22 (1), pp. 1–9.
 17. Nielsen M.E., Williams J., Randolph-Seng B. Religious Orientation, Personality, and Attitudes About Human Stem Cell Research. In: *International Journal for the Psychology of Religion*, 2009, vol. 19 (2), pp. 81–91.
 18. Saroglou V. Beyond Dogmatism: the Need for Closure as Related to Religion. In: *Mental Health, Religion & Culture*, 2002, vol. 5 (2), pp. 183–193.
 19. Saroglou V., Kempeneers A., Seynhaeve I. Need for Closure and Adult Attachment Dimensions as Predictors of Religion and Reading Interests. In P. Roelofsma, J. Corveleyn, J. van Saane (Eds.), *One hundred years of psychology and religion*. Amsterdam, 2003, pp. 139–154.
 20. D. R. Van Tongeren et al. Toward an Understanding of Religious Tolerance: Quest Religiousness and Positive Attitudes Toward Religiously Dissimilar Others. In: *International Journal for the Psychology of Religionpages*, 2015, vol. 25 (4), pp. 1–13.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ясин Мирослав Иванович – кандидат социологических наук, доцент кафедры психологии Российского экономического университета им Г.В. Плеханова;
e-mail: nadsaw@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Miroslav I. Yasin – candidate of Sociological sciences, associate professor of the department of Psychology of Plekhanov Russian University of Economy;
e-mail: nadsaw@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ясин М.И. Установки в межличностных отношениях у православных христиан // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2017. № 2. С. 80–87.

DOI: 10.18384/2310-7235-2017-2-80-87

THE CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

M. Yasin. Attitudes in interpersonal relations of Orthodox Christians. *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: Psychology, 2017, no 2, pp. 80–87.

DOI: 10.18384/2310-7235-2017-2-80-87

РАЗДЕЛ III. ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК159.99

DOI: 10.18384/2310-7235-2017-2-88-96

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНО- ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ

Дерябина В.В.

Академия социального управления

129281, г. Москва, Староватутинский проезд, д. 8, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается проблема психологической безопасности образовательной и воспитательной среды с точки зрения нескольких научных дисциплин, дан анализ научных исследований по этой проблематике. Особое внимание уделено описанию ряда факторов риска, нарушающих безопасность образовательной среды в учебном учреждении. Выделены негативные последствия влияния этих факторов на детей и педагогических работников. Автором представлена модель целенаправленного формирования благоприятного социально-психологического климата в образовательном учреждении. Делаются выводы о необходимости ведения планомерной просветительской работы с родителями, способствующей психологической безопасности воспитательной среды в семье.

Ключевые слова: социально-психологический климат, факторы риска, негативные последствия.

PSYCHOLOGICAL SECURITY OF EDUCATIONAL ENVIRONMENT

V. Deryabina

Social Management Academ

8, Starovatutinskij proezd, Moscow, 129281, Russian Federation

Abstract. The article deals with the problem of the psychological security of the educational and pedagogical environment in terms of several scientific disciplines. The analysis of research on the problem is given. Particular attention is paid to the description of certain risk factors that might compromise the security of educational environment at an educational institution. The negative impact of these factors on the children and teachers are highlighted. The author provides a model for purposeful formation of a favourable socio-psychological climate at an educational institution. Conclusions about the need to maintain progressive education with parents are drawn. It is to stimulate the supportive psychological security of the educational environment in the family.

Key words: socio-psychological climate, risk factors, negative consequences.

© Дерябина В.В., 2017.

На современном этапе развития общества сбои, возникающие в функционировании психической жизни человека и проявляющиеся в социальных болезнях (наркомания, рост пограничных психологических состояний, суициды), свидетельствуют о его психосоциальном неблагополучии и нарушении психического здоровья [1; 2; 4; 16; 17].

По данным исследований разных авторов можно утверждать, что насилие – одна из отрицательных характеристик общественной реальности современного мира. В образовательной среде основной угрозой взаимодействия её участников является психическая травма, получаемая обучающимися. В результате наносится вред психическому здоровью, ущерб позитивному развитию личности [3; 6; 11; 14; 18].

Проблема психологической безопасности образовательной и воспитательной среды обусловлена тем, что эти два процесса тоже относят к насильственным действиям. Исходя из этого, встаёт задача нивелирования их негативного влияния на психическое и физическое здоровье всех участников образовательного процесса (обучающихся, родителей, педагогов) [15].

По данным наших исследований, в образовательной среде выделены следующие факторы риска: 1) недостаточное обеспечение педагогическими кадрами и материально-технической базой; 2) низкая активность обучающихся и педагогов; 3) несформированность социально-практических навыков, умений; низкий уровень воспитания и культуры; 4) личностно-психологические характеристики субъектов учебно-воспитательного

процесса; 5) неэффективность работы по профилактике психического и физического здоровья [13].

Исходя из этого, доказано, что актуальность исследования проблемы психологической безопасности образовательно-воспитательной среды на современном этапе развития общества неоспорима.

В исследовании выделен ряд угроз психологической безопасности образовательно-воспитательной среды для участников: психологическое насилие во взаимодействии, чрезмерное насыщение информационными технологиями без учёта индивидуальных особенностей, непризнание референтной значимости образовательной среды, отсутствие удовлетворённости в лично-доверительном общении, необоснованная нагрузка учителей отчётной документацией и снижение времени полноценного взаимодействия в диаде «учитель – ученик», недостаточная психологическая подготовленность педагогических работников, правовая незащищённость учителя, ведущая к психологическим стрессам, слабая профилактическая работа с родителями по предупреждению негативного взаимодействия с детьми и пр. [13; 14].

Целью работы является изучение ценности образования для подрастающего поколения в построении успешной карьеры и образа жизни. Главная задача – выделение безопасных психологических условий образовательно-воспитательной среды для полноценного развития личности школьника.

Анализ современной практики образования показал, что с введением ФГОС на первый план выходят показатели не только обучения, но и развития. Образовательная организация,

как социальный институт, призвана не только давать знания, но, развивая, сохранять здоровье человека [4; 7; 8; 9; 15; 16].

Наше исследование направлено на создание благоприятных условий в образовательной организации, помогающих выявить возможности ребёнка, его интересы, потребности. По результатам исследования выявлено, что безопасная образовательная среда как совокупность условий для обучения, развития и социализации учащихся даёт возможность развития способностей обучающихся с учётом их природных задатков и интересов, с одной стороны, и социального запроса на образование – с другой.

В исследованиях отечественных авторов И.В. Баевой, Е.Н. Волковой и др. под **образовательной средой** понимается *психолого-педагогическая реальность, содержащая специально организованные условия для формирования личности, возможности для развития, включённые в социальное и пространственно-предметное окружение, психологической сущностью которой является совокупность деятельностно-коммуникативных актов и взаимоотношений участников учебно-воспитательного процесса* [1; 4; 8; 12].

Ряд авторов подчеркивает, что для современной образовательной организации задача создания безопасной образовательной среды имеет особое значение [6; 8; 9].

По результатам исследований безопасность предполагает состояние защищенности человека и среды, способность отражать неблагоприятные внешние и внутренние воздействия. В образовательной среде ребёнок проживает достаточно большой отрезок

жизни, поэтому создание условий для эффективной педагогической деятельности будет способствовать полноценному, а значит, безопасному формированию и развитию личности [10; 15; 17; 18].

Психологическая безопасность образовательной среды И.В. Баевой определяется как *состояние, свободное от проявлений психологического насилия во взаимодействии, способствующее удовлетворению потребностей в личностно-доверительном общении, создающее референтную значимость среды и обеспечивающее психическое здоровье её участников* [1].

И.А. Баева и В.В. Рубцов определяют психологическую безопасность образовательной среды тремя аспектами: 1) состояние образовательной среды, свободное от психологического насилия во взаимодействии, способствующее удовлетворению основных потребностей в личностно-доверительном общении, создающее референтную значимость среды, обеспечивающее психическое здоровье её участников; 2) система межличностных отношений, вызывающая у участников чувство принадлежности, безопасности и укрепляющая их психическое здоровье; 3) система мер, направленных на предотвращение угроз для продуктивного устойчивого развития личности [2; 3; 5; 6].

В наших исследованиях, проведённых с помощью опроса, выделены три компонента, которые отражают суть благоприятной образовательной среды и составляют её психологическую безопасность: образовательная среда без угроз психологического насилия; чувство принадлежности в межличностных отношениях; меры по

предотвращению угроз для здоровья, оказывающие воздействие на качество образования.

В исследовании показано, что для современного общества характерен кризис социального взаимодействия между людьми. В образовательной среде эти взаимодействия наиболее ярко проявляются в следующих диадах: учитель ↔ ученик, ученик ↔ ученик, учитель ↔ родитель, учитель ↔ учитель, учитель ↔ администратор.

По нашему мнению, именно позитивные эмоциональные отношения в этих диадах и создают *социально-психологический климат*, формирующийся благодаря атмосфере, доминирующей в образовательном учреждении. Под *социально-психологической атмосферой* понимается совокупность эмоциональных состояний, проживаемых субъектами образовательного процесса, особенно в ситуациях затруднения. Закрепляясь, социально-психологическая атмосфера создаёт определённый социально-психологический климат в школе, что свидетельствует о взаимосвязи этих явлений.

Таким образом, оказывая воздействие на эмоциональное состояние обучающегося, педагог задаёт определённую социально-психологическую атмосферу в классе, поэтому поле профессионального внимания должно охватывать *эмоциональное состояние* и быть направлено на развитие системы ценностных отношений в образовательном учреждении.

Психологический анализ исследований ряда авторов показал, что основным компонентом безопасности образовательной среды является *психолого-педагогическое взаимодействие*. Педагог в образовательной сре-

де создаёт условия для детей, являясь главным действующим лицом в обеспечении их психологической безопасности. Состояние педагога для ученика имеет большое ориентирующее значение. Проживаемое ребёнком эмоциональное состояние в конкретной ситуации оказывает большое воздействие на социально-психологическую атмосферу, а следовательно, и на социально-психологический климат в школе, поэтому важным ресурсом формирования этого климата является внимание педагогических работников к актуальному состоянию ученика, особенно в ситуациях затруднения [6; 8; 11; 17].

Понятие «благоприятный, доброжелательный социально-психологический климат» отождествляется с понятием «климат взаимной поддержки и заботы».

С.И. Попова указывает на необходимость оснащения учителя методикой формирования благоприятной социально-психологической атмосферы, включающей внимание педагога к актуальному состоянию ребёнка в контексте данной ситуации, соотнесение актуального состояния ребёнка с целесообразным, отслеживание динамики актуального состояния ученика, как обратной связи для педагога, соотнесение актуального состояния ребёнка с целесообразным для того или иного вида деятельности, выявление их расхождения, выбор способа педагогического регулирования для обеспечения гармоничного состояния ребёнка и его личностного развития [16].

На основании вышесказанного выстроена модель целенаправленного формирования благоприятного социально-психологического климата в образовательной организации (рис. 1).

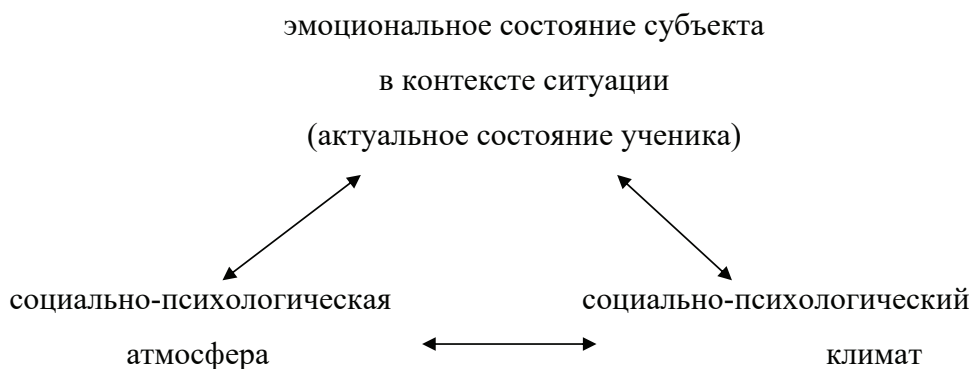

Рис. 1. Модель целенаправленного формирования благоприятного социально-психологического климата

Таким образом, обеспечивая психологическую безопасность в образовательной организации, педагогический коллектив способствует формированию социальной безопасности в обществе в целом.

Образовательная среда становится безопасной, если во взаимодействии её участников нет угрозы позитивному развитию и психическому здоровью личности, удовлетворяются её основные базовые потребности, а межличностные отношения вызывают чувство принадлежности и сопричастности.

В ходе исследования выявлено, что не только отношение педагога к ребенку является основополагающим при создании психологически безопасной среды. Особое значение имеет психологическая безопасность ребенка в семье. Стремительные изменения политического и социального устройства жизни ведут к утрате привычной системы социальной защищенности, снижая психологический ресурс сопротивляемости негативным воздействиям среды. По данным ряда исследований, в современной семье

повышается уровень тревожности, агрессии, особенно в отношении эмоционально значимых лиц. Семья как социальный институт, контролирующей поведение ребёнка, к сожалению, утрачивает свой морально-ценностный потенциал. Субкультура насилия в семье нарушает психологическую безопасность, создавая психологическую незащищённость её членов. Неблагоприятный климат в семье, жестокость, насилие деформируют личность ребенка и во многом определяют его поведение [3; 5; 9; 11; 17].

Угрозами психологической безопасности детей в семье являются: психологическое насилие, депривация со стороны значимых взрослых, завышенные требования, неразвитость родительских навыков и чувств, неэффективные методы родительства, нездоровая конфликтная психологическая атмосфера, отсутствие надзора за ребёнком со стороны родителей и пр. Это создаёт хроническую психотравмирующую ситуацию, деформирует личность ребёнка, придаёт ей антиобщественную направленность.

Дети, перенесшие насилие, составляют «группу риска», проживая совершенно другой путь развития, чем дети из благополучных семей. Травмирующие переживания не только доставляют ребёнку страдание и боль, но делают его озлобленным на обидчика. Особенно тяжело ребёнку, когда насильником выступает один из родителей. Воздействие неблагоприятных, а часто нечеловеческих условий жизни детей в семьях вызывает у них негативные психические, физические и другие изменения, приводящие к тяжелейшим последствиям в развитии [13; 18].

Исследователи, изучающие последствия жестокого обращения, выделяют характерные особенности детей, перенесших насилие [13]: снижение степени доверия к людям; посттравматические реакции: страхи, ночные кошмары, тревогу и др.; низкий уровень самооценки; неспособность к тёплым эмоциональным связям; чувство вины; трудности в самостоятельном принятии решений; когнитивные нарушения: иррациональные верования и убеждения; расстройства эмоциональной регуляции; снижение способности оценивать степень риска, приводящее к саморазрушительному поведению и пр.

Комфортная же обстановка в семье создаёт психологически безопасную среду для ребёнка и стимулирует: чувство защищённости и принадлежности, осознание ценности «Я», личностную значимость для близких, развитие способности к эмпатии и рефлексии, удовлетворение потребности в личностно-доверительном общении, ответственность за свое поведение и жизнь, нравственное развитие личности и т.д. [13; 18].

Возникновение новой угрозы в обществе в виде терроризма и эскалации насилия в межличностном взаимодействии расширяет спектр экстремальных ситуаций. Выделенные нами факторы, усиливающие риск нарушения психологической безопасности окружающей среды и создающие проблемы психического здоровья, особенно у подрастающего поколения, ставят задачу обеспечения безопасности образовательной среды. Развитие морального самосознания личности – важнейшая задача, стоящая перед семьёй и обществом. Только любовью можно ненасильственно, без принуждения преобразовать другого. Чувства побуждают, направляют, контролируют поведение человека. Они определяют эмоциональное состояние личности, её адаптивные возможности, адекватность поведения в трудных ситуациях, влияют на особенности познавательных процессов, способность к саморегуляции, отражаются в отношениях с окружающими и пр. [13; 14; 15; 16; 18].

Таким образом, исследование показало, что базовая потребность человека – потребность в безопасности и защите. Самое важное в семейном воспитании – это своевременная помощь ребёнку в преодолении страхов, сохранение чувства защищённости в настоящем и будущем. Именно родители должны внушать ребёнку уверенность в себе. В процессе семейного воспитания доминирующей должна быть «мотивация достижения успеха», а воспитание, ориентированное на развитие чувства стыда и совести, поможет вырастить личность с внутренним локусом контроля. Обучая ребёнка преодолевать трудности, развивая ответственность, родители помогают

ему в осознании его ценности и уникальности. Таким образом, родитель – это личность, от благополучия мироощущения которой зависит благополучие ребёнка.

В целом необходимо отметить, что родителям не хватает знаний в вопросах воспитания и общения с детьми, что приводит к возникновению труд-

ностей, поэтому планомерная просветительская работа с родителями в образовательном учреждении необходима для разрешения возникающих у них проблем, повышения уверенности в правильности своих действий, что будет способствовать психологической безопасности воспитательной среды в семье.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баева И.В. Методологические подходы к экспертизе психологической безопасности образовательной среды // Информационно-методический бюллетень № 2 Городской экспериментальной площадки второго уровня / ред.-сост. И.А. Баева, В.В. Ковров. М., 2009. С. 9–12.
2. Баева И.А. Образование как национальный ресурс сохранения здоровья школьников и обеспечения психологической безопасности // Информационно-методический бюллетень № 2 Городской экспериментальной площадки второго уровня / ред.-сост. И.А. Баева, В.В. Ковров. М., 2009. С. 3–8.
3. Баева И.А., Семикин В.В. Безопасность образовательной среды, психологическая культура и психическое здоровье школьников // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2005. № 12. С. 7–19.
4. Барцевич В.Н. Факторы психологической безопасности школьной среды // Психология и психотехника. 2012. № 6. С. 61–69.
5. Березина Т.Н. Вероятностная модель продолжительности жизни // Психология и психотехника. 2013. № 4. С. 390–400.
6. Березина Т.Н. Эмоциональная безопасность образовательной среды и ее влияние на субъективное состояние здоровья студентов // Almatater (Вестник высшей школы). 2014. № 2. С. 36–40.
7. Березина Т.Н., Рыбцов С.А., Хитрякова Е.И. Стресс и резервные способности человека (может ли человек «мысленно» послать сигнал об опасности) // Мир психологии. 2008. № 4. С. 148–160.
8. Березина Т.Н. Эмоциональная безопасность образовательной среды и подлинные эмоции // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2013. № 3. С. 16–22.
9. Березина Т.Н. Об эмоциональной безопасности образовательной среды // Психология и психотехника. 2013. № 9. С. 897–902.
10. Бутанаев С.А. Особенности безопасности образовательной среды средней школы с точки зрения ее субъектов // Современное образование. 2013. № 4. С. 1–13. DOI: 10.7256/2306-4188.2013.4.10385.
11. Голубина Ю.Ю. Взаимосвязь между эмоциональной креативностью и эмоциональным интеллектом // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Серия: Педагогика и психология. 2013. № 1. С. 80–87.
12. Грачев Г.В. Информационно-психологическая безопасность личности: состояние и возможности психологической защиты. М., 1998. 125 с.
13. Дерябина В.В. Психологическая помощь детям, пережившим насилие // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2007. № 2. С. 308–312.

14. Зотова Л.Э. Пути оптимизации социально-психологической безопасности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2011. № 2. С. 50–58.
15. Коджаспиров А.Ю. Безопасность личности в образовательной среде школы как психолого-педагогическая проблема // Безопасность образовательной среды: сборник статей / отв. ред., сост. Г.М. Коджаспирова. М., 2008. С. 36–42.
16. Обеспечение психологической безопасности в образовательном учреждении / под ред. И.А. Баевой. СПб., 2006. 288 с.
17. Рубцов В.В., Баева И.А. Психологическая безопасность образовательной среды как условие психосоциального благополучия школьника // Безопасность образовательной среды: сборник статей. М., 2008. С. 5–11.
18. Шульга Т.И., Антипина М.А. Эмоциональная среда семьи как фактор реабилитации личности ребенка в замещающей семье // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2012. № 4. С. 52–63.

REFERENCES

1. Baeva I.V. [Methodological approaches to the examination of psychological safety of educational environment]. In: *Informatsionno-metodicheskii byulleten' № 2 Gorodskoi eksperimental'noi ploshchadki vtorogo urovnya* [Information-methodological Bulletin No. 2 Urban experimental site of the second level]. Moscow, 2009, pp. 9–12.
2. Baeva I.A. [Education as a national resource preservation of the health of schoolchildren and ensure the psychological security]. In: *Informatsionno-metodicheskii byulleten' № 2 Gorodskoi eksperimental'noi ploshchadki vtorogo urovnya* [Information-methodological Bulletin No. 2 Urban experimental site of the second level], 2009, pp. 3–8.
3. Baeva I.A., Semikin V.V. [Security educational environment, psychological culture and mental health of students]. In: *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*, 2005, no. 12, pp. 7–19.
4. Bartsevich V.N. [Factors of psychological safety of school environment]. In: *Psikhologiya i Psikhotehnika*, 2012, no. 6, pp. 61–69.
5. Berezina T.N. [A probabilistic model for lifetime]. In: *Psikhologiya i psikhotehnika*, 2013, no. 4, pp. 390–400.
6. Berezina T.N. [Emotional safety of educational environment and its influence on students' subjective health]. In: *Almamater (Vestnik vysshei shkoly)*, 2014, no. 2, pp. 36–40.
7. Berezina T.N., Rybtsov S.A., Khitryakova E.I. [Stress and reserve capacity of a person (whether a person "mentally" sends the signal of danger)]. In: *Mir psikhologii*, 2008, no. 4, pp. 148–160.
8. Berezina T.N. [Emotional safety of the educational environment and genuine emotion]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*. Seriya: Psikhologicheskie nauki, 2013, no. 3, pp. 16–22.
9. Berezina T.N. [About the emotional safety of the educational environment]. In: *Psikhologiya i psikhotehnika*, 2013, no. 9, pp. 897–902. DOI: 10.7256/2070-8955.2013.9.9375.
10. Butanaev S.A. [Features of educational environment of high school from the point of view of its subjects]. In: *Sovremennoe obrazovanie*, 2013, no. 4, pp. 1–13. DOI: 10.7256/2306-4188.2013.4.10385.
11. Golubina Yu.Yu. [The relationship between emotional creativity and emotional intelligence]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M.A. Sholokhova*. Seriya: Pedagogika i psikhologiya, 2013, no. 1, pp. 80–87.
12. Grachev G.V. Informatsionno-psikhologicheskaya bezopasnost' lichnosti: sostoyanie i voz-

- mozhnosti psikhologicheskoi zashchity [Information-psychological security of a personality: status and opportunities of psychological protection]. Moscow, 1998. 125 p.
13. Deryabina V.V. [Psychological assistance to children-victims of violence]. In: Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki. 2007. no. 2, pp. 308–312.
 14. Zotova L.E. [Ways of optimization of social-psychological security]. In: Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki. 2012. no. 2. pp. 50–58.
 15. Kodzhaspirov A.Yu. [Security of a person in the educational environment of a school as a psychological and pedagogical problem]. In: *Bezopasnost' obrazovatel'noi sredy* [Safety of educational environment]. Moscow, 2008, pp. 36–42.
 16. Obespechenie psikhologicheskoi bezopasnosti v obrazovatel'nom uchrezhdenii [Provision of psychological security at an educational institution]. St. Petersburg, 2006. 288 p.
 17. Rubtsov V.V., Baeva I.A. [Psychological security of the educational environment as a condition of psychosocial well-being of the student]. In: [Safety of educational environment]. Moscow, 2008, pp. 5–11.
 18. Shul'ga T.I., Antipina M.A. [Emotional environment of families as a factor of rehabilitation of the individual child in a foster family]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*. Seriya: Psikhologicheskie nauki, 2012, no. 4, pp. 52–63.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дерябина Валентина Васильевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и педагогической психологии Академии социального управления;
e-mail: valentina1657@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Valentine V. Deryabina – candidate of psychological sciences, senior lecturer of the chair of general and educational psychology, Academy of Social Management;
e-mail: valentina1657@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Дерябина В.В. Психологическая безопасность образовательно-воспитательной среды // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2017. № 2. С. 88–96.
DOI: 10.18384/2310-7235-2017-2-88-96

THE CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

V. Deryabina. Psychological security of educational environment. *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: Psychology, 2017, no 2, pp. 88–96.
DOI: 10.18384/2310-7235-2017-2-88-96

УДК 159.9.072

DOI: 10.18384/2310-7235-2017-2-97-108

ВЗАИМОСВЯЗЬ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ МОТИВАЦИОННЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ И АКАДЕМИЧЕСКОЙ УСПЕШНОСТИ СТУДЕНТОВ ВУЗА

Зинина Ю.М.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена исследованию взаимосвязи степени удовлетворённости мотивационных потребностей и академической успешности студентов вуза. Выявлено, что стимулирование учебной деятельности созданием условий, активизирующих соответствующие потребности и мотивы, взаимосвязано с успешностью учения студентов. Представлены данные удовлетворённости мотивационных потребностей в обучении, соответствующих определенному уровню академической успешности опрошенных студентов. Проведенный анализ показал, что в современных социально-экономических условиях социального взаимодействия существует взаимосвязь академической успешности и удовлетворенности потребности в познании.

Ключевые слова: академическая успешность, мотивация, учебная деятельность, удовлетворенность мотивационных потребностей, потребность в достижениях, потребность в познании, потребность в доминировании, потребность в аффилиации.

THE RELATIONSHIP BETWEEN SATISFACTION OF MOTIVATIONAL NEEDS AND ACADEMIC SUCCESS OF UNIVERSITY STUDENTS

Ju. Zinina

*Moscow Region State University
10A, Radio str., Moscow, 105005, Russian Federation*

Abstract. The study examines the relationship between university students' satisfaction of motivational needs and academic success. It shows that stimulation of learning activities by creating conditions to activate the relevant needs and motives influences the success of teaching. The indicators of satisfaction of needs, corresponding to a certain level of academic success of the interviewed students are also presented. The analysis performed reveals that in modern social and economic conditions of social interaction there is an interrelation between university students' academic success and their satisfaction of need for knowledge.

Key words: academic success, motivation, educational activities, satisfaction of motivational needs, need for achievements, need for knowledge, need for domination, need for affiliation.

Проблема мотивации учебной деятельности рассматривалась в работах многих отечественных учёных (А.Н. Леонтьев, Б.Г. Ананьев [2], Л.И. Божович [4], М.В. Матюхина и Т.С. Михальчик, Ю.М. Орлов, П.М. Якобсон [22], Н.А. Бакшаева

[3], А.А. Вербицкий [5], Г.Ю. Авдиенко [1], Т.О. Гордеева [6], М.В. Овчинников [15], И.В. Федоров и А.М. Федосеева [20], Н.И. Мешков и Н.Е. Садовникова [12], А.П. Чернявская [21], И.Н. Мещерякова [13], Е.А. Пырьев [18], В.А. Тенькова [19], А.В. Кирюшин [8], Л.Э. Зотова [7], О.Б. Михайлова и Ю.С. Токатлыгиль [14] и др.). В исследованиях авторов сформирован понятийно-категориальный аппарат по проблеме мотивации, обоснованы классификации и типологии мотивов учебной деятельности, особенности её развития в различные возрастные периоды, особенности организации образовательного пространства для активизации учебных мотивов [9; 10; 11; 16].

Одной из задач повышения эффективности и качества подготовки специалистов с высшим образованием является его совершенствование путём управления процессом обучения студентов, учитывая психологические особенности личности студента, закономерности и принципы обучения и воспитания, а также наиболее полное использование субъективных возможностей личности и удовлетворение мотивационных потребностей в достижении учебных целей.

Гипотезой исследования выступило предположение, что академическая успешность студентов вуза может быть взаимосвязана с удовлетворённостью мотивационных потребностей, в частности с удовлетворённостью потребности в познании. С целью выявления факторов, оказывающих наибольшее воздействие на эффективность обучения, предпринята попытка изучить взаимосвязь степени удовлетворённости мотивационных потребностей и академических успехов студентов вуза.

В исследовании использовались опросники на определение степени удовлетворения потребностей в аффилиации, в доминировании, в достижениях и в познании, разработанные Ю.М. Орловым.

Были опрошены студенты вузов Московской области с академической успеваемостью «отлично», «хорошо», «удовлетворительно», по 46 человек в каждой группе, всего – 138 человек. Студенты не являются иностранными гражданами, окончили общеобразовательную среднюю школу и обучаются по программе бакалавриата по специальности «Психология».

Удовлетворение потребностей в процессе учебной деятельности измерялось в баллах с помощью специальной шкалы, которая представляет собой список действий удовлетворения той или иной потребности, реализуемой, по мнению испытуемого, в учебной деятельности. Высокий балл свидетельствовал о том, что в учебной деятельности студента в вузе данная потребность удовлетворяется.

Результаты опроса представим графически.

График № 2 демонстрирует линейную взаимосвязь двух переменных: первая – уровень удовлетворённости мотивационной потребности в познании, вторая – академическая успеваемость. За повышением показателей удовлетворённости потребности в познании следует одновременное повышение академической успеваемости и наоборот. По графику № 3 наблюдаем такую же закономерность. Следует также отметить, что показатели удовлетворённости в познании – 84 балла, 94 балла, 100 баллов (график 2) – самые высокие, при сравнении с другими по-

казателями удовлетворенности мотивационных потребностей в достижениях (график 1, 4, 3).

График 1

Удовлетворенность потребности в достижениях по академической успеваемости студентов

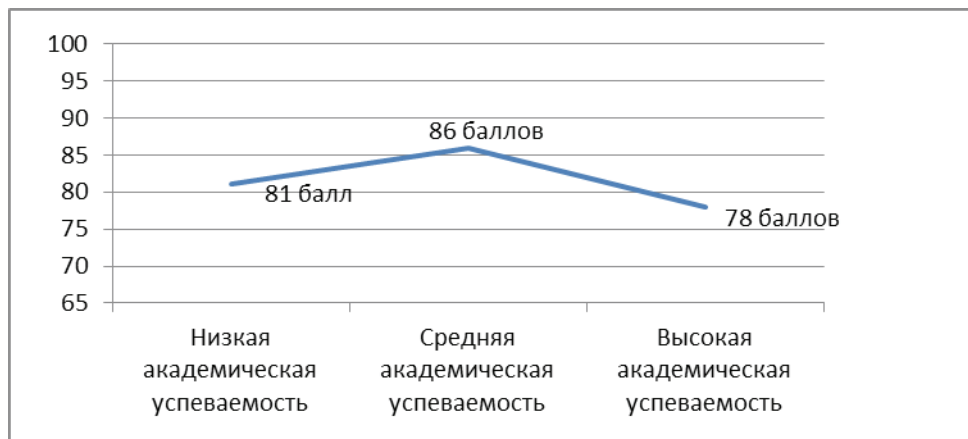

График 2

Удовлетворенность потребности в познании по академической успеваемости студентов

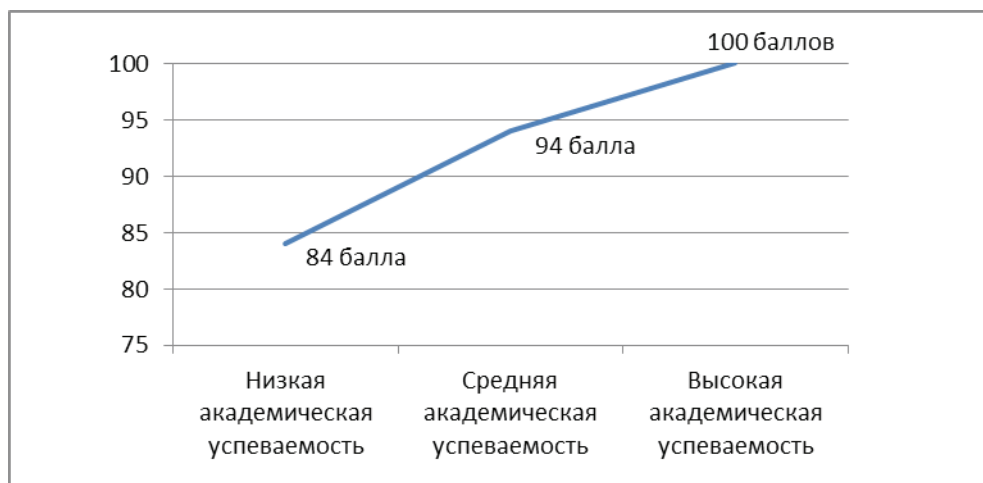

График 3

Удовлетворенность потребности в доминировании по академической успеваемости студентов

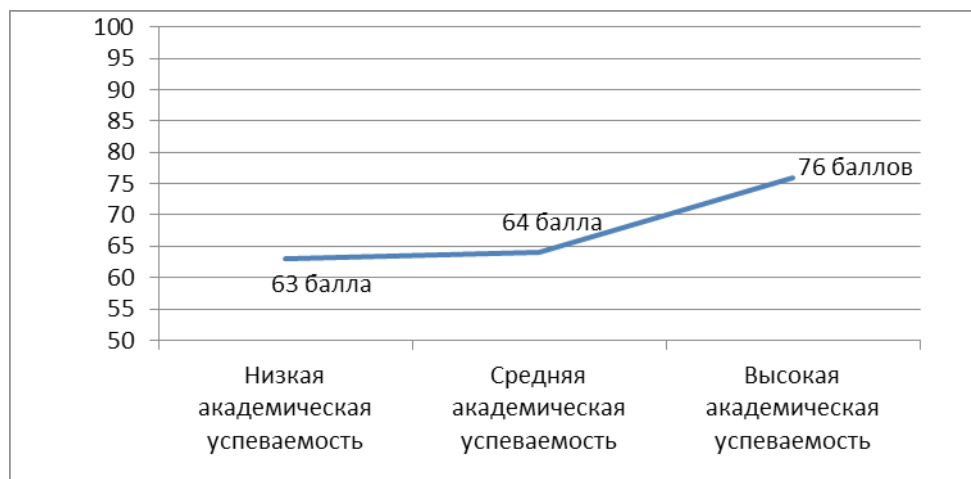
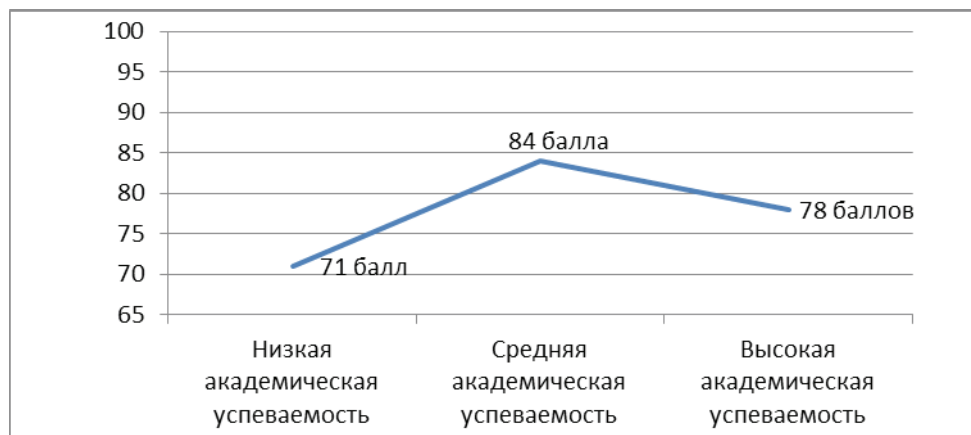

График 4

Удовлетворенность потребности в аффилиации по академической успеваемости студентов

Для определения наличия взаимосвязи между уровнем успеваемости студентов и степенью удовлетворённости мотивационных потребностей в достижениях ($\chi^2_{\text{Эмп}} = 13.317$), в аффилиации ($\chi^2_{\text{Эмп}} = 12.765$), в доминировании ($\chi^2_{\text{Эмп}} = 12.644$), в познании ($\chi^2_{\text{Эмп}} =$

13.539) произведён расчёт коэффициента корреляции Пирсона. Выявлено, что полученные данные статистически достоверны.

Для раскрытия механизма взаимосвязи удовлетворённости мотивационных потребностей и академической

успешности рассмотрим некоторые общие характеристики учебной ситуации.

Учебная ситуация характеризуется наличием внутренних и внешних факторов. К *внутренним* факторам учебной ситуации Ю.М. Орлов относит характеристики учебной деятельности с позиции побудителей учения, мотивов, потребностей, поддерживающих учебную деятельность, удовлетворённости учением, трудности учения, а также отношение к учению. К *внешним* факторам Ю.М. Орлов относит формальные характеристики успешности, т. е. оценки, которые получает студент на экзаменах, зачётах и практических занятиях, формы учебной деятельности, учебный материал, методы обучения, затраты времени на самостоятельную работу по подготовке к экзаменам, зачётам и практическим занятиям, а также внешние характеристики отношения к учению, такие как: дисциплинированность и ответственность в исполнении учебных заданий, посещаемость лекций и занятий, число пропусков без уважительной причины и многое другое [17].

В исследовании были взяты, также согласно опросникам Ю.М. Орлова, следующие переменные, характеризующие учебную ситуацию: академические успехи, удовлетворённость учением, трудность учения, затраты времени на подготовку к учебным занятиям, экзаменам и зачётам в оценках самих студентов, отношение к учению. При этом исходным являлось предположение, что эти характеристики учебной ситуации и успешность обучения взаимосвязаны.

Данные опроса студентов о затратах времени на учение, трудности учения,

удовлетворении учебой, выраженные в процентах от числа опрошенных по каждой группе в соответствии с академической успеваемостью, представлены в табл. 1.

Исследование показывает, что в большинстве своём студенты со средней успеваемостью и высоким уровнем удовлетворённости потребности в достижениях на учебу тратят столько же времени, сколько и их сокурсники, успешные и неуспешные в обучении.

Согласно результатам опроса, студентам с высокой успеваемостью в обучении и более низкой удовлетворённостью потребности в достижениях, а также со средней успешностью и высокой удовлетворённостью потребности в достижениях учение даётся легко, легче, чем неуспешным студентам.

Данные таблицы 1 свидетельствуют, что студенты со средней успеваемостью и высокой удовлетворённостью потребности в достижениях обнаруживают меньшую удовлетворённость учением, чем студенты, неуспешные в обучении, со средним уровнем удовлетворённости потребности в достижениях. Однако можно сказать, что различия показателей переменной «удовлетворён» между собой не столь значительны – 76%, 72%, 87%.

Познавательная потребность проявляется в стремлении ясно видеть, отчетливо слышать, воспринимать объекты и, главное, понимать воспринятое. Она проявляется в тенденции постоянно упорядочивать и систематизировать опыт посредством умственных действий, создавать логически непротиворечивую и обоснованную картину мира. Это познавательная деятельность ради самого познания.

Таблица 1

Характеристики учебной ситуации по академической успеваемости студентов

	Общее кол-во опрошенных студентов – 138 человек		
	(46 чел.)	(46 чел.)	(46 чел.)
	Высокая успеваемость «отлично»	Средняя успеваемость «хорошо»	Низкая успеваемость «удовлетворительно»
<i>Сколько времени Вы тратите на учебу по сравнению с сокурсниками?</i>	% ответивших от числа опрошенных по группам успеваемости		
Меньше, чем они	10	4	33
Почти столько же, сколько они	50	79	54
Больше, чем они	40	17	13
<i>Как дается Вам учение?</i>	% ответивших от числа опрошенных по группам успеваемости		
Легко	67	66	39
Скорее легко, чем трудно	24	15	20
Скорее трудно, чем легко	7	17	32
Очень трудно, учеба забирает все силы. Иногда мне кажется, что я не справлюсь	2	2	9
<i>Удовлетворены ли Вы учебой в данном ВУЗе?</i>	% ответивших от числа опрошенных по группам успеваемости		
Не удовлетворен	4	4	4
И да, и нет	20	24	9
Удовлетворен	76	72	87

Познавательную потребность, таким образом, можно определить как некоторый внутренний фактор, иницирующий и поддерживающий мотивацию и деятельность, целью которой являются приобретение нового знания и опыта, достижение понимания не ради каких-либо других потребностей, а ради удовлетворения, которое субъект получает в самом процессе познавательной деятельности [16].

Учебная деятельность студентов в основном побуждается познавательной потребностью. Только благодаря ей учебная деятельность приобретает внутренние и адекватные стимулы. Потребность в достижениях и познавательная потребность могут являться

теми внутренними побудителями учения, которые способны, несмотря на трудности, длительное время поддерживать учебную активность и эффективно противостоять утомлению.

Исследование показывает, что студенты с заниженной удовлетворённостью познавательной потребности, уровнем её проявления, относятся к группе с низкой успеваемостью, студенты с заниженной удовлетворённостью и высокой удовлетворённостью потребности в познаниях затрачивают на учение одинаковое количество времени. Это может быть определено тем, что затраты времени на учение и отношение к учению не зависят от уровня познавательной потребности у студентов.

Трудность учения зависит от уровня потребности в познаниях, а именно – труднее учиться студентам с низкой познавательной потребностью. Для них учение не имеет внутреннего стимула и побуждается внешними факторами (доминирования или повышения статуса), для них познавательный мотив не направлен на цель, что лишает учение мотивационной поддержки.

Из данных проведённого опроса следует, что студенты, неуспешные в обучении и с заниженной удовлетворённостью мотивационной потребности в познании, считают, что учение даётся им труднее. Студенты, успешные в обучении, с высокой удовлетворённостью потребности в познании, оценивают учение как лёгкое и показатель «удовлетворён учёбой» имеют средний.

Потребность в аффилиации возникает вследствие рассогласования ожидаемой интенсивности, частоты и структуры социальных контактов, окрашенных в положительные эмоциональные тона, с реальными контактами в группе. Потребность проявляется в тенденции к установлению и поддержанию хороших межличностных отношений, в стремлении восстановить нарушенные отношения, простить проступок другого ради возобновления теплых дружеских связей. Это желание быть членом группы, коллектива, взаимодействовать с коллективом, осуществлять эмоциональные контакты (участие, сочувствие, сопереживание и т. д.), находиться вместе, оказывать помощь другим и принимать помощь других. Потребность в аффилиации проявляется также в стремлении участвовать в совместных действиях, целью которых является само

общение, например в организации совместного отдыха, вечеров, встреч, проводов и активном участии в них. Одним из главных проявлений потребности в общении является стремление человека уменьшить социальную дистанцию между ним и другими членами группы.

Исследование показывает, что студенты со средней успеваемостью и с высоко удовлетворённой потребностью в аффилиации в большинстве своём считают, что тратят почти столько же времени на учёбу, сколько и их сокурсники. Студенты с высокой успеваемостью и со средне удовлетворённой потребностью в аффилиации считают, что тратят времени на учёбу больше остальных. Только 1/3 студентов с низкой успеваемостью и заниженным уровнем удовлетворённости потребности в аффилиации, а также менее половины среднеуспешных студентов считают, что тратят времени на учёбу больше своих сокурсников.

Таким образом, можно полагать, что потребность в общении оказывает положительное влияние на учебную ситуацию.

Потребность в доминировании – стремление влиять на других и контролировать их поведение, навязывать другим свои взгляды, отношения, вкусы, стиль, способы решения проблем в совместной деятельности; это стремление убеждать других, быть авторитетным, вступать в споры.

Потребность в доминировании при наличии у субъекта соответствующих способностей, социальных навыков и адекватной техники проявляется как лидерство, а в случае неумения реализовать это стремление, проявляется в доминантности, т. е. в авторитарности

и эгоистическом стремлении к власти. Таким образом, лидерство и доминантность имеют в своей основе одну и ту же потребность в доминировании, но различия в структуре личности возникают вследствие различной техники доминирования, т. е. удовлетворения потребности.

Потребность в достижениях следует отличать от потребности в доминировании. Первая имеет целью повышение уровня коллективных достижений в совместной деятельности путём усовершенствования организации коллективной деятельности и структуры коллектива, а вторая заключается в усилении влияния на других. Потребность в доминировании проявляется в деятельности, целью которой является доминирование. Целью деятельности доминирования является контроль социальной ситуации и активное влияние на неё. Техника удовлетворения потребности в доминировании зависит от особенностей социальных норм, роли и статуса личности.

Потребность в доминировании связана также и с потребностью в престиже. Достижение престижа само по себе ещё не даёт удовлетворения потребности в доминировании: престиж создаёт лишь больше возможностей усилить влияние и контроль социальной ситуации. Потребность же в престиже в отличие от доминирования удовлетворяется самим престижем, т. е. уважением и восхищением, признанием других, независимо от того, усиливается при этом возможность контроля социальной ситуации или нет. Аналогичны отношения потребности в доминировании и потребности в повышении формального статуса: повышение статуса удовлетворяет

потребность в доминировании только потому, что увеличивает возможности её удовлетворения.

Согласно данным таблицы 1, студенты с высокой успеваемостью и высоким уровнем удовлетворённой потребности в доминировании тратят больше времени на учёбу, чем студенты с низкой успеваемостью и пониженным уровнем удовлетворённости этой потребности. Это обстоятельство является парадоксальным, если рассматривать трудность учения в связи с затратами времени, которые коррелируют так: чем легче учение, тем меньше затраты учебного времени.

Студенты с низкой успеваемостью и заниженным уровнем удовлетворённости потребности в доминировании оценивают учебный процесс как трудный, учение им даётся скорее трудно, чем легко, а студенты с высокой успеваемостью и высоким уровнем удовлетворённости этой потребности – как легкий.

Активность студентов на различного рода коллективных обсуждениях, дискуссиях, защитах курсовых работ, коллоквиумах в значительной мере определяется действием мотива доминирования. Результат влияния действия потребности в доминировании зависит от того, в какой мере развита потребность в достижениях. Студенты с высоким доминированием и достижением, как правило, обнаруживают более высокую активность в учебной ситуации. Проведённый опрос выявил, что студенты с высоким уровнем удовлетворённости потребности в доминировании учатся «легче», чем студенты с заниженным уровнем удовлетворённости потребности в доминировании.

Для студентов с высокой успеваемостью и заниженной потребностью в достижениях потребность в доминировании оказывает обратное воздействие на отношение к учению: с возрастанием потребности в доминировании происходит ухудшение отношения к учению, показатель «удовлетворён учебой» уменьшается. Следовательно, для этих студентов учебная ситуация имеет мотивационное значение постольку, поскольку она даёт удовлетворение потребности в доминировании над другими.

Для определения наличия взаимосвязи академической успешности студентов с переменными учебной ситуации «затраты времени на учебу» ($\chi^2_{Эмп} = 56.21$), «трудность учения» ($\chi^2_{Эмп} = 27.968$), «удовлетворённость учебой» ($\chi^2_{Эмп} = 8.37$) произведён расчёт коэффициента корреляции Пирсона. Выявлено, что полученные данные статистически достоверны.

Анализ результатов проведённого опроса свидетельствует о наличии взаимосвязи удовлетворённости мотивационных потребностей в достижениях и в доминировании, в познании и в аффилиации, во влиянии их на отношение к учению.

Любой стимул влияет на учебную деятельность, так как он активизирует определённый мотив или потребность человека. Усиление или ослабление некоторых потребностей и некоторых видов мотивации оказывает влияние на эффективность учебной деятельности. Необходимым условием стимулирования учения является воздействие на потребности и мотивы студента, оказывающие влияние на конечный результат деятельности, на успешность учения.

Проведённое исследование установило, что уровень удовлетворённости мотивационных потребностей студентов по всем группам академической успеваемости достаточно высок, однако уровень удовлетворённости мотивационной потребности в познании имеет самые высокие показатели.

Таким образом, результаты проведённого исследования подтверждают выдвинутую гипотезу, что в современных социально-экономических условиях академическая успешность студентов вуза взаимосвязана с удовлетворённостью мотивационных потребностей, в частности с удовлетворённостью потребности в *познании*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдиенко Г.Ю., Колбина Е.В., Томашев А.Н. Мотивационная сфера личности студентов вуза. СПб., 2011. 60 с.
2. Ананьев Б.Г. Психология педагогической оценки // Избранные психологические труды: в 2-х т. Т. 2. М., 1980. С. 128–265.
3. Бакшаева Н.А., Вербицкий А.А. Психология мотивации студентов. М., 2006. 184 с.
4. Божович Л.И. Проблемы развития мотивационной сферы ребенка // Хрестоматия по психологии: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов / сост. В.В. Мироненко; под ред. А.В. Петровского. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1987. 447 с.
5. Вербицкий А.А. «Человеческое измерение» реформы образования // Технологии построения систем образования с заданными свойствами: материалы IV Международной научно-практической конференции. М., 2013. С. 10–22.
6. Гордеева Т.О. Мотивация учебной деятельности школьников и студентов: структура,

- механизмы, условия развития: автореф. дис. ...док. психол. наук. М., 2013. 46 с.
7. Зотова Л.Э. Взаимосвязь терминальных ценностей студентов-психологов с характеристиками учебной деятельности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2014. № 2. С. 69–77.
 8. Кирюшин А.В. Изучение мотивации обучения в вузе студентов социально-гуманитарного факультета ТОГУ // Ученые заметки Тихоокеанского государственного университета. 2015. Т. 6. № 1. С. 28–32.
 9. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. 304 с.
 10. Леонтьев А.Н. Обучение как проблема в психологии // Вопросы психологии. 1957. № 1. С. 3–17.
 11. Возрастная и педагогическая психология: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2121 «Педагогика и методика начального обучения» / М.В. Матюхина и др.; под ред. М.В. Гамезо и др. М., 1984. 256 с.
 12. Мешков Н.И., Садовникова Н.Е. Ценностный подход к проблеме мотивации учебной деятельности студентов // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2011. № 3 (6). С. 199–201.
 13. Мещерякова И.Н. Особенности мотивации учебной деятельности студентов-психологов различных курсов // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2015. №4 (269). С. 137–139.
 14. Михайлова О.Б., Токатлыгиль Ю.С. Особенности проявления академической успешности и инновационности у студентов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2015. № 3. С. 92–98.
 15. Овчинников М.В. Динамика мотивации учения студентов педагогического вуза и ее формирование: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Екатеринбург, 2008. 20 с.
 16. Орлов Ю.М. Потребностно-мотивационные факторы эффективности учебной деятельности студентов вуза: дис. ... док. психол. наук. М., 1984. 360 с.
 17. Потребности и мотивы учебной деятельности студентов вуза / отв. ред. Ю.М. Орлов. М., 1976. 180 с.
 18. Пырьев Е.А. Эмоции и интеллект в учебной деятельности студентов вуза // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015. Т. 17. №1 (2). С. 394–398.
 19. Тенькова В.А. Особенности учебной мотивации студентов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. 2015. № 4. С. 87–90.
 20. Федоров И.В., Федосеева А.М., Абдулаева В.М. Динамика профессиональной мотивации и успеваемости у студентов технического вуза // Психология обучения. 2012. № 1. С. 58–69.
 21. Чернявская А.П. Условия развития мотивации учебной деятельности студентов // Ярославский педагогический вестник. Т. II (Психолого-педагогические науки). 2012. № 2. С. 313–315.
 22. Якобсон П.М. Психологические проблемы мотивации поведения человека. М., 1969. 316 с.

REFERENCES

1. Avdienko G.Yu., Kolbina E.V., Tomashev A.N. *Motivatsionnaya sfera lichnosti studentov vuza* [Motivational sphere of students' personality]. St. Petersburg, 2011. 60 p.
2. Anan'ev B.G. [Psychology of educational evaluation]. In: *Izbrannyye psikhologicheski trudy. T. 2* [Selected psychological works. Vol. 2]. Moscow, 1980, pp. 128–265.

3. Bakshaeva N.A., Verbitskii A.A. *Psikhologiya motivatsii studentov* [The psychology of students' motivation]. Moscow, 2006. 184 p.
4. Bozhovich L.I. [Problems of development of motivational sphere of a child]. *Khrestomatiya po psikhologii* [Reader in psychology]. Moscow, 1987. 447 p.
5. Verbitskii A.A. [The "human dimension" of education reform]. In: *Tekhnologii postroeniya sistem obrazovaniya s zadannymi svoistvami: materialy IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Technology of building education systems with specified properties: proceedings of the IV International scientific-practical conference]. Moscow, 2013, pp. 10–22.
6. Gordeeva T.O. *Motivatsiya uchebnoi deyatel'nosti shkol'nikov i studentov: struktura, mekhanizmy, usloviya razvitiya: avtoref. dis. ... dok. psikhol. nauk* [Motivation of educational activity of pupils and students: structure, mechanisms and conditions of development: abstract of D thesis in Psychological sciences]. Moscow, 2013. 46 p.
7. Zotova L.E. [The relationship of terminal values of students-psychologists with the characteristics of learning activities] In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*. Seriya: Psikhologicheskie nauki, 2014, no. 2, pp. 69–77.
8. Kiryushin A.V. [The study of learning motivation in university students at social-humanitarian faculty of PNU]. In: *Uchenye zametki Tikhookeanskogo gosudarstvennogo universiteta* [The scientists notes of the Pacific state University], 2015, vol. 6, no. 1, pp. 28–32.
9. Leont'ev A.N. *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow, 1975. 304 p.
10. Leont'ev A.N. [Training as a problem in psychology] In: *Voprosy psikhologii*, 1957, no. 1, pp. 3–17.
11. Matyukhina M.V., Mikhal'chik T.S., Prokina N.F. et al. *Vozrastnaya i pedagogicheskaya psikhologiya* [Age and pedagogical psychology]. Moscow, 1984. 256 p.
12. Meshkov N.I., Sadovnikova N.E. [Value approach to the problem of motivation of students' educational activities]. In: *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2011, no. 3 (6), pp. 199–201.
13. Meshcheryakova I.N. [Features of motivation of educational activity of students-psychologists of different courses] In: *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2015, no. 4 (269), pp. 137–139.
14. Mikhailova O.B., Tokatlygil' Yu.S. [Peculiarities of students' academic success and innovation]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*. Seriya: Psikhologicheskie nauki, 2015, no. 3, pp. 92–98.
15. Ovchinnikov M.V. *Dinamika motivatsii ucheniya studentov pedagogicheskogo vuza i ee formirovanie: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk* [The dynamics of learning motivation of students of pedagogical higher education institution and its development: abstract of PhD thesis in Psychological sciences]. Ekaterinburg, 2008. 20 p.
16. Orlov Yu.M. *Potrebnostno-motivatsionnye faktory effektivnosti uchebnoi deyatel'nosti studentov vuza: dis. ... dok. psikhol. nauk* [The requirement of motivational factors of efficiency of educational activity of university students: D. thesis in Psychological sciences]. Moscow, 1984. 360 p.
17. Orlov Yu.M. ch. ed. *Potrebnosti i motivy uchebnoi deyatel'nosti studentov vuza* [The needs and motives of educational activity of university students]. Moscow, 1976. 180 p.
18. Pyr'ev E.A. [Emotions and intelligence in educational activity of university students] In: *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk* [Proceedings of the Samara scientific center, Russian Academy of Sciences], 2015, vol. 17, no. 1 (2), pp. 394–398.
19. Ten'kova V.A. [The peculiarities of students' learning motivation] In: *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Problemy vysshego obrazovaniya, 2015, no. 4, pp. 87–90.

20. Fedorov I.V., Fedoseeva A.M., Abdulaeva V.M. [Dynamics of professional motivation and achievement among students of technical universities] In: *Psikhologiya obucheniya*, 2012, no. 1, pp. 58–69.
 21. Chernyavskaya A.P. [Conditions of development of students' motivation to educational activities] In: *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik*. Т. II (Psikhologo-pedagogicheskie nauki), 2012, no. 2, pp. 313–315.
 22. Yakobson P.M. *Psikhologicheskie problemy motivatsii povedeniya cheloveka* [Psychological problems of motivation of human behavior]. Moscow, 1969. 316 p.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зинина Юлия Михайловна – соискатель кафедры социальной психологии Московского государственного областного университета;
e-mail: jmzi@inbox.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Julia M. Zinina – postgraduate student of the Department of Social Psychology, Moscow Region State University;
e-mail: jmzi@inbox.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Зинина Ю.М. Взаимосвязь удовлетворенности мотивационных потребностей и академической успешности студентов вуза // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2017. № 2. С. 97–108.
DOI: 10.18384/2310-7235-2017-2-97-108

THE CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

Ju. Zinina. The relationship between satisfaction of motivational needs and academic success of university students. *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: Psychology, 2017, no 2, pp. 97–108.
DOI: 10.18384/2310-7235-2017-2-97-108

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г. Выпускается десять серий журнала: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Все серии включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень ведущих рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по наукам, соответствующим названию серии. Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовая версия журнала доступна в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте журнала (www.vestnik-mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

2017. № 2

Над номером работали:

Литературный редактор Т.С. Павлова
Переводчик Е.В. Приказчикова
Корректор И.К. Глузунов
Компьютерная верстка А.В. Тетерин

Отдел по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного областного университета»:
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101); (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».
Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 7,25, усл. пл. 7.
Подписано в печать: 30.06.2017. Выход в свет: 18.07.2017. Заказ № 2017/06-27.
Отпечатано в типографии МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, 10А